

Гуманитарный университет

**Современная Россия:
путь к миру – путь к себе**

**Материалы XI Всероссийской
научно-практической конференции
Гуманитарного университета
10–11 апреля 2008 года**

Том второй

**Российская правовая система:
состояние, место в современном миропорядке,
проблемы развития**

**Современная Россия в мировом образовательном
пространстве: обретения и потери**

**Противоречия экономического развития России:
проблемы конкурентоспособности
и стратегические цели**

**Российская идентичность как проблема
отечественной индустрии одежды**

Россия компьютерная: ожидания и реалии

Сервис и туризм по-русски: чем гордиться?

**Екатеринбург
2008**

УДК 32
ББК 66.2 (2Рос)

С 56

Современная Россия: путь к миру – путь к себе: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета 10–11 апреля 2008 года: Доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др.: В 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2008. – Т. 2: Российская правовая система: состояние, место в современном миропорядке, проблемы развития. Современная Россия в мировом образовательном пространстве: обретения и потери. Противоречия экономического развития России: проблемы конкурентоспособности и стратегические цели. Российская идентичность как проблема отечественной индустрии одежды. Россия компьютерная: ожидания и реалии. Сервис и туризм по-русски: чем гордиться? – 552 с.

ISBN 5-7741-0097-2

Во втором томе рассматриваются противоречия и тенденции развития российской экономики и права на пути вхождения страны в современное мировое сообщество. Авторы исследуют проблему изменения России, анализируя состояние системы образования, индустрии одежды, сервиса и туризма. Ряд статей посвящен исследованию процесса компьютеризации России и формирования информационного общества.

Рекомендуется специалистам в области социально-гуманитарных наук, студентам, аспирантам, а также тем, кого интересуют вечные вопросы русской интеллигенции: кто мы? куда и зачем идем? что делать?

УДК 32
ББК 66.2 (2Рос)

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
д-р юрид. наук, проф. А. П. Семитко
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. истор. наук, доцент К. И. Зубков
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
канд. экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перелыгина
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов

ISBN 5-7741-0097-2

© Сборник. Гуманитарный ун-т, 2008
© Оформление.
Гуманитарный ун-т, 2008

Содержание

Раздел первый

Российская правовая система: состояние, место в современном миропорядке, проблемы развития 15

С. И. Глушкова

Развитие концепции прав человека в современной российской политико-правовой теории и практике 16

М. Н. Анисимова

Коммуникационный подход к развитию современного российского общества 22

Т. В. Анисимова

Представительство: определение понятия 25

Г. В. Болдыгин

О смысле и суде истории 29

С. Г. Бывальцева

Проблемы развития правового статуса современной российской прокуратуры 37

Ю. В. Волкова

Корпоративное право России и Евросоюза: возможности и тенденции гармонизации 41

Д. Е. Гагаринов

Категория противоправности в гражданском праве 45

А. А. Давлетов

О типе современного уголовного процесса России 49

Н. Н. Давыдов

Самозащита – лучшее средство от современного информационного насилия 52

С. А. Денисов

Препятствия на пути перехода России от административной системы к системе гражданского права 56

С. А. Дьяконова

Актуальная проблема типизации российской правовой системы в мировом правовом пространстве 60

О. Н. Дьячкова

Народная правотворческая инициатива как конституционно-правовой институт российского государства 65

<i>Ю. Л. Ершов, М. А. Черенкова</i> Правовые вопросы защиты репутации от недостоверных сведений, распространенных в средствах массовой информации	68
<i>А. Е. Каменева</i> Талант в современных российских правовых и экономических практиках	71
<i>В. А. Камышин</i> Справедливость в уголовном процессе	75
<i>Р. Е. Качанов</i> Коллизийные требования «дерогативности» как общие принципы права: понятие и особенности влияния на нормоконтрольную деятельность судов в условиях российской правовой системы	79
<i>О. А. Колоткина</i> Безопасность в российской правовой системе: мера свободы или мера ограничения свободы?	84
<i>А. О. Коптелов</i> Взаимодействие государства и местного самоуправления в России как фактор эффективного управления страной	91
<i>Н. А. Мальцева</i> Институт неосновательного обогащения во французском праве и принцип справедливости	94
<i>А. Ю. Маракулин</i> Вещное и обязательственное право в структуре Гражданского кодекса	98
<i>В. А. Муравский</i> О волевом содержании права	101
<i>А. Л. Мышинский</i> Иван Ильин: что надо было учесть, заново создавая российскую правовую систему	107
<i>А. Л. Малхасьян</i> Место мусульманской культуры в российской правовой системе	110
<i>Л. В. Никулина</i> Проблемы борьбы с терроризмом и их правовой аспект	115
<i>Л. В. Никулина</i> Проблема толерантности в современной России: правовой аспект	119

<i>А. А. Озеров</i> Мониторинг правотворчества в РФ: итоги и перспективы развития	123
<i>Е. С. Резник</i> Актуальные вопросы гражданско-правового регулирования отношений, объектом которых выступает Жизнь человека	130
<i>А. П. Семитко</i> Конституционный Совет Франции: предложения комиссии Э. Балладюра по изменению его компетенции	135
<i>М. Н. Семякин</i> Российская правовая система: проблемы ее понимания и развития в современных условиях	144
<i>А. В. Скоробогатов, И. В. Покидышева</i> К вопросу об определении правового статуса национальных меньшинств в законодательстве Российской Федерации	148
<i>М. В. Снегирёва</i> Ограничение конституционных прав лиц, не имеющих регистрации по месту жительства	153
<i>Н. Ю. Старикова</i> Формирование предправовых представлений в славянской мифологии	157
<i>Н. Ю. Старикова</i> Принципы договора и их возникновение в архаических мифах	162
<i>Д. А. Фефелов</i> Тенденции развития российской государственности в переходный период: политико-правовые аспекты	166
<i>Г. С. Хайрова</i> Сецессия – право народов или крайняя мера?	170
<i>А. В. Чугай</i> Публичный порядок как категория теории права	175
<i>Д. С. Шистеров</i> Коммерческое обозначение в системе гражданского законодательства	178
<i>И. Д. Ягофарова</i> Понятие «мера» и перспективы ее использования в сфере права: общая постановка проблемы	180

<i>С. Я. Гаген</i> М. В. Шахматов как исследователь древнерусской политической идеологии	185
--	-----

Раздел второй
Современная Россия в мировом
образовательном пространстве: обретения и потери 195

<i>С. В. Архипова</i> Преемственность в образовании и Болонский процесс	196
<i>В. В. Астафьев</i> Современная Россия в мировом образовательном пространстве	200
<i>О. В. Брагина</i> Проблемы музыкального образования и воспитания молодежи в России	204
<i>Г. В. Вельтищева</i> Проблема взаимодействия академического и бизнес-образования в России	208
<i>С. Ю. Вишневский, Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко</i> Установки на перспективу российского студенчества	211
<i>А. В. Гаук</i> Изменение условий обучения в ходе реализации национального проекта «Образование»	220
<i>Н. А. Гончарова</i> Тенденции в современном образовании	223
<i>Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина,</i> <i>Е. А. Широкова, А. Р. Кантор</i> Образовательный потенциал телевидения в оценках экспертов	227
<i>Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина</i> Национальное образование как социокультурный фактор этнонациональной идентификации молодежи	230
<i>О. С. Иванова, Т. Н. Пестова</i> Педагогическая технология «Дебаты» и обучение будущих социологов	235
<i>А. Г. Кислов</i> О профессионально-педагогическом образовании в современной России	238

<i>И. К. Кощеева</i> Европейское окно возможностей в российском интерьере	241
<i>Е. А. Левина</i> Роль образования в творческом развитии молодежи	248
<i>В. П. Лимушин</i> К вопросу преемственности (гармонизации) педагогических парадигм в преподавании экономики	251
<i>В. С. Макеева</i> Развитие невербального потенциала личности средствами и методами физической культуры	254
<i>О. А. Овчинникова</i> Юридические факты как основания образовательных правоотношений: теоретико-правовой аспект исследования	258
<i>Е. П. Пьянзина</i> Дистанционное образование как фактор включения России в мировое образовательное пространство	262
<i>И. Ю. Самолюк, И. В. Тесленко</i> Аспекты внедрения информационных технологий в рамках среднего общего образования	267
<i>Е. Г. Сахновская</i> О проблемах развития системы образования России в контексте Болонского процесса	270
<i>Т. Н. Серёгина</i> Современные представления об «идеальном» преподавателе бизнес-дисциплин	273
<i>Т. Н. Стариченко</i> Зигзаги современной российской системы профессионального образования	277
<i>Н. В. Стребкова</i> Институционализация оценки качества образования в РФ..	281
<i>Л. В. Тарасова</i> Профессиональное обучение: профессиональная компетентность менеджера малого бизнеса в условиях современности	285
<i>Т. В. Филипповская</i> Бегство профессионалов: «дилемма заключенного»	289
<i>Ю. С. Хлызова</i> Социальный слой бездомных в зеркале СМИ.....	295

<i>Л. В. Хохлова</i> Мифотворчество и философствование как предпосылки инноватики	297
<i>Е. В. Шварц</i> Высшая школа России в современном образовательном пространстве	301
<i>Т. Ф. Шитова</i> Достижения и потери российского высшего образования в эпоху перемен	305
<i>Е. П. Шихова</i> Индивидуальная работа с семьей: практический опыт	309
<i>Е. А. Шуклина, Н. Б. Тейтельман</i> Потребности в образовании студентов негосударственных вузов как предмет социологического исследования	313
<i>Д. А. Ягофаров</i> Образование и образовательная система как объекты теоретико-правового анализа	325

Раздел третий

Противоречия экономического развития России: проблемы конкурентоспособности и стратегические цели

<i>А. А. Аношкин</i> В «ракушке»: культура малого бизнеса	334
<i>В. Л. Берсенёв, Е. Л. Ющук</i> Конкурентная разведка в России: вопросы институционализации	337
<i>Н. А. Гончарова</i> Россия в период перемен	341
<i>Е. Ю. Горбунова</i> Новая роль внешней среды в организации	344
<i>К. Е. Гришин</i> Эффективное взаимодействие властных и предпринимательских структур как фактор конкурентоспособности	349
<i>А. А. Заянов, Н. В. Хмелькова</i> Государственная поддержка малого бизнеса как источник конкурентоспособности экономики России	352

<i>Л. Н. Куклина, С. И. Пономарева</i> Противоречия современного экономического развития России: социально-демографическая безопасность и стратегические цели	356
<i>С. А. Мицек, Е. Б. Мицек</i> Инвестиции в основной капитал как вектор развития экономики России	360
<i>К. В. Павлов</i> Основные стадии конкурентоспособности российских предприятий	368
<i>В. А. Покушев, Н. В. Хмелькова</i> Роль малого бизнеса в стратегическом развитии современной экономики России	371
<i>Л. Н. Решетникова</i> Влияние финансово-экономической анализа на конкурентоспособность предприятия в современной экономической среде	375
<i>Н. А. Сафронова</i> Развитие внешнеторговой деятельности научного комплекса Новосибирской области как показатель конкурентоспособности в условиях интернационализации российской экономики	378
<i>С. В. Титов, Н. В. Хмелькова</i> Государственное воздействие на теневой сектор как источник стратегического развития российской экономики	382
<i>А. А. Успенский, И. Н. Кандоба</i> Оптимизация товарных потоков на основе прогноза уровня потребительского спроса	386
<i>М. С. Шарифуллина</i> Конкуренция: проблемы, противоречия, тенденции	389

Раздел четвертый

Российская идентичность как проблема отечественной индустрии одежды

<i>Т. В. Захарова</i> Современная ситуация в отечественной индустрии одежды	394
---	-----

<i>Л. В. Росновская</i>	
Роль одежды в формировании российской идентичности ...	399
<i>Н. М. Субботина</i>	
Идентичность и формирование имиджа	405
<i>А. В. Костарева</i>	
Проблемы идентичности российской моды	413
<i>О. А. Бакеркина</i>	
Размышления о национальной гордости	416
<i>Е. М. Пичугова</i>	
Биометрическая идентичность нового поколения российских разменных стандартов населения	419
<i>Л. В. Мерзиевская</i>	
Условия становления профессиональной идентичности будущих специалистов в сфере индустрии одежды на первой ступени высшей школы	422
<i>Н. Г. Сумина</i>	
Особенности российского рынка одежды	427
<i>П. В. Кутенева, М. В. Мозжерина</i>	
Маркетинговые исследования рынка детской одежды	431

Раздел пятый

Россия компьютерная: ожидания и реалии

<i>А. В. Агеносов</i>	
Инженерия знаний и онтологии	436
<i>Ю. А. Гладких</i>	
Реинжиниринг как инструмент информатизации современного образования	440
<i>Е. Г. Дьякова</i>	
Государство как субъект конструирования проблемы «информационного неравенства»	444
<i>И. Л. Ждахин</i>	
Задачи производственной логистики в курсе «Корпоративные информационные системы»	448
<i>Г. Я. Коднер</i>	
Фантастические возможности нанотехнологий	451
<i>Е. Г. Корзунина</i>	
Интернет-зависимость и ее влияние на сознание человека	453

<i>А. С. Лобов</i>	
Кадры для компьютерной России	458
<i>В. М. Соколов</i>	
Информационно-аналитическая система	462
<i>Е. Ю. Щербина, П. А. Глазков</i>	
Роль интеллектуальных ресурсов в экономике информационного общества	464

Раздел шестой

Сервис и туризм по-русски: чем гордиться?

<i>Л. А. Мясникова</i>	
Туризм по-русски, туризм по-уральски: а чем же гордиться?	468
<i>Е. Л. Кротова</i>	
Тенденции спроса на рынке услуг внутреннего и международного туризма России	475
<i>С. А. Гарипова</i>	
Города как центры конгрессной деятельности. Перспективы развития Екатеринбурга	480
<i>Я. Р. Петько</i>	
Анализ динамики развития рынка туристских услуг Свердловской области	487
<i>С. Ю. Каменский</i>	
«Глубокий» туризм: от тур-продукта к тур-приключению ..	491
<i>Е. А. Калужникова</i>	
Светское паломничество в системе современного туризма	495
<i>Р. Я. Шляпугина</i>	
Памятники исторического наследия и культурный туризм в регионе (на примере территории г. Чайковский)	499
<i>С. А. Рамзина</i>	
Маркетинг отношений как основа организационной структуры сервиса	503
<i>С. В. Заякин</i>	
Культура обслуживания в России: исторический ракурс	508
<i>О. А. Дурандина</i>	
Современное состояние и тенденции развития рынка социальных услуг в России и муниципальных образованиях Свердловской области	511

<i>Е. А. Батюта</i>	
Масштабы сервиса: покупка-продажа как театр	516
<i>Кособокова О. С.</i>	
Изменение стереотипов	
в потребительском поведении россиян.....	520
<i>Я. Ю. Старовойтова</i>	
Шведский стол в русских традициях.....	522
<i>Д. А. Королева</i>	
Сервис на предприятиях общепита Екатеринбурга:	
чем гордиться и чему учиться?	526
<i>М. И. Валеева</i>	
Фитодизайн в интерьере	
современного предприятия сервиса	529
<i>Н. Л. Девятова</i>	
ЦПКиО – парк, которым нужно гордиться	533
<i>С. Ю. Червяков</i>	
Проект «GUEST» в системе услуг	
бронирования гостиничных номеров г. Екатеринбурга	536
<i>Т. И. Валеева</i>	
VIP-услуги при авиационных перевозках	
путешественников: к уточнению понятия	539
<i>Е. Г. Корзунина</i>	
Рекламные кампании туристских фирм	
и их влияние на сознание современного человека	542
<i>С. С. Телякова, Г. А. Чернов</i>	
Мотивация потребителя	
на рынке туристских поездок	546

Раздел первый

Российская правовая система: состояние, место в современном миропорядке, проблемы развития

С. И. Глушкова*

Развитие концепции прав человека в современной российской политико-правовой теории и практике

Соблюдение, обеспечение и защиту прав человека в каждом конкретном государстве можно рассматривать в современном мире как определенный критерий цивилизованности данного общества и государства, уровня правовой и политической культуры его управленцев и граждан в целом, а также как критерий прогрессивного или регрессивного пути данного общества и государства к миру и к самому себе (а значит – своим гражданам, своему народу). В XXI веке в связи с этим можно увидеть новые тенденции развития концепции прав человека (многие из которых зародились еще в конце XX века). Некоторые из тенденций представлены в данной статье.

На развитие концепции прав человека в России и мире в целом, на рубеже XX–XXI веков оказали влияние прежде всего такие явления, как

1) глобализация социально-экономических, культурных, коммуникационных и других потоков, которые ускорили процесс проникновения либеральных идей, концепций прав человека, формирования гражданских институтов в странах с авторитарным и тоталитарным типами режимов;

2) регионализация, выражающаяся в стремлении местного общества к национально-культурному самоутверждению. При этом ссылки на самобытность культур подтверждаются статистикой, согласно которой «в мире существует около 5 тыс. самобытных по своей культуре этнических групп и свыше 600 живых языковых групп, которые находятся под юрисдикцией 184 государств и госу-

* *Светлана Игоревна Глушкова* – д-р полит. наук, профессор, замдекана юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

дарственных образований»¹. При этом ценности политической и правовой культур народов настолько различны и противоречивы, что для американца на первом месте с точки зрения социального контроля и юридических позиций стоит вина, а для китайца – позор, если «китайское правосознание воспринимает государство под углом зрения того, “что оно может сделать для своих граждан”, то американское – с точки зрения того, что “государство может сделать со своими гражданами”»²;

3) распад многих социалистических государств (в том числе советской «империи») как основное содержание развития Восточной Европы последней четверти XX века;

4) усиление в связи с вышеназванным фактором миграционных процессов, ведущих к неизбежности формирования конфликтующих культур и сообществ (традиционных и нетрадиционных, доминирующих и мигрирующих, т. д.);

5) формирование новой концепции «глобальной войны против террора», сторонники которой настаивают на необходимости нового подхода к правам человека во времена терроризма³.

Эти и другие подобные явления способствовали появлению новых тенденций развития теории прав человека, в частности, таких как глобализация, регионализация, радикализация, др.

Парадоксальным при этом является тот факт, что глобализация, пронизывающая все практики повседневности стремлением утвердить в мире общечеловеческие ценности (в том числе права человека), отнюдь не ведет к повсеместному созданию общества и государства социальной справедливости и защиты прав человека. Напротив, многие «демократические» институты становятся той ширмой, которая скрывает авторитарные режимы и игнорирование прав человека⁴.

В России сторонники универсальных прав человека настаивают на необходимости преодоления правового нигилизма, несовершенства законодательства и правоприменительной практики как

¹ *Марченко М. Н.* Проблемы универсализации прав человека в условиях глобализации // *Права человека и современное государственно-правовое развитие: Сб. статей.* М., 2007. С. 49–50.

² Там же. С. 50–51.

³ См.: *Арнольд Р.* Права человека во времена терроризма. Штутгарт, 2006.

⁴ См.: *Иноземцев В. Л.* Демократия: насаждаемая и желанная // *Вопросы философии.* 2006. № 9 (2). С. 41.

предпосылок установления правового государства и гражданского общества.

Представители другой позиции настаивают на неэффективности концепции прав и свобод человека в России в силу ее несоответствия российским традициям и социокультурной обстановке. Так, Д. Я. Малешин отмечает: «Россия принадлежит к иному культурологическому типу, чем тот, для которого была создана концепция прав и свобод человека. Поэтому в нашей стране нет ни исторических, ни социокультурных предпосылок для эффективной реализации западноевропейской версии основных прав и свобод человека. Более того, в некоторых случаях попытки реализации данной теории в нашей стране могут быть вредны, поскольку изначально направлены на разрушение тех моральных ценностей, которые формируют основу российского культурологического типа»⁵.

Вряд ли можно полностью согласиться с данной позицией, ибо она утверждает ограниченное назначение концепции прав человека для определенного культурологического типа. Права человека, понимаемые прежде всего как естественные права, являются основой любой цивилизованной модельной системы с любым культурологическим типом и политическим режимом. Другое дело, с каким историческим опытом и доминирующей идеологией было сопряжено их развитие, и насколько широко их формирование было распространено на фундаментальную теорию (юридические, политические и другие гуманитарные науки) и реальную практику.

Неэффективность (а подчас и непригодность) концепции прав человека для России часто отмечают западные исследователи, акцентирующие внимание на следующих чертах российской правовой системы: 1) «псевдорелигиозный» характер; 2) «прерогативный», а не нормативный характер; 3) право по-прежнему выступает как средство в руках государства; 4) частное право в значительной мере поглощается публичным правом; 5) право в значительной степени зависит от политики и экономики, др.⁶

Анализируя сложный и противоречивый характер развития прав человека в российской правовой системе, политической и правовой культуре, можно согласиться с утверждением Е. А. Лукашевой о

⁵ Малешин Д. Я. Индивидуалистская модель права в России // Правоведение. 2007. № 6. С. 25–26.

⁶ См.: Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. М., 2008. С. 325.

том, что «процесс “приживания”» прав человека в России идет долго и мучительно, несмотря на «облучение западноевропейской культурной радиацией» (А. Дж. Тойнби), поскольку права человека как элемент культуры в социальной среде, не подготовленной к этому, формируются исторически длительное время, не «стыкуются» с ней»⁷.

Среди новых тенденций развития концепции прав человека в современной России и мире в целом, можно отметить следующие:

1. Концепция прав человека в мировой и российской политико-правовой теории и практике развивалась в XX веке на протяжении этапов социализации, интернационализации, глобализации (Л. И. Глухарева), тем самым постепенно стирая территориальные границы, нивелируя национально-культурные особенности и специфику восприятия прав человека. Универсализация прав человека, принятие международных стандартов способствовало ускоренному вхождению в XX веке многих стран (в том числе и России) в правовое пространство Совета Европы, Европейского Союза и других международных и региональных политических и экономических организаций. Однако вместе с этим ускорением пришла такая новая тенденция развития концепции прав человека – движение от либерализации к радикализации прав человека. Радикализация проявляется в стремлении многих политических лидеров и сообществ – любой политической ориентации – связать социальное благополучие, соблюдение прав человека и гражданина в своей стране – с вступлением и членством конкретного государства в НАТО, Совете Европы, Европейском Союзе, др. Также радикализация прав человека проявляется в применимости риторики прав человека к любой (а не только либеральной, демократической) политической доктрине, любой (а не только гуманной) внешней и внутренней политике. Девальвация такой развивающейся и непреходящей ценности как права человека подчас ведет к тому, что они становятся жупелом очередного американского (или западного, др.) «похода» на Восток (или страны постсоветского пространства) с целью «демократической прививки», защиты от «вируса терроризма и тоталитаризма».

2. Ставшая хрестоматийной триада поколений прав человека – первого поколения (гражданские и политические права), второго

⁷ Лукашева Е. А. Права человека в глобализирующемся мире // Права человека и процессы глобализации современного мира. М., 2005. С. 54.

поколения (социально-экономические и культурные права), третьего поколения (коллективные права), постепенно и все более уверенно пополняется новыми поколениями прав человека. Это еще одна новая тенденция развития концепции прав человека – формирование новых поколений прав человека, среди них исследователи рассматривают такие поколения, как экологические, информационные, соматические, гендерные и др. Актуальной проблемой в связи с этим является природа прав человека, связанных с биотехнологиями – можно условно, по нашему мнению, назвать их биотехнологическими правами человека (в целом, считаем целесообразным ввести в научный оборот такое новое понятие). Это права человека, связанные с такими биотехнологиями, как клонирование, использование в питании гомогенных продуктов (и их влияние на жизнь и здоровье человека), выращивание в стационарных условиях донорских органов для восстановления онкологических больных, нанотехнологии и др. В этом отношении формирование международных и национальных стандартов и механизмов по защите прав человека новых поколений должны опережать (к сожалению, на практике мы постоянно встречаемся с обратными явлениями и процессами) практику нарушения гражданских (личных прав человека, прежде всего таких, как право на жизнь и на здоровье) прав человека как во время новых медицинских экспериментов, так и в период текущей медицинской практики оказания услуг пациентам.

3. Распространение дискурса прав человека практически во все научные и бытовые сферы российской повседневности. В связи с этим в научной сфере начинают формироваться такие новые научные направления, как философия прав человека, логика прав человека, политология прав человека и др.

4. Наряду с риторикой равноправия в речах политических лидеров мирового и российского масштабов, с одной стороны, и ростом бедности и усиления расслоения общества как неперенной черты глобализирующегося мира, с другой стороны, развивается тенденция унификации и стандартизации (узкого или расширенного толкования прав человека в зависимости от социально-экономической обеспеченности объекта правовой защиты) понимания прав человека для определенной социальной группы, страты, класса. При этом российское общество во многом уже восприняло и признало традиционные в этом отношении для западной демократии двойные стандарты прав человека.

5. Повышенная компьютерная грамотность, распространение сети Интернет ведет к формированию новой тенденции – необходимости разработки новых концепций и технологий в сфере защиты персональных данных, жизни и здоровья человека от мошенничества, пиратства и других компьютерных преступлений, которые влекут причинение ущерба правам и свободам конкретного человека.

Эти и другие тенденции развития концепции прав человека свидетельствуют о необходимости проведения фундаментальных, сравнительно-правовых, социологических и других исследований в области защиты прав человека с целью своевременного создания эффективных механизмов защиты человека, его жизни и здоровья в современном мире.

Концепция прав человека продолжает развиваться в современном мире, переживая периоды свертывания, запрета, формирования, расцвета, вновь свертывания и так далее (подобно теории круговорота форм правления, др.). Как демократия, так и права человека в истории человечества подтвердили свои потенциальные возможности развития в разных качествах и проявлениях, в частности, как здорового, живого или «больного», неполноценного организма, искусственного или естественного института, желанного или навязанного варианта развития, управляемого или свободного инструмента развития, критерия прогрессивного или регрессивного развития общества и государства, т. д. Какой быть демократии и правам человека в России зависит в настоящее время от многих факторов, среди них, как справедливо отмечает А. Солженицын, важными являются такие, как сбережение народа как основной стержень политики государства, и в то же время финансовая и юридическая свобода местного самоуправления (в которой должен со всей силой звучать голос народа). «Что нам по силам?», – задает риторический вопрос А. Солженицын и отвечает: «Если мы не научимся брать в свои руки и деятельно обеспечивать близкие, жизненные наши нужды, не видать нам благоденствия ни при каких золотовалютных запасах», поэтому необходимо создать сильное местное самоуправление как «мощный общественный аппарат в действии. Это – реальное, эффективное и достойное участие самых рядовых граждан, в их обычной местной обстановке, в отстаивании своих бесспорных потребностей и принятии решений на обозримое будущее. А затем им надо натурально ощущать подвижки и успех этих решений как прямое влияние на ход государственной жизни...»⁸.

⁸ Солженицын А. Что нам по силам // Аргументы и факты. 2008. № 5. С. 3.

Коммуникационный подход к развитию современного российского общества

Сегодня Россия видится нам реформирующейся, имеющей перспективы стать современным информационным обществом с демократической правовой базой. Россия является страной, которая способна принципиально отстаивать не только прагматический национальный интерес на международной арене, но и сигнализировать мировому сообществу об отходе от нравственных критериев международного права.

Этот образ России привлекателен и внушает оптимизм. Но этот образ, целеустремленно создаваемый высшей политической элитой, идет вразрез с Россией «внутреннего употребления», далеко отстоящей от стандартов дипломатического корпуса. Такой разрыв, конечно же, традиционен для постсоветского периода. В российской действительности наблюдаются двойные стандарты юридической науки и практики, включая применение законов на административном уровне.

Модный в наше время юридический позитивизм – концепция права, отбросившая метафизическое и этическое наполнение содержания права – привел к разработке юридической терминологии и технологии при юридической безответственности, работе на собственный или корпоративный интерес, игнорированию конституционного принципа «человек есть высшая ценность». И как следствие: падение морального авторитета юриста и правоохранительной системы в целом. Опасность научного позитивизма в том, что отсутствие мировоззренческих установок, ценностных оснований (высшая цель существования) привело к общественному состоянию, характеризующемуся моральным упадком, всеобщим неуважением к личности. Сегодня в науке, образовании, политике, повседневном существовании получил распространение прагматичный подход.

* *Марина Николаевна Анисимова* – канд. филос. наук, ст. преподаватель Сургутского филиала Тюменского юридического института МВД России (г. Сургут).

Но большая опасность сдерживания реформ находится даже не столько в правовой науке, сколько в системе управления, сложившейся в России, то есть в той практической сфере, где решаются все политические, социальные, правовые и другие проблемы. Российская политическая элита обозначила приоритеты: основной государственной задачей является социальная политика. Государственная машина, казалось бы, стала разворачиваться в сторону простого человека. Но как это решается в сложной и многоуровневой структуре чиновничьей системы?

XXI век – век открытого информационного общества, которое характеризуется взаимопроникающими каналами коммуникации. Коммуникация не возможна без осмысленного взаимодействия между субъектами. Представители управленческого звена, в особенности в государственных структурах, демонстрируют своим поведением полное отсутствие желания соблюдать коммуникативные подходы в общении с подчиненными. Теория коммуникации предполагает общение на уровне *субъект – субъект*, в управленческой схеме S S означает: решение – принятие (осознание, согласие) и исполнение решения. Но эта схема в большинстве случаев не работает, так как руководители, сознательно игнорируя потребности, настроения, суждения работника, своим прагматичным отношением к нему нивелируют его до положения *объекта*. Объект – пассивный исполнитель решений начальника. Намеренно подчиненный опутывается сетями распоряжений, инструкций, положений и т. д., что создает почву для выражения явного пренебрежения к правам человека. Между руководителем как субъектом власти и подчиненным не может быть осуществлено *понимание*, так как для этого необходима обратная связь – *желание* (способность) *понять* сообщение Другого, в данном случае подчиненного. Причем важна сама *способность*, напрямую не реализованная, сохраняющаяся как *установка сознания*.

В правоохранительных органах устоялось представление о жесткой иерархии отношений «начальник – подчиненный» (субординация), что оправдано мгновенным реагированием на приказ и его незамедлительным и добросовестным исполнением. На психологическом уровне, уровне установок и стереотипов сознания, отношения субординации сводятся к воздействию на пассивного исполнителя воли начальника. Подчиненный при этом признается лишенным способности самостоятельно осмыслить ситуацию и принять решение, от него лишь требуется автоматическое испол-

нение приказа. Но личность и понимается как человек, способный оценить ситуацию, основываясь на нравственном сознании, и принять решение. Отказывая в личностной состоятельности, мы получаем сотрудника, лишённого способности осуществлять моральный выбор и нести ответственность за свои действия. Пассивная личность не заинтересована в качественном исполнении распоряжений, автоматическое для нее означает формальное, она не брезгует фальсификацией и другими служебными отклонениями. В итоге удивляемся текучести высокопрофессиональных кадров!

Система, лишённая обратной связи сообщения, может носить только закрытый характер. Закрытая система, как показывает современная постнеклассическая наука, не жизнеспособна. Ее можно представить как «вечное возвращение» без восхождения на новый уровень развития.

Важно избегать установившихся двойных стандартов в науке и практике, сняв дуализм: правовой закон – моральный закон, для этого следует вернуться к истокам российской метафизической традиции, способствовать ее развитию. Назрела необходимость вводить инновационные управленческие технологии по отбору, контролю за управленческими кадрами и совершенствованию их деятельности в соответствии с потребностями современного общества.

Таким образом, управление на уровне стереотипов общественного сознания понимается как общение-монолог, субъект – исполнитель здесь подменяется объектом, а точнее, *псевдосубъектом*, так как демагогическая форма гуманизма декларируется управленцами на всех уровнях. Система управления в России в том виде, в котором она существует, обрекает российское общество, стремящееся быть современным и демократическим, быть тем ребенком, который состарился, так и не родившись.

Т. В. Анисимова*

Представительство: определение понятия

На сегодняшний день тема представительства является актуальной для исследований в различных отраслях права (в частности, в гражданском праве и процессе, арбитражном процессе и др.), пишется множество научных трудов, однако указанная тема в теории права ещё не достаточно изучена и исследована.

Отсутствие учебных пособий по данной тематике в теории права сдерживает изучение сущности института представительства в юридических вузах. В то же время знание, по крайней мере, его основ становится все более необходимым для российских юристов, которые нередко сталкиваются в своей практике с необходимостью выступать в качестве представителей сторон.

В теории права не изучены основания представительства, в связи с чем не имеется их классификации. Не уяснена юридическая природа полномочия представителя (в смысле его «права на представительство»). Не исследованы с необходимой тщательностью и полнотой элементы фактического состава представительства и их взаимодействие. Не внесена ясность в вопросы о содержании юридической деятельности представителя и о значении «прямых последствий представительства». По этой причине не уточнено понятие представительства и существуют расхождения в определениях его.

Не установлен круг законных представителей, а в связи с этим не определены границы законного представительства. Не раскрыты особенности юридической деятельности законных представителей; не изучены правоотношения последних с органами опеки и представляемыми (так называемые внутренние отношения). Не выявлены характерные черты представительства по назначению (например опекунов) и его отличие от представительства по закону в

* **Татьяна Владимировна Анисимова** – юрисконсульт территориального управления № 2 Уральского филиала ОАО «Ростелеком» (г. Екатеринбург).

собственном смысле слова (родителей, усыновителей и др.). Не классифицированы основания прекращения законного представительства. В связи с тем, что законное представительство не исследовалось, не решен вопрос о видах представительства и затруднено установление точных критериев разграничения законного и добровольного представительства.

Деятельность людей, лишенная юридической формы, но устанавливающая экономические связи, существовала и при первобытнообщинном строе. В этом обществе впервые появилась потребность в установлении экономического отношения через других лиц.

Участие всех членов рода в актах обмена вызывало большие неудобства и затруднения. «Поэтому, — как указывал Энгельс, — первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старшин»¹.

Но родовые старшины не были представителями в правовом смысле, ввиду отсутствия в тот период государства и права.

Этот институт вырабатывался главным образом на почве германской юриспруденции под влиянием борьбы двух противоположных факторов: общих начал римского права и современных потребностей жизни, из которых, очевидно, второй должен был одержать верх, хотя и после продолжительного времени. Этот процесс завершился на почве германской юридической жизни в XVII веке полным признанием института прямого представительства на основании обычного права. Немало оказывало влияние на установление понятия прямого представительства и каноническое право. Находясь под влиянием христианской религии, в нем проявился сравнительно с римским более объективный элемент права.

Непосредственные представительные отношения были известны в России уже в период, предшествовавший Уложению царя Алексея Михайловича. Такие представительные отношения проявлялись главным образом в сделках, совершаемых от имени юридических лиц, которые нуждаются в представительстве более и ранее, чем физические лица.

Недостаточная ясность юридической природы представительства побудила ряд авторов подвести представительство под более общее юридическое понятие. Распространено мнение, что представительство есть вид юридического соучастия, пособничества,

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ. 1938. С. 152–153.

так как они исполняют, излагают, передают чужую волю или выражают свою, но эта воля не направлена на юридические последствия и их не порождает.

Юридическое соучастие, пособничество есть такое содействие одного лица другому (другим) при заключении сделки, которое юридически необходимо для возникновения этой сделки, то есть определяет ее силу, действительность.

Представитель отличается от юридического соучастника тем, что он действует один, сам заключает сделку вместо стороны (представляемого), тогда как второй действует наряду со стороной; не вместо нее, а вместе с ней или обеими сторонами, заключающими сделку. Далее, представитель действует от имени представляемого, а юридический соучастник (нотариус, попечитель, родители, дающие согласие на сделку) от своего имени.

Некоторые авторы, вместо того чтобы дать определение представительства, определяют лишь понятие представителя. Часть из них обходится вообще без определения, ограничиваясь изложением текста соответствующей статьи какого-либо кодекса. В существующих же определениях представительства имеются расхождения. Рассмотрим типы этих определений:

1. Совершение сделки одним лицом от имени другого, в результате чего все последствия для него возникают непосредственно.

2. Волеизъявление и принятие такового для другого от его имени, то есть так, что последствия сделок касаются его непосредственно.

3. Свойство сделки, в силу которого последствия этой сделки, совершенной одним лицом, называемым представителем, за счет другого, называемого представляемым, возникают прямо и непосредственно на стороне представляемого.

4. Действие, в силу которого сделки, выполненные одним лицом, представителем, производят свои результаты в отношении другого лица, представляемого, как если бы последний действовал лично.

5. Юридическая деятельность (действие, волеизъявление) одного лица вместо другого и от его имени или как замещение в сделках одного лица другим.

6. Юридическое отношение, в силу которого сделки, совершенные одним лицом от имени другого, непосредственно создают права и обязанности для последнего.

Вывод: в определение представительства не следует вводить термин «за счет» и «в интересах представляемого».

Таким образом, представительство следует определять как совершение лицом правомерных действий от имени другого лица (представляемого) в пределах полномочия, порождающее юридические последствия непосредственно для представляемого.

Представителем же мы называем лицо, которое может своими дозволенными действиями от имени другого лица (представляемого) непосредственно порождать для него юридические последствия.

Для законодательной регламентации и вообще для правильной юридической конструкции института представительства необходимо обратиться к изучению самой природы представительства, которая может быть выяснена из судебной практики и сравнительного исследования этого института у современных народов. Последний путь, то есть сравнительное изучение, способен дать правильные и точные результаты.

Г. В. Болдыгин*

О смысле и суде истории

1 В русском языке слово *смысл* при логико-семантическом анализе суждений используется как синоним термина *значение*. Когда же речь идет о *смысле поступка* или *смысле жизни*, это слово означает *цель*, ради которой человек решился на поступок в первом случае, а во втором *смысл* — это *мысль*, неразрывно связанная с нашей жизнью. Она поддерживает нашу решимость жить и дальше, при ясном осознании того, что мы все равно умрем. *Цель поступка* не всегда одна и та же у всех людей; она скрыта от других и не всегда ясна тому, кто этот поступок совершает; в случае же осознанности *смысл* поступка — это *мотив*. По большей части не вполне ясна человеку и *цель* его *жизни*, настолько сросшиеся друг с другом, что попытки абстрагировать ее, сделать ее отчетливой, удачными бывают крайне редко. Чаще всего *цель* собственной *жизни* осознается человеком лишь при ее достижении или разочаровании в ней, или понимании ее недостижимости. И тогда жизнь, ставшая *бессмысленной*, уходит от него, если он сразу же не найдет достойную замену прежнему *смыслу*.

2. Вопрос о *смысле истории* — это не вопрос о цели, к которой осознано или бессознательно движется человечество. Этот вопрос, во-первых, о значениях слова *история*, а во-вторых, о *смысле* исторического познания, то есть *цели*, которая побуждает историков разыскивать в прошлом неизвестные нам события или по-новому представлять хорошо известные. Термин *смысл истории* подразумевает также прояснение *цели* тех, кто вместе с историками вникает в дела минувших дней. При всем сходстве цели историков и читателей или слушателей их описания существенно различаются.

3. Слово *история* и его аналоги, происходящие от греческой *historia*, во всех европейских языках имеет два основных значения. *Первое* и, как кажется, главное из них — это совокупность событий

* **Геннадий Васильевич Болдыгин** — канд. филос. наук, консультант ректора Гуманитарного университета по экономическим вопросам (г. Екатеринбург).

прошлого. *Второе*, основное, значение *истории* – это описание событий прошлого, чаще всего научное. Все другие способы использования этого слова – вариации двух основных значений. Например, различного рода *жизненные истории*, то есть события недавнего прошлого из частной жизни, передаваемые в устной форме рассказчиком, который считает их чем-то примечательными. Память о них недостоверна и недолговечна, если ее не зафиксировали письменно или в печатном виде – в виде *исторических анекдотов*, героями которых являются знаменитости своей эпохи, оказавшие своими анекдотическими поступками реальное или мнимое воздействие на *современную* им жизнь и тем самым на последующую *историю*.

4. К *жизненным* относятся и скандальные *истории*, в которые, по уверению Н. В. Гоголя, постоянно попадал Ноздрев, названный из-за этого писателем *историческим человеком*. Использование слова *история* для обозначения скандала совершенно оправдано, по меньшей мере, в границах русского языка. Скандал – это событие прошлого, пусть и недавнего, (следовательно, он уже *история* в первом значении этого слова), из-за своей неординарности получившее огласку, благодаря чему оно стало одной из *историй* (во втором его значении), которые какое-то время пересказываются и обсуждаются.

5. И вот что странно: если бы никто не рассказал о скандале, не создал его *историю*, ставшую общественным достоянием, то его и вовсе бы не было. Скандальность, под которой чаще всего понимают из ряда вон выходящее нарушение норм приличия, сама по себе не делает происшествие скандалом. *Историей*, в которую не следовало бы попадать, то есть скандальным событием прошлого, делает рассказ о нем, огласка, его *историческая реконструкция*, ставшая достоянием близких, далеких, а то и вовсе незнакомых людей. Нет огласки, нет скандала, нет *истории*, в чем к своему удовольствию убедился другой гоголевский персонаж – оскорбившийся вначале и затем забывший о скандальном происшествии поручик Пирогов из «*Невского проспекта*».

6. Но разве не так же обстоит дело со всеми событиями прошлого, которые описывают многочисленные *научные истории* – политическая, социальная, культурная? Мы ничего не знаем о прошлом помимо того, что говорят о них соответствующие *истории*, без которых этих событий как бы и вовсе нет. Но почему «как бы»? Их ведь и на самом деле *нет*: они исчезли в далеком или

недавнем прошлом. Они *есть* лишь в виде исторических реконструкций, которые одни только и делают их *сопричастными бытию – событиями*. Вот почему одно и то же слово *история* обозначает и события прошлого, и их описание. Но были ли эти события в прошлом, или их вовсе не было, и были ли они таким, какими рисуют их *исторические* реконструкции, – решение этих вопросов зависит от мастерства историка и множества факторов, влияющих на восприятие его разысканий современниками и потомками. Сравнить безвозвратно исчезнувшее событие с его описанием еще никому не удавалось.

6. Есть еще несколько научных дисциплин, у которых полностью либо частично совпадают предмет науки и ее имя, например, *география* и *геология*. Предметом их изучения являются единичные объекты – поверхность Земли и ее внутреннее строение. Единичными являются и предметы исторических реконструкций, однако их единичность обусловлена не уникальностью изучаемого объекта, считали *баденцы*, а специфическим методом, который требует от историка описывать вполне рядовое явление (с точки зрения унифицирующего свои предметы метода естествознания) как неповторимое, имеющее свое собственное лицо, не схожее ни с кем и ни с чем. Два метода, утверждали они, формируют в нас два различных образа действительности: один из них – мир *природы*, где не бывает ничего принципиально отличного от другого, но все подчинено вечным и неизменным законам, и *культурно-исторический* мир, в котором все единично и уникально. В мире *истории*, подчеркивал неповторимость описываемых ею явлений О. Шпенглер, используются порядковые числительные, запрещающие менять местами слагаемые, образующие в сумме историческую дату, что, однако, легко позволяют делать количественные числительные, лежащие в основе образа вечной, всегда повторяющей себя *природы*.

7. Можно поспорить с тем, что оппозиция *природа-история* определяет горизонт мышления любого народа в любую эпоху. Трудно лишь оспорить то, что для историка нет более почетной задачи и более радостного результата, чем обнаружение в повседневной рутине прошлого из ряда вон выходящего события, вовсе неизвестного большинству его современников, а потому никем не описанного, обнаружение фактов, кардинально меняющих сформированный прежними описаниями облик события. Неповторимое, уникальное, единичное, будь оно поступком отдельного человека

или движением больших масс людей, правовой системой исчезнувшего государства или религиозным культом небольшого племени, научным менталитетом эпохи или ее доминирующими пред-
рассудками – все это и многое другое, имеющее свое собственное
лицо, интересно и историкам, и нам, их читателям и слушателям.

8. Уникальность событий прошлого, воссоздаваемых истори-
ками, задает их изолированность друг от друга и наличие между
ними лакун, которые позволяют социологам и политологам, науко-
ведам и религиоведам выдвигать самые разнообразные гипотезы
о причинах этих событий и их последствиях, о направленности ис-
торического процесса и его движущих силах. Историки, бывает, и
сами строят подобные гипотезы, покидая предмет своей науки –
единичное и неповторимое. Становясь *квазиполитологами*, *квази*-
социологами, *квазинауковедами* и т. п., они начинают видеть в ре-
конструкциях уникального не конечную *цель* исторических разыс-
каний, не их *смысл*, но всего лишь промежуточный этап, полезное
средство для иной более высокой цели, например, для иллюстрации
и верификации с помощью исторических фактов философско-ант-
ропологической, социальной или иной обобщающей теории.

9. Верификационные возможности так называемых *истори-*
ческих фактов в человеко-и-обществоведении не меньшие, чем
эмпирические данные в естествознании. Но и не большие. Цель и
предел возможностей верификации – отграничение науки от всего,
что ею не является. *Факты* истории рассматриваются предста-
вителями гуманитарных теорий в качестве *эмпирических данных*,
призванных убедить читателей в их правоте. Но историческое опи-
сание единичного события не является *эмпирическим* и тем бо-
лее *фактом*, а лишь результатом умозаключений, о том, чего уже
нет и, может быть, никогда не было. Ссылка на исторические ре-
конструкции верифицирует, конечно, научную добросовестность ав-
торов теорий, изучивших множество высказываний о прошлом и
ускользающем в него настоящем, но никак не их истинность и пра-
воту в споре с конкурентами. Известное нам прошлое – исходный
материал гуманитарных концепций – это совокупность мыслей ис-
ториков о неповторимых событиях, связанных между собой лишь
хронологической последовательностью, отнюдь не говорящей о том,
что предшествовавшее во времени – причина последующего.

10. В мире истории не всякое предшествующее событие явля-
ется причиной последующих поступков людей, а лишь попавшее в
поле их внимания. Но даже в этом случае оно отнюдь не причина,

неотвратимо вызывающая определенные действия, а лишь повод
для самых несхожих поступков. Летний дождь – это не причина, а
повод: одним зайти в магазин, другим – раскрыть красивый зонтик,
детям – попрыгать по теплым лужам и т. д. *Повод* – это преды-
дущее событие, прошедшее через призму людских целей. Мотив
же – оправдание повода и инициированного им поступка, доказа-
тельство человека самому себе осмысленности собственных дей-
ствий, их рациональной целесообразности. Но человек, *homo sapi-*
ens, разумен лишь отчасти. В формировании его целей участвует
не только разум, но и страсти (аффекты), лишь частично контро-
лируемые им, а иногда вовлекающие человека в авантюры, *смысл*
которых из-за их иррациональности он сам не может объяснить.

11. Способен ли историк выявить все эти цели в реконструкции
событий прошлого? Что полезного в знании единичных, неповто-
римых и не вполне разумных поступков исторических персонажей?
Ответ давно известен: *история учит лишь тому, что она ничему*
не может научить. Но историков не смущает *бесполезность*
их работы для тех, кто хочет *использовать* ее в качестве средства
для своих собственных целей; никакие резоны не отвращают их
от любимого занятия – извлечения из мрака прошлого единичных
событий. Что движет ими, помимо присущего европейской науке
любви к знанию ради самого знания? В чем *смысл* исторических
разысканий? Неужели только в любви к почестям и славе? Чем
вызвана любознательность к целям, вызывавших поступки давно
ушедших от нас, или хотя бы их мотивов?

12. Историческая реконструкция обязана описывать реально
случившееся, а не фантазии их автора. Л. Ранке и его великие
ученики И. Г. Дройзен, Я. Буркхард, вырабатывая в XIX в. условия
достоверности исторических описаний, пришли к выводу, что не
все единичные события прошлого могут быть их предметом, а
лишь те, которые можно воссоздать на основании письменных ис-
точников. Все остальные свидетельства минувшего являются либо
доисторическими, либо *неисторическими*. Разработка понятия
исторического и позволило отграничить научную *историю* не толь-
ко от мифов, легенд, житейских историй, но и от активно формиро-
вавшихся в XIX в. наук о прошлом – *палеонтологии* и *археологии*.
Письменный источник требует критического прочтения и сопос-
тавления с другими письменными документами, поскольку их пря-
мые или косвенные свидетельства о событиях обусловлены соб-
ственными целями и мотивами их авторов, очень часто скрывае-

мыми. Оказалось, что без выяснения мотивов, которые были у авторов источников и описанных ими участников событий, невозможна достоверная историческая реконструкция.

13. Не вдаваясь в обсуждение реальных возможностей появившихся в XIX и XX вв. многочисленных техник *понимания* мотивов, которыми руководствовались люди иных и уже исчезнувших культур, зададимся вопросом о *смысле* этого постижения. Что оно дает историку? Что оно дает нам, читателям? Разве не все равно, каким мотивами руководствовался исторический персонаж, осуществляя свои поступки? Считается, в *истории* нет сослагательного наклонения, а поэтому бессмысленно задаваться вопросом, какими были бы поступки при иных мотивах. Историк должен говорить только о том, что действительно было, а не о том, что могло бы быть. Оно и не могло быть иным, раз оно произошло. И никому не дано знать этого иного.

14. Однако исторические персонажи знали, что они могли поступить не так, как они поступили, что в сложившихся обстоятельствах они были достаточно свободны, чтобы избрать иную цель и иные средства для ее достижения. Главное, чего они не знали, — это отдаленные последствия своих решений. Только потомки способны *рассудить*, были ли предки правы в своем выборе и не принесли ли их поступки один лишь вред. Предки всегда будут подсудимыми потомков. Каждое новое поколение вершит свой собственный *суд истории*, в котором историки и мы, ценители их реконструкций, играем разные роли. Часть историков представляет сторону обвинения, другая — сторону защиты. Первая на основании различных улик и свидетельств воссоздает картину случившегося, доказывая злокозненность мотивов исторического лица либо его преступную халатность. Историки-защитники на тех же или первые обнаруженных основаниях рисуют картину того же события, которая, однако, демонстрирует отсутствие преступных мотивов, без которых, как известно, нет и преступлений, и благотворность для потомков поступка совершенного подзащитным историческим лицом или группой лиц.

15. Два образа случившегося выносятся на наш суд — суд читателей исторических сочинений, выносящих свой вердикт, который никогда, однако, не может стать единодушным и окончательным. А это значит, что работа историков никогда не закончится и *смысл* ее в том, что они и их читатели откликаются на последнюю молчаливую, а иногда и высказанную в мемуарах просьбу предков вник-

нуть во все обстоятельства, предшествующие и сопутствующие их свершениям, в том числе и в их мотивы. Мы, читатели, в роли присяжных от имени своего поколения судим навсегда ушедших от нас. Мы не можем их не судить. Мы так же, как и они, боимся *суда истории* и все же жаждем его, потому что для нас нет страшнее наказания, чем забвение равнодушных потомков, неспособных и даже не желающих *отличить* наше *лицо* от всех иных. Пусть вечные муки по приговору *страшного суда*, пусть проклятие потомков, вынесенное *судом истории*, только не полное исчезновение моего Я в обезличивающей тьме прошлого, полагает ибсеновский Пер Гюнт, а с ним и все, кто вырос в ареале влияния иудео-христианско-мусульманского культа.

16. Но не к этому стремятся, например, буддисты, для которых обособленное существование, пусть даже в раю, вовсе не *смысл* жизни. Цель буддиста, делающего его жизнь осмысленной, иная — прекращение перерождений и расставание с обособленностью своего Я путем слияния его в нирване со всем миром. В буддизме нет поэтому *истории*, изучающей единичные события и судящей предков. Нет *истории* и в индуизме. Нет ее ни в одной религии, а есть лишь мифы — рассказы, задающие в виде *жизнейских историй* образцы *правильных* и *неправильных* поступков. Иногда мифы включают в себя детали прошлого, зафиксированные иными источниками. Однако *смысл* мифов не в установлении того, были ли на самом деле те или иные неповторимые события прошлого, были ли они в том месте или каком-то ином, в то или совсем в другое время. Их цель в побуждении людей к постоянному воспроизведению одобряемых норм поведения и к недопущению того, что не одобряется. Религиозные *истории* всегда *полезны*, они *используются* как *средства* для каких-то своих, *неисторических*, целей, но никогда не рассматриваются в качестве итоговых самоцелей. Историку нечего делать с мифами, наиболее действенным способом преподнесения которых был и остается устный и по возможности ритмический рассказ о его *историях*. А главное, суд над их героями уже свершился и его окончательный вердикт вынесен не людьми, а потому и не может быть оспорен.

17. В древнем и средневековом Китае и в странах Дальнего Востока и Юго-Востока, где были влиятельны китайские традиции, не исчезнувшие окончательно до сих пор, образование было по преимуществу *историческим*. Претендент на вакансию становился *студентом* и тщательно изучал в течение большого срока за-

ранее обусловленное сочинение, в котором излагалась *история* правления прославившегося администратора соответствующего ранга или победы полководца. В основе обучения лежал прецедент, которым руководствовались чиновники и полководцы в случае возникновения похожей ситуации. Интерес к прошлому здесь, как и в мифах, сугубо утилитарный, а потому исключает концепцию *истории* как самоценного изучения неповторимых событий прошлого.

18. Европейские историки, *смысл* деятельности которых – служение *суду истории*, в прениях сторон создают все более подробные образы событий прошлого, которые уже оказали когда-то воздействие на современную им жизнь, а отдаленными, не всегда различимыми, последствиями – и на нашу. Что делают среди нас это ожившие в исторических реконструкциях призраки прошлого? Воздействуют ли они вновь на нас? В чем состоит это воздействие? Возможно ли целенаправленное использование призрачных образов, сила которых после их извлечения из тьмы забвения, бывает, во многом превосходит их прежнюю мощь? Надо быть осторожными в общении с ними. Вспомним. Эпоха Возрождения с непревзойденным аморализмом ее титанов и последующими катаклизмами началась с невинного, на первый взгляд, устранения *белых пятен* в истории, важнейшими из которых были установление подложности Константиновой грамоты и перевод Библии на народные языки. Вспомним также о призраках, проявившихся *белых пятнах* истории СССР и КПСС, которые вырвались из рук инициаторов *перестройки*, пытавшихся использовать их для *ускорения* и *демократизации* социализма, и в значительной степени поспособствовали крушению и СССР, и КПСС, и всей мировой системы социализма.

19. Действенность исторических реконструкций чрезвычайно велика, а потому историки, помня об этом, подобно средневековым алхимикам, пытавшимся изменить божественную, по их убеждению, *природу вещей*, обязаны очистить свои души от соблазна стать на службу корыстным интересам той или иной политической партии, той или иной теории, обещающей знание законов человеческого существования или знание конечной цели исторического процесса. У историков есть более важная и почетная задача, состоящая *смысл* их науки, – содействовать *суду истории*, раскрывая мельчайшие обстоятельства расследуемых ими дел, включая разумные мотивы подсудимых и скрытые от них самих неразумные цели.

С. Г. Бывальцева*

Проблемы развития правового статуса современной российской прокуратуры

Построение в России правового государства неизбежно связано с мировыми интеграционными процессами, обусловленными глобальным масштабом проблем, которые не могут быть успешно решены силами одного государства. Для их решения необходимы межгосударственное сотрудничество и выработка общего понимания основных принципов жизнеустройства. В основе нового миропорядка и конституционного строя большинства современных государств лежат общепризнанные принципы верховенства права, прав и свобод человека и гражданина и правового государства. Курс реформ, проводимых в России, направлен на утверждение ценностей мировой цивилизации и построение правового государства, поэтому данные принципы положены и в основу российской Конституции.

При этом, как справедливо отмечает А. Я. Сухарев, главный вектор движения России к правовому государству, к стабильному правопорядку видится не в сторонних инновациях, а в формировании на весь переходный период отечественной модели социально-правового обеспечения с правовыми институтами, работающими на российской почве. Путеводными маяками нормального и эффективного функционирования отечественной модели должно стать не само по себе наличие тех или иных институционных учреждений, а практическое воплощение общепризнанных прав и свобод человека и гражданина¹.

Для обеспечения на практике реализации прав граждан, создаются и действуют различные государственные органы. Значительную роль в государственно-правовом механизме защиты прав граждан играют суды. Вместе с тем, в большинстве правовых

* **Светлана Геннадьевна Бывальцева** – канд. юрид. наук, доцент кафедры прокурорской деятельности УрГЮА (г. Екатеринбург).

¹ Прокурорский надзор: Учебник / Под ред. А. Я. Сухарева. М., 2003. С. 449.

государств помимо суда существуют параллельные институты по обеспечению законности и защите прав человека, и во многих из них это прокуратура, которая находит свое место в демократическом обществе, основанном на принципе разделения властей и верховенства права, хотя конституционный статус и компетенция прокурорского института могут различаться в зависимости от страны, ее истории, правовой культуры.

В ходе реформы правовой системы в Российской Федерации были сделаны значительные шаги на пути построения правового государства. Многие предпринято для улучшения качества судебной защиты прав граждан: расширение полномочий судебной власти, учреждение Конституционного Суда РФ и суда присяжных заседателей, введение института мировых судей, применение судами при рассмотрении дел норм Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов в области прав человека, а также принятие новых процессуальных кодексов.

Тем не менее, говорить о полной замене прокурорского надзора за законностью судебным контролем в области защиты прав и свобод человека и гражданина преждевременно, поскольку решение возникающих проблем с нарушением законов и прав граждан не может осуществляться исключительно путем обращения пострадавших в суд. Суд нередко ограничен в своих возможностях в данной сфере по ряду объективных причин. Расширение диапазона судебной защиты прав граждан повлекло за собой значительное увеличение количества дел, поступающих для судебного рассмотрения, в связи с чем служебная нагрузка судей зачастую в несколько раз превышает нормы. Кроме этого, существенным преимуществом прокуратуры является то, что большое количество незаконных актов отменяется во внесудебном порядке по протесту прокурора, часто до того, как были нарушены чьи-либо права, а такие правовые акты выявляются преимущественно именно в ходе прокурорских проверок, и многие дела в суде о признании правовых актов незаконными возбуждаются по инициативе прокуроров. Суд же вообще не может возбуждать дела по своей инициативе.

Защита прав граждан и восстановление нарушенной законности могли бы осуществляться более эффективно на основе профессионального взаимодействия прокуратуры и суда, поскольку очевидно, что прокуратура, добиваясь принятия судом законных и справедливых решений, способствует утверждению авторитета и независимости суда.

Важная роль прокуратуры в правовом государстве как надзорного органа, обеспечивающего соблюдение законности, требует соответствующего правового статуса. Однако правовой статус прокуратуры находится не на должном уровне. В частности, в Конституции Российской Федерации статья 129, определяющая статус прокуратуры, расположена в главе «Судебная власть», что заставляет относить прокуратуру к судебной власти. Между тем, прокуратура не относится и не должна относиться к судебной власти. Прокуратура сама по себе не осуществляет правосудия; участвуя в суде, прокурор не осуществляет функции судебной власти, а обладает лишь полномочиями стороны в процессе, действуя при этом не по поручению судебных органов, а поддерживая обвинение от имени государства.

Поэтому следует исключить статью 129 из Конституции, и ввести отдельную главу, определяющую конституционный статус прокуратуры. Целесообразно также включить в Конституцию положение, согласно которому порядок организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации определялся бы федеральным конституционным законом, поскольку, согласно Конституции, статус федеральных органов власти и все важнейшие вопросы должны регулироваться федеральным конституционным законом, что имеет отношение и к прокуратуре, как к государственному органу, осуществляющему от имени государства надзор за законностью в Российской Федерации.

На конституционном уровне должно быть закреплено право законодательной инициативы Генерального прокурора, что позволило бы прокуратуре более весомо влиять на законотворческий процесс и тем самым способствовать совершенствованию законодательства.

Необходимо также усилить полномочия прокуратуры в гражданском судопроизводстве, что не повлечет за собой посягательства на независимость осуществления правосудия, а будет дополнительной гарантией его законности и защиты прав граждан. Прокурорский надзор и судебный контроль — это две взаимосвязанные формы осуществления контрольной деятельности государства, осуществляемые разными органами государственной власти и в разных организационно-правовых формах, эффективность осуществления которых во многом обусловлена их взаимосвязью и взаимозависимостью².

² См.: Чепрунова Н., Смольников С. Судебный контроль и прокурорский надзор. Законность. 2007. № 5. С. 16.

Учитывая проблемы, стоящие сегодня перед Россией в процессе построения правового государства (растущее количество нарушений прав и свобод граждан, несовершенство законодательства, недостаточно результативную работу специализированных контролирующих органов и др.), можно сделать вывод: страна остро нуждается в независимой, эффективно работающей прокуратуре, активно реализующей возложенные на нее обязанности. В связи с этим необходимо укрепление правового статуса прокуратуры и дальнейшее совершенствование законодательства, регулирующего ее деятельность.

Ю. В. Волкова*

Корпоративное право России и Евросоюза: возможности и тенденции гармонизации

Развитие рыночных отношений в России объективно потребовало существенного развития и модернизации правил и принципов корпоративного права. Однако многие из них, закрепленные законодательно и впоследствии доработанные судебной практикой, по-прежнему не обеспечивают надлежащих гарантий защиты интересов основных участников рынка и, прежде всего, инвесторов и кредиторов. Поэтому корпоративная реформа является важным условием долгосрочного экономического развития страны.

Реформирование законодательной системы в области корпоративного управления должно осуществляться на основе глубокого и всестороннего анализа хозяйственных отношений, существующего нормативного регулирования, истории его развития и практики применения с учетом международного опыта имплементации основных правил и правовых принципов в российскую корпоративно-правовую ткань. Сегодня признано, что Россия, наряду с другими странами с переходной экономикой, за сравнительно короткий период добилась заметных успехов во внедрении стандартов корпоративного управления, отвечающих международным, и прежде всего, европейским правовым нормам. По мнению целого ряда международных и отечественных экспертов, российская и континентальная правовые системы имеют немало сходных черт, что может способствовать гармонизации корпоративного законодательства России и Европейского Союза¹.

* **Юлия Викторовна Волкова** – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Гутников О. В.* Состояние и перспективы развития корпоративного законодательства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 24–37.

Как и в других странах с переходной экономикой, ситуация в России по-прежнему характеризуется относительной слабостью механизмов правоприменения, что в определенной мере обусловлено высокой концентрацией собственности в руках небольшого числа крупнейших акционеров и государства. Один из наиболее важных аспектов касается необходимости поддержания баланса между стимулами для контролирующих акционеров и защитой прав миноритариев. Последние исследования наглядно свидетельствуют об остроте этой проблемы². Постепенное улучшение законодательной базы, в том числе посредством гармонизации российских правил с аналогичными нормами Европейского Союза, может сыграть в этом плане заметную роль. В этом контексте важную роль играют масштабы и характер полномочий национальных регулирующих ведомств, которые не должны зависеть от государственных структур.

Устойчивое повышение качества корпоративного управления в России должно стать результатом взаимодействия как частной инициативы, так и более эффективных мер государственного воздействия. Ключевой целью в предстоящие годы становится обеспечение взаимного дополнения частной и государственной инициатив. В условиях рыночной экономики корпоративное право должно отвечать интересам различных групп, включая как участников рынка (инвесторов, акционеров, кредиторов), так и государство. Все они заинтересованы в формировании эффективного законодательства в области корпоративных отношений и корпоративного управления. В ходе дискуссии об обоснованности реформы успех применения той или иной правовой нормы в одной стране зачастую используется в качестве аргумента в поддержку проведения реформы и внедрения аналогичных правил и норм в другой стране. Определенный уровень гармонизации имеет свои преимущества, в первую очередь, с точки зрения прогнозируемости состояния деловой среды для иностранных инвесторов. Однако в каждой стране существует собственная специфика корпоративного права, учитывающая национальные различия в деловых традициях и потребностях бизнеса³. Применение норм европейского права не вызвало

² Report of the high level group of company law experts on a modern regulatory framework for company law in Europe / Winter Report // 2002. 165 p.

³ Шихвердиев А. П., Блинов А. О., Кузнецов А. В. Корпоративное право в системе корпоративного управления // Журнал для акционеров. 2007. № 1/2. С. 41–52.

каких-либо существенных трудностей и использовалось в интересах участников рынка – государств-членов ЕС с различными традициями.

Европейское право становилось и развивалось на основе континентальной романо-германской системы и лишь позже взяло на вооружение отдельные элементы англо-саксонской правовой семьи. Однако правовая система стран ЕС остается преимущественно континентальной, что значительно облегчает интеграцию европейских концепций права в России. Практика принятия законов в ЕС оставляет национальным органам регулирования возможность использования во внутреннем законодательстве тех или иных норм европейского права. При этом, как правило, принимаются во внимание особенности национального права и правоприменения, что делает подобную практику весьма привлекательной для России.

Несмотря на определенное сходство в развитии российского и европейского права, в континентальной Европе тенденции в правовой системе были предопределены в большей степени национальным законодательством стран ЕС⁴. В обозримом будущем изменения европейского законодательства о компаниях, вероятнее всего, будут происходить в двух проблемных областях, которые касаются публичных акционерных компаний с ограниченной ответственностью:

1) будет введено требование иметь фиксированный уставный капитал;

2) будет совершенствоваться корпоративное управление.

Можно ожидать, что требование о наличии минимального размера уставного капитала будет становиться менее жестким и даже полностью упразднено по примеру США. Это обусловлено мерами по реализации действующего в ЕС принципа «свободы учреждения» («freedom of establishment»), гарантированного Римским договором и особенно актуального в свете недавних решений Европейского суда (решение Суда ЕС по делу Bosal Holdings № 33/74 и по делу Factortame № C-221/89). Последние законодательные меры в значительной степени стали ответом на недавние скандалы в сфере корпоративного управления (с участием таких известных компаний как Parmalat, Vivendi Universal, Royal Ahold, Skandia Insurance, Adesco и др.). Они касаются, например, требований полного раскрытия

⁴ The end of history for corporate law / Henry Hansmann, Reinier Kraakman // 89 Geo L. 2001. P. 439–68.

акционерам всех составляющих вознаграждения каждого директора в отдельности и установления безусловной ответственности директоров за нарушение принципа лояльности перед акционерами (в отличие от раскрытия и ответственности только перед компанией)⁵.

Итак, европейское право может явиться хорошей моделью для корпоративной реформы в России. В то же время и международный, и российский опыт реформ предостерегает от слепого копирования зарубежной практики. Ведь в России сильны традиции континентального права, нашедшие едва ли не наиболее полное воплощение в Гражданском кодексе РФ. Даже если полагать, что континентальная система корпоративного права в целом слабее англо-саксонской (хотя однозначное утверждение в данном случае было бы, по меньшей мере, преждевременным), было бы нецелесообразно менять сильную традицию континентального права, доминирующую в российском гражданском праве, так как это связано с совсем иными требованиями к законодателю и судьям. Предложения относительно развития корпоративного законодательства должны фокусироваться на формировании основных правил и четком определении полномочий органов управления компании, а также административных и судебных органов. Такой подход позволил бы повысить предсказуемость условий развития корпоративных отношений в период становления и развития ответственной рыночной экономики в России.

⁵ Галашин С. А. Теоретико-правовой анализ понятий «корпоративные нормы» и «корпоративное право» // История государства и права. 2007. №9. С. 5–7.

Д. Е. Гагаринов*

Категория противоправности в гражданском праве

Противоправность в науке гражданского права исследуется как элемент ответственности. В целом данный подход является правильным. О. С. Иоффе отмечал, что противоправность как таковая не существует, поэтому ее нужно рассматривать во взаимосвязи с другими условиями ответственности: виной, причинной связью, вредом. В противном случае процесс исследования утратил бы свою практическую перспективу: противоправность в юридической науке исследуется не ради абстрактной цели познания, а для решения практического вопроса о привлечении к ответственности, которое может последовать лишь при наличии правонарушения в единстве его элементов. Суд для привлечения лица к ответственности по каждому делу обязан устанавливать, в чем заключается противоправность¹.

С другой стороны, такой подход исследователей, когда противоправность рассматривалась как часть ответственности, создал ряд проблем. До сегодняшнего дня нет монографий и диссертаций, посвященных в целом категории противоправности. Противоправность часто обсуждается в публицистическом плане. Неуслышанным остался другой тезис О. С. Иоффе о том, что при помощи метода теоретической абстракции представляется возможным выделить отдельные элементы состава для их самостоятельного исследования. Этот метод не только допустим, но и необходим для полного, всестороннего, правильного познания изучаемого явления². Таким образом, категория противоправности является недостаточно исследованной в гражданском праве.

* **Дмитрий Евгеньевич Гагаринов** – юрисконсульт ОАО «Метео» (г. Екатеринбург).

¹ *Иоффе О. С.* Избранные труды: В 4 т. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. Т. 1: Правонарушение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 312.

² Там же. С. 313.

Сложности возникают уже тогда, когда мы пытаемся определить, что есть противоправность. Эта проблема вытекает из более глобальной – до сегодняшнего дня не выработано универсальное понимание права. Существуют разные правовые системы (англосаксонская, мусульманская, романо-германская и др.). Отсюда одно и то же поведение (акт внешнего действия) в одних государствах будет являться правомерным, в других противоправным (например, несение воинской обязанности, многоженство). Данный тезис применим тем более к сфере гражданско-правовых отношений, где диспозитивный характер правоотношений сторон и обычаи делового оборота играют наиважнейшее значение.

Кроме того, одно и то же поведение в разное время в одном государстве также может восприниматься по-разному. Например, в советское время гражданину запрещалось иметь в собственности два дома, спекуляция являлась уголовно-наказуемым деянием. По действующему гражданскому законодательству, гражданин может иметь в собственности все, что не запрещено законом; предпринимательская деятельность может являться основным источником доходов.

Ученые сталкиваются с проблемой тогда, когда пытаются выделить критерии отграничения противоправности от правомерности. Например, проходя по улице, гражданин внезапно плохо себя почувствовал и, падая в обморок, разбил стекло магазина; охотясь в лесу, гражданин подстрелил человека, находившегося там случайно³. Большинство ученых под противоправностью понимает не только нарушение норм права, но и договорных норм, принципов, общих начал и смысла гражданского законодательства⁴. Такое расширительное толкование противоправности соответствует законодательству, что подтверждается широким применением института аналогии закона и аналогии права.

Другой проблемой является определение противоправного поведения при необходимой обороне и крайней необходимости. Про-

³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. http://download.nchti.ru/libr/books/Right/ClassicOfRussianCivilistic/Elib/content_vene01.htm; Гражданское право: В 3 т. / Под ред. Ю. К. Толстой, А. П. Сергеев. СПб.: КонсультантПлюс. Т. 1.

⁴ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. http://download.nchti.ru/libr/books/Right/ClassicOfRussianCivilistic/Elib/content_vene01.htm

тивоправность непосредственно связана с причинением вреда как условие наступления ответственности. По общему правилу, возмещение вреда или убытков праву наступает лишь при наличии противоправного поведения. Так, два гражданина обвинялись в хищении продуктов со склада Чаук-Чукотской геологической партии, однако при рассмотрении дела было установлено, что обвиняемые оказались в тундре без продовольствия. Им грозила голодная смерть. Они набрали на склад геологической партии, откуда и взяли необходимое количество продуктов. На этом основании суд правильно признал, что обвиняемые действовали в условиях крайней необходимости. При сложившихся обстоятельствах лица были вынуждены пойти на причинение вреда, так как иным способом нельзя было предотвратить возможные более серьезные последствия⁵.

В. П. Грибанов обоснованно считает, что действия в состоянии крайней необходимости и необходимой обороны хоть и причиняют вред, но признаются законодателем правомерными, как исключения из общего правила⁶.

Недостаточно исследованной является проблема применения противоправности в отношении «среднего человека». В научной литературе советского периода были сделаны предложения о внесении изменений в гражданское законодательство. Предлагалось, в частности, возлагать ответственность также и на тех лиц, которые хотя и не несут прямой обязанности по оказанию помощи, но могли бы ее оказать без серьезного риска для себя. Так, М. М. Агарков писал: «...Противоречит ст. 130 Конституции СССР поведение человека, здорового и умеющего плавать, который в летнее время не оказал помощи другому, тонущему в реке недалеко от берега». М. О. Рейхель предложил включить в Гражданский кодекс общую норму, обязывающую к возмещению вреда того, кто не оказал помощи находившемуся в опасном состоянии другому лицу, хотя и мог это сделать «без нарушения других более серьезных обязанностей и без большого для себя риска, труда и затрат». Таким образом, ряд авторов при определении противоправности предлагает исходить из индивидуальных свойств личности (разряд, навыки, профессионализм)⁷.

⁵ Грибанов В. П. Указ. соч.

⁶ Там же.

⁷ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 313.

Указанные аргументы, безусловно, являются разумными. С другой стороны, можем ли мы учитывать индивидуальные качества личности, и зависит ли возникновение юридической обязанности от наличия этих качеств? Возникает и другой вопрос: не утрачивает ли гражданское право в таком случае свои фундаментальные свойства – общеобязательности, формальной определенности; не расширяется судебское усмотрение при таком подходе до неприемлемых границ? Единства мнений в этом вопросе не достигнуто до настоящего времени.

Кроме того, недостаточно внимания в научной литературе уделяется анализу противоправности во взаимосвязи с различными формами ответственности: регрессной, субсидиарной и др. Например, общепризнано, что для наступления ответственности необходима противоправность. Вместе с тем, из обязательств по кредитному договору ответственность может быть возложена на поручителя, несмотря на то, что в его действиях нет противоправности. Другое дело, что затем он может взыскать убытки в регрессном порядке. Анализ указанной ситуации при исследовании учеными не производится.

Остаются нерешенными вопросы, связанные с отграничением противоправности и вины в гражданском праве. Вместе с тем, данные понятия часто смешиваются, особенно у сторонников теории причинения.

Таким образом, категория противоправности в гражданском праве требует дальнейшего изучения. Проблемы в понимании противоправности вызваны зачастую неправильным методологическим подходом, когда противоправность изучается только как часть ответственности. Вместе с тем, решить ряд проблем, связанных с пониманием противоправности, не представляется возможным, пока не будет выработан единый подход к пониманию ответственности и вины. В целом, считаю, что современная наука гражданского права находится на этапе накопления знаний в отношении понимания противоправности. В данном направлении она и будет развиваться в ближайшее время.

А. А. Давлетов*

О типе современного уголовного процесса России

1 Качественное изменение общественно-экономической формации России в начале XXI века повлекло коренную переустройку всей ее правовой системы, в том числе и уголовного судопроизводства. Масштаб реформ охватил отрасль в целом, и потому неизбежно встал вопрос о типе уголовного процесса, который должен прийти на смену прежней его модели.

2. Принципиальный подход к решению этой проблемы был обозначен в «Концепции судебной реформы», принятой Верховным Советом РФ в октябре 1991 г. В этом документе говорилось, что уголовное судопроизводство советского периода было целиком розыскным, инквизиционным, оно стояло на страже интересов государства в ущерб интересам личности, и потому такой тип организации уголовно-процессуальной деятельности непригоден для новых общественных отношений. В демократическом правовом обществе, – утверждали авторы Концепции, – судопроизводство должно осуществляться только на началах состязательности.

3. К концу 90-х годов прошлого столетия идея переустройства отечественного уголовного процесса с розыскного на состязательный лад стала чрезвычайно популярной. Было опубликовано множество статей, монографий, защищен ряд диссертаций, авторы которых (А. О. Машовец, С. Д. Шестакова, А. В. Смирнов, К. Б. Калининский, А. И. Макаркин и др.) обосновывали необходимость принятия состязательной модели, видя в ней панацею, способную разом излечить все болезни советского уголовного судопроизводства.

4. Авторы нового УПК РФ, в частности, Е. Б. Мизулина, будучи сторонниками состязательности, разработали Кодекс, ориентированный на состязательную форму всего уголовного процесса – не

* *Ахтям Ахатович Давлетов* – д-р юрид. наук, профессор, завкафедрой уголовно-правовых дисциплин Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

только судебной его части, но и досудебного производства (стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования).

5. Однако реформа законодательства оказалось половинчатой. В новый УПК РФ были внесены элементы разных типов судопроизводств. С одной стороны, оно декларировалось как состязательное, но, с другой стороны, розыскная природа уголовно-процессуальной деятельности качественных изменений не претерпела, следователь, судья как были полновластными «хозяевами» дела, таковыми и остались.

6. Шестилетняя практика применения УПК РФ, а также принятые в этот период изменения и дополнения со всей очевидностью свидетельствуют об отторжении состязательности и восстановлении розыскной формы организации современного отечественного уголовного судопроизводства.

7. В основе формирования конкретного типа уголовного процесса лежат, на наш взгляд, три фактора. Первый – национальный менталитет. Второй – особенности функционирования правовой системы государства. Третий – преемственность форм уголовно-процессуальной деятельности.

8. Всякая деятельность характеризуется парными философскими категориями «цель – средства». В конкретной области практики, каковой является уголовное судопроизводство, «цель» трансформируется в «целеполагание» (собственно цель плюс задачи как отдельные направления достижения цели). Средства, в свою очередь, проявляются в двух компонентах: методе и форме (порядке) уголовно-процессуальной деятельности.

9. Уголовный процесс во все времена и у всех народов существовал для удовлетворения одной социальной потребности – защищать общество и граждан от преступлений. В том или ином национальном судопроизводстве данная цель конкретизируется в задачи. Здесь определяющее значение имеет истина. Если она ставится целью (задачей), то процесс может быть только розыскным, если нет, то состязательным. Российский менталитет, сложившаяся отечественная правовая система вообще и уголовно-процессуальная, в частности, детерминируют истину как цель доказывания.

10. Двигателем уголовно-процессуальной деятельности является метод, в котором закрепляется интерес ее субъектов. Это публичность или диспозитивность. Первый регулирует поведение органов уголовного судопроизводства, обязывая их действовать в общественных интересах, второй ставит судьбу движения уголов-

ного дела в зависимость от усмотрения его участников. Наш отечественный уголовный процесс всегда был публичным, что обусловлено, прежде всего, национальным российским менталитетом, в котором издревле живет психология «патернализма» (подчинения личности власти).

11. Цель и метод определяют форму уголовно-процессуальной деятельности. Отсутствие истины как цели и наличие метода диспозитивности порождают состязательную процедуру, в которой действуют равноправные стороны, а их спор разрешает суд. Иной порядок складывается в публичном судопроизводстве, направленном на установлении истины. Здесь нет сторон, все процессуальные функции отданы «хозяину» дела. Суд при этом не разрешает спор, а контролирует, ревизирует действия органа уголовного преследования и дает им юридическую оценку. Такой процесс именуется розыскным или инквизиционным.

12. Современное российское уголовное судопроизводство сохраняет свою розыскную природу, несмотря на попытки внедрения в него элементов состязательности. Однако розыск советского периода и розыск наших дней заметно различаются. Усиление возможностей защиты, возрастание роли судебного контроля, ограничение мер процессуального принуждения и ряд других изменений дают основания для именованной формы судопроизводства как следственного. В итоге тип нынешнего российского уголовного процесса можно определить как публично-следственный, целью (задачей) которого является установление истины.

Самозащита – лучшее средство от современного информационного насилия

Вопросы о том, допустимо ли информационное насилие и как от него защищаться, очень актуальны и в современной России, и во всем мире. Не случайно философы, педагоги, психологи на основании многолетних исследований отмечают: возросшая пропаганда насилия на телеэкранах приводит к усилению выработки в организме человека биохимических элементов (например, кортизола – гормона стресса), разрушающих кору головного мозга, повышающих агрессивность, жестокость со стороны взрослых, и особенно детей¹. Эта проблема касается каждого. Достаточно представить себе обычный день любого человека: в общественном транспорте, на работе, в учебных заведениях, где человек постоянно сталкивается с информацией, с ее огромным потоком, который сегодня приобретает насильственный характер.

Не случайно 58 % россиян, принявших участие в опросе, проведенном Исследовательским центром портала SuperJob.ru, считают, что необходимо ввести цензуру, например, в Рунете². Среди причин, по которым более половины респондентов видят необходимость в цензуре, были названы обилие сайтов порнографического содержания, пропаганда насилия, масса непроверенной информации, реклама сомнительных услуг, спам и т. д. По мнению опрошенных, от всего этого необходимо оградить, прежде всего, детей и подростков, чье психическое здоровье может серьезно пострадать в случае столкновения с подобной информацией в Сети.

Для того чтобы говорить об информационном насилии, сначала необходимо определиться с сутью этого понятия.

* *Николай Николаевич Давыдов* – студент 2-го курса юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Экофф Д. С., Райер Р. Х.* Похищенные. Дети в заложниках у маркетологов. Как воспитать разумного потребителя. М.: Изд-во «Добрая книга», 2006. С. 26–34.

² <http://www.cnews.ru/news/line/index.shtml?2008/02/01/286168>

Информация – сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-нибудь³. Насилие – принудительное воздействие на кого-то или что-нибудь⁴. Следовательно, информационное насилие – это принудительное воздействие сообщений на получателя информации. Рассмотрим определенное нами понятие с различных точек зрения, выделив несколько аспектов: правовой, социологический, психологический и экономический.

В рамках правового аспекта следует обратиться к основному закону Российской Федерации – Конституции РФ. В ч. 1 ст. 29 Конституции РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова. Эти свободы также закрепляются в Международной декларации о правах человека и гражданина. Однако при этом совершенно не ведется речь о рамках, границах применения свободы слова. Поскольку в Российской Федерации действует диспозитивный тип правового регулирования (то есть разрешено все то, что не запрещено законом), свободу слова можно осуществлять, если это не противоречит закону. Есть регламенты, касающиеся правовой интерпретации призывов к экстремизму, ответственности за отказ от предоставления информации (ст. 140 УК РФ), о сокрытии информации (ст. 237 УК РФ). Однако пределы свободы слова пока еще не нашли должного отражения в нормативно-правовой базе страны.

Социологический ракурс связан с оценкой того, что XXI век часто называют веком информационных технологий. Информация сегодня – это, в первую очередь, потребность общества, поэтому ее существование необходимо для его развития. Процесс освоения, усвоения и присвоения информации – это явление, формирующее мировоззрение, а поскольку мировоззрение – категория индивидуально-общественного характера, информация влияет на каждого индивида в отдельности. По мнению И. С. Кона, человек не рождается личностью, а становится ею в процессе развития. Развитие же без информации невозможно. При этом каждый индивид, как личность, является продуктом не только существующих отношений, но и всей предшествующей истории, а также своего собственного развития и самосознания⁵.

³ *Ожегов С. И.* Толковый словарь. М., 1987. С. 217.

⁴ Там же. С. 334.

⁵ *Зборовский Г. Е.* Общая социология. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. 2003. С. 529.

С точки зрения психологического подхода, человек может и не сталкиваться с информацией, как с насильственным процессом. В силу воспитания, развития, специфики мировосприятия и различных других факторов у каждого из нас формируется своеобразный «фильтр», который позволяет «отсеивать» ненужные сообщения. Однако информация, направленная нерегулируемым потоком на сознание человека, вызывает ответное действие со стороны подсознания, которое, как губка, «впитывает» в себя сообщения любого рода. Как отмечает А. Г. Маклаков, человек, являясь частью социума, постоянно приобретает определенный субъективный опыт, который становится неотъемлемой частью его личности⁶. Благодаря информации личность начинает подвергаться процессу индивидуализации, так как разные личности могут выносить из объективно одинаковых ситуаций различный социальный опыт. Следовательно, можно предположить, что внутри каждого человека заложен механизм борьбы с избыточной и вредящей ему информацией.

Экономический подход базируется на тезисе о том, что один из наиболее действенных способов продвижения информации – реклама. То есть реклама – «двигатель торговли». Конечно, сегодня наблюдается ее избыток, но альтернативного или более эффективного способа продвижения товаров пока просто не существует. Кроме того, информация – это один из основных ресурсов экономики. Соответственно, без информации как важнейшего экономического фактора не будет развиваться ни одна из сфер жизни общества. Также информация является наиболее ценным продуктом экономического развития. Со временем ценность информации только увеличивается. По мнению экономистов-теоретиков, более информированные покупатели в среднем занимаются более широкими поисками нужных им товаров и услуг, так что ценность информации будет больше⁷.

Таким образом, информация – это ценное явление для любой сферы жизни личности и общества. Однако не стоит забывать о том, что избыток информации в виде давления превращается в насилие, которое пагубно сказывается на здоровье человека. И особую актуальность приобретает задача, которая стоит перед каж-

дым из нас: как научиться себя защищать, используя избирательный способ анализа тех сообщений, которые мы постоянно получаем? Не случаен вывод Э. Радзинского, предложенный в одной из телепередач, где этот автор сделал пусть и пессимистический, но весьма правдоподобный прогноз, связанный с информацией: в будущем думающие люди перестанут смотреть телевизор, а те, кто будут смотреть, уже перестанут думать...

⁶ Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер. 2001. С. 482.

⁷ Стиглер Дж. Экономическая теория информации. М.: ИНФРА-М. 2005. С. 507.

Препятствия на пути перехода России от административной системы к системе гражданского права

Романо-германскую правовую систему можно назвать системой гражданского права, поскольку отрасль гражданского права играет в ней главенствующую роль. Нормы этой отрасли права закрепляют сложившиеся на Западе буржуазные отношения.

Правовая система, существовавшая в советский период, обозначается автором этих тезисов как административная, поскольку ее системообразующей основой являлось административное право и административный метод правового регулирования. Данная правовая система подкрепляла экономическое, политическое и идеологическое господство государственной бюрократии.

Бесспорно то, что Россия медленно переходит от административной правовой системы к гражданскому праву. Но на этом пути у нее возникает множество социально-экономических, политических и идеологических препятствий. Писаное право вытесняется и нейтрализуется неписаными нормами обычаев, прецедентов, доктрин, правом сильного. Позитивистский подход не может дать правильной картины происходящих в стране преобразований. Для этого надо использовать социологический подход к праву.

1. Резкий подъем цен на мировом рынке на энергоносители и другие полезные ископаемые привел к тому, что развитие экономики России стало основываться на получении природной ренты, которая присваивается недемократическим государством, то есть его высшими чиновниками. Экономические отношения приобрели административно-феодальный характер. Значительные финансовые потоки попали в распоряжение правителя и его подчиненных (вассалов). Они пользуются типичным для феодализма условным правом владения, пользования и распоряжения общественными богатствами на время нахождения их на должности.

* *Сергей Алексеевич Денисов* – канд. юрид. наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

вами на время нахождения их на должности. Высшие чиновники («бояре») вместо поместий получают в условное держание крупные государственные предприятия, извлекающие природную ренту¹. За счет этих предприятий высшее чиновничество содержит свою клиентеллу («детей боярских»), реализует свои политические проекты в борьбе за власть.

В стране начала восстанавливаться распределительная экономика, основанная не на гражданском, а на финансовом, налоговом и административном праве. Большая часть общественных отношений носит нерыночный характер, осуществляется не через гражданско-правовые сделки, а сводится к распределению государственной бюрократией государственных преференций. Эти отношения урегулированы нормами о государственном заказе, о государственной поддержке тех или иных предприятий. Благополучие значительной части населения зависит не от регулирования трудовых отношений в рамках частного права, а от государственной поддержки, регулируемой нормами социального права и нормами государственной службы.

2. В современной России, как в странах романо-германской семьи, принята писаная Конституция, которая должна поставить государственную бюрократию под контроль гражданского общества. Рост экономической силы государства, его органов и должностных лиц в последние 5 лет отразился на действии конституционных норм. Они в значительной степени оказались нейтрализованными государственно-правовыми обычаями традиционно присущими России, феодальным правом сильного (решениями правителя и правящей олигархии). Республика оказалась замененной монархической формой правления с элементами олигархичности. Власть правителя стала передаваться по завещанию наиболее приближенному ему человеку. Разделение властей заменили разделением труда между органами власти, полностью подчиненными правителю. Федеральное Собрание превратилось в подобие Советов народных депутатов периода СССР. Оно имитирует наличие парламентаризма, осуществляет законотворческие функции. На самом деле законы исходят от правителя и правящей олигархии. Правительство нацелено не на реализацию законов, а на исполнение воли правителя. Суды и правоохранительные органы вновь превращаются в органы репрессий, которые служат целям сохранения

¹ *Мухин А. А.* Невский – Лубянка – Кремль. Проект-2008. М., 2005. С. 16–18.

власти правящей группы. Вновь восстановлен общественный договор, типичный для государств Востока. Население не вмешивается в управление государством, не требует реализации своих политических прав, закрепленных в писаной Конституции, в обмен на предоставление ему возможности медленно наращивать свой материальный достаток. Как во многих странах Азии и Африки, в России поддерживается только имитация действия конституции. Политические права граждан ограничиваются властным решением олигархии об ограничении свободы средств массовой информации, об уменьшении количества политических партий и об устранении оппозиции.

Концентрация финансовой и политической власти в руках правителя позволила нейтрализовать нормы писаной Конституции, декларирующие федерализм. В стране восстановлено действие правового обычая, закрепляющего имперские отношения между метрополией, коей выступает Москва, и провинциями, управляемыми наместниками правителя. От феодальной раздробленности страна перешла к феодальному централизму.

Правовое регулирование политических отношений оказывает воздействие на сферу применения гражданского права. Как в средневековых городах, оно ограничено правом сильного (новых чиновников-феодалов) и действует только в пределах, допущенных правителем и его вассалами, контролирующими отрасли экономики на местах. Частная собственность не защищена от произвола государства и его чиновников. Объявляя какие-то отрасли экономики стратегическими, государство отнимает бизнес у частных лиц.

Отношения вассалитета-сюзеренитета поддерживаются не только между чиновниками, но и между высшими чиновниками и предпринимателями, взятыми под патронаж. Опекаемые чиновниками предприниматели пренебрегают нормами антимонопольного законодательства и концентрируют в своих руках капитал, устраняя действие норм гражданского права. Все большую мощь приобретают государственные монополии.

3. Препятствием на пути формирования системы гражданского права выступает социальный характер общества. Возникший класс буржуазии еще не может определять развитие отечественного права. Его характер по-прежнему зависит от воли высшей государственной бюрократии. Население, в основном состоящее из наемных рабочих и служащих, чувствует себя подданными, а не гражданами. Оно не в состоянии выдвигать из своих рядов политиков, дей-

ствовать организованно и добровольно передает свой суверенитет правителю. Ситуация в стране очень напоминает ту, что сложилась во Франции при Луи Бонапарте в 1851–1870 гг. По своему характеру общество остается этакратическим, а не гражданским.

4. В России доминирует общественное сознание типичное для стран Востока. Население пассивно, терпеливо. Представление о естественном праве не связано в его сознании с идеями свободы, демократии, формального равенства, защиты частной собственности. Наоборот, большинство находится под влиянием идей патернализма, вождизма. Великодержавная спесь не позволяет людям заимствовать правовые формы жизни на Западе. Они проникают в страну помимо их воли. Если в основе правосознания населения стран Запада лежат идеи рациональности, экономического интереса, индивидуализма и гуманизма, то для большинства россиян характерна иррациональность, чувствительность, доминирование политических идей над экономическими. Человек по-прежнему не является высшей ценностью.

Российским чиновникам (включая судебных) чужд принцип беспристрастности. Большинство их ориентируется на служение правителю, правящей группе, клике, в которую сами они входят.

Российское государство и его правовая система приобрели вид, какой они имели в России в конце XIX – начале XX вв., то есть соединяют в себе черты гражданского права с остатками традиционной феодально-административной правовой системы. Перед страной стоят те же проблемы, что пытались решить в феврале 1917 г.: защита частной собственности и предпринимательства от произвола государственных чиновников, ответственное перед парламентом правительство, свобода СМИ и деятельности политических партий.

Актуальная проблема типизации российской правовой системы в мировом правовом пространстве

В современном мировом правовом пространстве действует множество правовых систем¹, отражающих социально-экономические, политические, культурные особенности того или иного конкретного общества. Такое многообразие обусловлено характером права как явления мировой цивилизации. На основе общности различных признаков и черт (источников, структуры права и исторического пути его формирования) национальные правовые системы в науке сравнительного правоведения систематизируются по их принадлежности к той или иной правовой семье², в рамках которой возможны более дробные элементы, представленные определенной группой правовых систем. В этой связи актуальной является проблема типизации современной российской правовой системы, то есть необходимо ответить на вопрос о том, к какой пра-

* *Светлана Алексеевна Дьяконова* – аспирант кафедры публичного права, ст. преподаватель факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ В современной компаративистике нет единого мнения о том, какие существуют основные правовые системы современности. Почти у каждого компаративиста есть своя теория о классификации правовых систем. См., например: *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 1999; *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1: Основы. М., 2000; *Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М., 1993; *Тихомиров Ю. А.* Курс сравнительного правоведения. М., 1996; *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. М., 2002; *Glendon V., Gordon M. and Osakwe C.* Comparative Legal Traditions, 1985.

² Ни одна из классификаций правовых семей не является исчерпывающей для правовых систем мира, и поэтому в литературе можно встретить самые различные типологические подразделения семей национального права.

вовой семье относится современное российское право на данном этапе, выяснить его место на «правовой карте мира», поскольку реформирование российской правовой системы, начавшееся в 1990-х гг., как и всякая правовая реформа, должно базироваться на знании исторической, культурной, идеологической и другой специфики национальной правовой системы в общем контексте правового измерения человечества. В противном случае трудно не только увидеть перспективы преобразований, но и воспользоваться опытом, как собственным, так и иностранным.

В отечественной и зарубежной литературе до перестройки вопрос о статусе и, следовательно, о месте и роли российской правовой системы среди других правовых систем, как правило, не ставился. Его рассматривали в общем контексте социалистической правовой семьи в качестве ее центрального звена.

Признав неудачей эксперимент строительства советского социалистического права, с 1991 г. начали процесс «отцепления» российского права от социалистического якоря и поиска новой родовой принадлежности. С точки зрения современной компаративистики, российская правовая система в настоящее время находится в переходном состоянии, открытом для обмена идеями, опытом и взаимодействия с любой правовой системой. В результате сложного переплетения нормативного материала различной идеологической природы, в том числе включения многих западных правовых ценностей, российское право пришло в сложное состояние начала новой этапной эволюции.

Политическое и экономическое сближение постсоциалистических стран с иностранными государствами дало мощный толчок к открытости правовых систем и их широкому взаимовлиянию. Правда, оно не стало все же взаимным, поскольку «модели западного права» стали рассматриваться в качестве образцовых и универсальных. Распространение общих правовых идей, концепций правового государства сопровождалось и сопровождается в настоящее время зачастую «слепым» копированием и механическим заимствованием юридических конструкций и правовых решений. Подобные псевдореформы можно сравнивать с лечением «вообще», «заочно», без представления о больном и его диагнозе. Не случайно у нас при самых ошеломляющих по широте заимствованиях зарубежного правового материала результаты оказываются обычно минимальные, а часто и сугубо формальные. Само по себе привлечение зарубежных государственно-правовых институтов, воп-

реки распространенному мнению, отнюдь не добавляет реципиенту цивилизованности и тем более не решает проблем его правовой культуры. Перенесение идей из одной правовой системы в другую требует их тщательного анализа на совместимость. Для достижения успешного результата правовой институт, взятый из системы А и перенесенный в систему Б, должен совмещаться с системой Б, ассимилироваться последней, но не отторгаться ею. Например, прежде чем позаимствовать институт суда присяжных из системы англо-американского общего права и ввести его в континентально-европейскую правовую систему России, надо было понять, во-первых, совместим ли такой институт с комплексным механизмом российского уголовно-процессуального права и, во-вторых, насколько такое нововведение согласуется с российским правосознанием. Поэтому особую значимость приобретает теоретическая разработка проблем современного сравнительного правоведения, что, в свою очередь, вызывает необходимость унифицировать познавательный (терминологический и понятийный) инструментарий сравнительно-правовой науки.

Известный американский ученый-компаративист К. Осаке аргументированно доказывает, что пока российское право нельзя отнести ни к семье западного права вообще, ни к системе романо-германского права в особенности, ни тем более к категории социалистического права. Он полагает, что на сегодняшний день у российского права есть три реальных варианта выбора: а) присоединиться к одной из существующих правовых семей современности (конкретнее – к одной из семей западного права), б) пойти своим путем и вместе с республиками СНГ образовать подлинно новую евроазиатскую правовую семью, в) объединиться со славянскими нациями в общую семью славянского права. По мнению данного ученого, в современном российском праве отсутствуют атрибуты западной правовой культуры, и современная Россия реально пока далека от правового государства в западно-правовом понимании этой концепции. На основе проведенного сравнительно-правового анализа К. Осаке резюмирует, что, судя по проведенной реформе и по измеряемым тенденциям развития, современное российское право на уровне формального права движется в сторону присоединения к германской подгруппе в семье романо-германского права, а на уровне «живого» права однозначно относится к внезападному праву – менталитет среднего россиянина по вопросам пра-

вопонимания и роли права в обществе носит скорее азиатский характер, нежели западный³.

Известный российский компаративист М. Н. Марченко детально анализирует вопрос, является ли правовая система России составной частью романо-германской правовой семьи или же она сохраняет свой относительно самостоятельный, самобытный характер. Ученый исследует аргументы, позволяющие судить о принадлежности современного российского права к романо-германскому праву или о значительном их сходстве, или же хотя бы о тяготении первого ко второму, среди которых указывает на следующие: а) влияние римского права на процесс становления и развития российского права и романо-германской правовой семьи; б) по преимуществу кодифицированный характер российского законодательства; в) доктринальный характер систем; г) приоритет закона, точнее – нормативного акта, а не судебного решения – прецедента, как это имеет место в англосаксонском праве и др. Вместе с тем ученый отмечает, что у российской правовой системы имеется гораздо больше своих собственных, свойственных только ей одной, специфических черт, чем общих признаков с романо-германским правом, среди которых он выделяет следующие: а) российская правовая система является «скорее прерогативной, нежели нормативной» системой, в ней зачастую действуют скорее «понятия», нежели «нормы права»; б) эта система имеет наряду с системами, построенными на религиозной основе, «псевдорелигиозный» характер; в) в правовой системе России право по-прежнему выступает как средство в руках государства, которое раньше использовалось для строительства коммунизма, а ныне – «для создания нового экономического порядка в стране»; г) как и в прежние годы, российское право в значительной степени зависит от политики и экономики; д) в российской правовой системе, в отличие от романо-германской правовой семьи, отсутствует четко выделенная из отрасли гражданского права система норм, формирующих коммерческое право, торговое право России практически полностью поглощено «чисто» гражданским правом; это свидетельствует, с одной стороны, о низком уровне развития в стране товарного рынка, а с другой – как объективное следствие этого, о переходном со-

³ Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: Учеб.-практ. пособие. М., 2002. С. 27–46.

стоянии самого «цивилистического блока» российского права⁴. Подводя итоги, автор указывает, что российское право исторически, географически и отчасти даже духовно стоит ближе к романо-германскому праву, чем к другим правовым семьям и системам права; вместе с тем, российское право, имея свои собственные исторические, социально-политические, бытовые, духовные, наконец, национальные, а точнее – многонациональные основы, всегда было и остается самобытным, по-своему уникальным, как и любое иное право, относительно самостоятельным правом, тесно связанным и взаимодействующим с романо-германскими, англосаксонскими и другими правовыми семьями и системами⁵.

Иной точки зрения придерживается другой представитель общеправовой теории профессор В. Н. Синюков. Исследователь полагает, что российская правовая система может рассматриваться в качестве целостной правовой семьи или, по крайней мере, группового подразделения славянской правовой семьи и будет идентифицироваться в качестве основы правовой семьи восточнославянских и части тюркских народов бывшего Союза ССР. Уйти куда-то из этой макрокультуры (на Запад, на Восток) ученый считает вряд ли возможным⁶.

Как представляется, нет никакой необходимости пытаться предвосхищать события и искусственно подверстывать российское (национальное) право под романо-германское (западное, европейское) или любое иное право, поскольку в любой сфере жизни общества, включая правовую, весьма рискованным является искусственное форсирование даже уже обозначившихся процессов и событий. В усиливающейся тенденции взаимопроникновения элементов тех или иных систем весьма важно не только сохранить самобытность российской правовой системы, но и усилить ее потенциальные возможности, с тем чтобы это был именно процесс взаимной интеграции, естественного сближения, а не одностороннего поглощения и постепенного подавления самобытности и возможностей одной правовой системы другой правовой системой или семьей.

⁴ См.: *Зенин И. А.* Гражданское и торговое право зарубежных стран. М., 1999. С. 11–15.

⁵ *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. М., 2002. С. 763–778; *Он же.* Правовые системы современного мира: Учеб. пособие. М., 2001. С. 219–234.

⁶ См.: *Синюков В. Н.* Правовые системы и правовые семьи / Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 1997. С. 175–181; *Синюков В. Н.* Российская правовая система: Вопросы теории. Саратов, 1994.

О. Н. Дьячкова*

Народная правотворческая инициатива как конституционно-правовой институт российского государства

В настоящее время демократия представляет собой систему политического представительства, в рамках которой граждане имеют возможность непосредственно участвовать в публично-правовых делах. Прямое участие граждан в решении государственных дел и вопросов местного самоуправления возможно такими способами, как выборы, референдум, отзыв депутата, а также народная правотворческая инициатива.

Институт народной правотворческой инициативы появился впервые в США, когда в 1715 г. был принят закон штата Массачусетс, закрепивший право народной правотворческой инициативы на местном уровне.

Народная правотворческая инициатива – это институт, предполагающий, что граждане могут предложить изменения в Конституцию, другие правовые акты путем внесения проектов правовых актов в представительный орган или вынесением их на референдум.

В российском законодательстве институт народного правотворчества появился лишь в конце XX в. и до настоящего времени является одним из наименее развитых институтов публичного права. До принятия Конституции РФ 1993 г. отечественное законодательство не закрепляло прямого участия граждан в законодательном процессе. Граждане могли обращаться в органы государственной власти с законодательными предложениями, но их обращение не обязывало государственные органы рассматривать и принимать или отвергать предложения.

Развитие системы российского законодательства привело к тому, что народная правотворческая инициатива стала одним из

* **Ольга Николаевна Дьячкова** – ассистент кафедры онтологии и теории познания УрГУ им. А. М. Горького, ученый секретарь национального института по правам человека (г. Екатеринбург).

конституционно-правовых институтов российского государства. В Федеральном конституционном законе «О референдуме Российской Федерации» (от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ) закреплено право граждан выступать с инициативой вынесения на референдум РФ проекта закона (без уточнения какого именно закона).

В Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ) закреплено право граждан предлагать на референдум не только проект закона, но и проект иного нормативного правового акта. Из этого следует, что граждане могут предлагать на референдум как проекты новых законов, так и проекты о внесении изменений в действующие законы РФ. В законе также закреплено, что на референдум субъекта РФ могут предлагать проекты законов (проекты иных нормативных правовых актов) только граждане, которые постоянно проживают на территории субъекта РФ. В соответствии с российским законодательством проект закона (иного нормативного правового акта) может быть вынесен и на референдум РФ также по инициативе гражданина, группы граждан, общероссийского объединения.

В субъектах РФ институт народной правотворческой инициативы закреплен вышеназванными федеральными законами и ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (от 23.03.2007 г. № 37-ФЗ). В настоящее время конституции (уставы) субъектов Российской Федерации закрепляют за гражданами право законодательной (правотворческой) инициативы в представительном органе государственной власти соответствующего субъекта РФ.

В законодательном регулировании права народной правотворческой инициативы в различных субъектах РФ имеются отличия в предмете народной правотворческой инициативы. Так, предметом народной правотворческой инициативы может быть проект нового закона субъекта Российской Федерации, проект о внесении изменений в действующий закон, предложение по внесению изменений в основной закон субъекта, проект иного нормативного правового акта. В законодательствах субъектов РФ закреплены разные требования по количеству подписей для поддержки народной правотворческой инициативы. Следует отметить, что в РФ и ее субъектах основными формами участия граждан являются обра-

щения граждан, законодательные предложения при разработке и обсуждении законопроектов.

Среди причин неразвитости института народной правотворческой инициативы следует выделить причины политического характера: основные институты гражданского общества, которые могли быть организаторами инициатив, отсутствуют или недостаточно развиты; доктринального характера: в России народная правотворческая инициатива рассматривается как официальное внесение в представительный орган государственной власти законопроекта гражданами при условии, что данный проект поддерживает установленное законом определенное количество граждан. Нужно говорить и о недостаточной разработанности системы норм, определяющих институт народной правотворческой инициативы.

Принятие конституций (уставов) субъектов РФ способствует законодательному оформлению народной правотворческой инициативы на региональном уровне. Право народной правотворческой инициативы урегулировано отдельными законами в субъектах Российской Федерации (например, г. Москва, Алтайский край, Брянская, Калужская, Кемеровская, Свердловская области и др.).

Институт народной правотворческой инициативы – это институт прямой демократии, который должен выступать в качестве важнейшей составляющей представительной системы. В настоящее время в российском законодательстве заложены лишь основы института народной правотворческой инициативы. Дальнейшее развитие этого института будет способствовать росту гражданского участия в делах государства, укреплению доверия граждан к деятельности представительных органов государственной власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Ю. Л. Ершов*, М. А. Черенкова**

Правовые вопросы защиты репутации от недостоверных сведений, распространенных в средствах массовой информации

То, что из СМИ порой можно узнать о себе самые удивительные и весьма неприятные сведения, уже ни для кого не секрет. И мишенью таких выпадов является составное нематериальное благо, которое можно обозначить словом репутация (человека или организации). Оно включает более частные понятия: честь, достоинство и деловая репутация. Важным аспектом их правовой природы, необходимым для понимания и применения мер защиты репутации является информационно-оценочный характер рассматриваемых категорий. Каждое из них представляет определенный итог оценки информации о каком-то субъекте: его поведении; принципах, которых он придерживается; морали и т. п. То есть сам процесс их формирования представляет два этапа: 1) информация доводится до общества; 2) информация оценивается обществом. Итогом и является формирование определенных представлений о каком-либо лице, составляющих его репутацию в обществе.

Что происходит, когда указанные нематериальные блага человека нарушаются? Ломается указанный выше процесс формирования репутации, и вместо правдивых сведений о субъекте публика оценивает ложные, почерпнутые в рассматриваемом случае из средств массовой информации. В итоге, и оценка, и сама по себе репутация, отличаются от тех, на которые человек вправе рассчитывать и которые отвечали бы его качествам.

* **Юрий Львович Ершов** – канд.юрид. наук, управляющий партнер адвокатского бюро «Эксперт» (г. Екатеринбург).

** **Мария Александровна Черенкова** – магистр частного права, преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Соответственно, идея о том, как именно необходимо защищать репутацию, направлена на то, чтобы общество смогло внести коррективы в то, какие именно сведения надо оценивать, и это приведет к тому, что оценка станет соответствующей состоянию субъекта, то есть правовые меры защиты должны включать в себя такой механизм, который влиял бы на содержание важных для репутации сведений.

Закон для таких случаев предоставляет ряд средств защиты. Базовой правовой нормой является ст. 151 ГК РФ. Наиболее сильная из предлагаемых мер защиты своей репутации – опровержение. Его суть состоит в том, что само средство массовой информации выступает с тем, что заявляет о недостоверности ранее распространенных сведений. Таким образом, сам источник информации выступает с сообщением о ее недостоверности. Это позволяет всем заинтересованным лицам внести соответствующие коррективы в оценку репутации человека, пересмотреть выводы, на которые повлияла ложная информация, что должно привести к восстановлению репутации того лица, о репутации которого идет речь.

Чтобы эта мера могла быть реализована, требуется наличие следующих условий: информация должна быть на самом деле ложной (если разгласили правду, пусть даже и защищаемую законом, такую, например, как состояние здоровья), и она должна являться порочащей. Последнее означает не просто неправдивые данные, а такие, которые умаляют честь, достоинство или деловую репутацию человека. Скажем, написать, что человек родился в деревне Березовка, тогда как он на самом деле родом из Санкт-Петербурга, хоть и не будет правдой, но порочащей информацией также не будет, и именно по указанной выше причине: это не порочит человека с точки зрения его морально-нравственных качеств и их оценки окружающими. Этот признак крайне важен, и если дело доходит до суда, то копыа ломаются, как правило, именно об него: СМИ пытаются доказать, что хоть они, возможно, и не сказали правду (по крайней мере не могут доказать истинность сказанного), но ложь не порочит человека. Повороты дела часто непредсказуемы. Сочтет ли суд порочащим, скажем, сообщение о наличии у кого-то венерического заболевания, сразу не скажешь. Это зависит от того, кто именно будет рассматривать дело, судья какого воспитания и образования. Есть известный пример, когда женская политическая партия сначала обратилась с иском о защите репутации после распространения сведений о том, что членам партии на период выбо-

ров предписано половое воздержание. Но после того, как адвокаты ответчика принесли в суд ряд религиозных изданий и попросили доказать, что воздержание от секса порочит кого-то в глазах общественности, иск был отозван. Иначе истцы оказались бы в тяжелом, если не сказать – глупом положении, ведь им пришлось бы опровергать многочисленные религиозные нормы и догматы по возникшей теме.

Но если все-таки суд посчитает информацию имеющей именно порочащий характер, то доказывать ее правдивость должен ответчик. Если не докажет, на него будет возложена обязанность опровергнуть соответствующие сведения тем же способом, каким они были распространены – в той же передаче, том же издании.

Второй мерой защиты из ст. 151 ГК РФ является право на ответ. Оно менее сильное по воздействию и состоит в том, что человек, чьи интересы затронуты каким-либо репортажем, вправе требовать того, чтобы ему предоставили возможность выступить на страницах того же издания. Он по закону имеет возможность сообщить то, что, по его мнению, может защитить запятнанную репутацию. Эта, вторая мера, право на ответ, может применяться в гораздо большем числе случаев, чем опровержение, ведь здесь не важен именно порочащий характер сведений, достаточно того, чтобы информация затрагивала чьи-то интересы. Действует оно по-иному, нежели опровержение. В отличие от последнего, когда истинность информации напрямую отрицается самим ее источником (СМИ, от которого она и исходила), во втором случае речь идет о том, что наряду с некоторой негативной информацией общество получает возможность оценить и иную – ту, которую сам заинтересованный субъект сочтет надлежащей. Какой вывод будет сделан из сравнения двух этих видов сведений – предсказать обычно сложно.

По-прежнему остается крайне болезненным вопрос о соотношении права на защиту репутации, с одной стороны, и права на свободу слова – с другой. Универсального ответа по поводу того, где кончается свобода слова и начинается нарушение чужой репутации, не выработано. Конституционный суд РФ в своем определении по жалобе Козырева указал, что суды должны решать этот вопрос в каждом конкретном случае на основе материалов дела. Учитывая ужасающее состояние современного российского правосудия, предсказать то, каким образом суд подойдет к этой проблеме в соответствующем споре, практически нереально.

А. Е. Каменева*

Талант в современных российских правовых и экономических практиках

В правовой и экономической практике современной России очень неоднозначно толкуется понятие «талант». С социально-экономической точки зрения, любой субъект, имеющий значительную сумму денег, может стать не только известным, но даже может быть признан талантливым. Соответствуют ли экономическая практика практике правовой? Попытаемся разобраться.

Слово «талант» имеет несколько значений. Первое: талант – это выдающиеся способности индивида в какой-либо области (художественной, научной, политической)¹. Тогда талантливый человек – это одаренная личность, отличающаяся от остальной массы населения особо развитыми способностями в какой-либо определенной области. Сегодня любой субъект, имеющий в распоряжении финансы, может стать, например, писателем. На рынке литературы в изобилии произведения таких писателей, которые, судя по уровню их творчества, даже не имеют понятия о том, что такое классическая литература (например, Ю. Шилова). Но, тем не менее, пользуются популярностью у читателей. Может быть, в современности они и есть настоящие таланты? Просто суть их таланта в ином: в демонстративном уходе от нравственно-этических ценностей, присущих классике, в умении стать «таблеткой от депрессии» для массы читателей с примитивными и чаще всего низменными запросами.

Здесь налицо противоречие. С одной стороны, потребители, предъявляющие высокий уровень требований к качеству результатов деятельности любого таланта, от «низкопробных» произведений могут отказаться, так как имеют представление о том, что

* **Александра Евгеньевна Каменева** – студентка 2-го курса юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Современный толковый словарь русского языка. Мн.: Харвест, 2002. С. 411.

такое истинная ценность и качество. С другой стороны, «псевдоталант», пропагандирующий «пещерный» уровень культуры, может стать эталоном для другого потребителя, чей вкус еще формируется. И здесь мы сталкиваемся уже с проблемой правовой практики. То, что рационально с точки зрения экономики, оказывается противоправным на уровне обычного права, на уровне ощущения нарушения нравственно-этических норм. Но собственно правовая норма сегодня не имеет «весов», конкретизирующих перечисленные нами дефиниции: «талант», «псевдоталант», правомерность или отсутствие таковой в формах проявления таланта.

С чисто экономической точки зрения, талант – это самая крупная в древности весовая и денежная единица, широко распространенная в Греции, Сирии, Египте, равная 6000 драхм. Одновременно это в переводе с греческого – весы, а также мера веса в современной Греции, равная приблизительно 150 кг². Таким образом, в древности слово «талант» рассматривалось как сугубо материальная категория. Современность кое-что от этого утилитарного содержания таланта сохранила. Например, спортсмен заключает гражданско-правовой договор о работе в какой-то команде. Что он продает? Свой талант, который стал поводом для получения спортсменом дохода. Однако талант – талантом, но тело самого спортсмена с этого момента становится предметом купли-продажи, как при рабовладении. Клубы не просто «переманивают» друг у друга талантливых спортсменов, они заключают сделки на «продажу» того или иного субъекта. Сами клубы покупаются и продаются вместе с работающими в них спортсменами, тренерами. Талант, «включенный» в тело спортсмена, как бы превращает его в живую упаковку, имеющую экономическую ценность на период ограниченного физическими данными субъекта «срока годности».

Не случайно Дж. Куирк отмечает, что бейсбольная лига в США была первой организацией, которая разработала свод правил, управляющих экономическими операциями. По примеру организованного бейсбола, все профессиональные лиги ввели ограничения на рынках использованных ресурсов и произведенного продукта, включающие предоставление командам монопольных прав предоставлять игры лиги в определенных районах страны, распределять средства от денежных сборов и доходов от теле- и радиотрансля-

² Современный толковый словарь русского языка. Мн.: Харвест, 2002. С. 411.

ций³. Есть правила, регулирующие вступление в лигу новых команд, продажу имеющихся. Особой оценки в рамках наших рассуждений заслуживает ограничение с помощью контракта мобильности игроков (право «удержания и перехода»). В течение целого века пункт, оговаривающий право удержания игрока, был сформулирован в бейсболе таким образом, что игрок, подписавший первый контракт с командой, был обязан играть за эту команду всю оставшуюся игровую карьеру или до тех пор, пока контракт не будет продан. Тогда спортсмен вынужден играть в «купившей» его команде. Начиная с 1975 года, в результате судебных разбирательств, воздействия союзов игроков ограничения в мобильности спортсменов были ослаблены, но не сняты.

И это вызывает естественный вопрос: как соотносятся сегодня деньги, талант и право быть талантливым? Насколько право быть талантливым защищено современным государством и в нашей стране, и за рубежом?

У каждого человека, будь то «бомж» или академик, студент или бывший военный, – есть право быть талантливым. Это особого рода право на выявление и подтверждение своего отличия от других. Иначе говоря, для того чтобы талант приносил пользу и его обладателю, и обществу, его надо «раскрыть». Сначала найти, а потом официально подтвердить. Но чаще всего прибыль от «находки» и «подтверждения» сам индивид не получает. «Львиную» долю «съедает» продюсер – «выявитель», «делатель» талантов.

Законодатели и России, и других стран не до конца определились в своей оценке таланта как нематериальной категории, приносящей доход. Следовательно, эту нематериальную категорию следует конкретизировать и в экономическом праве. Есть нормативно-правовая база поддержки одаренных людей. Меняется политика нашего государства по отношению к научным талантам за счет Национальных проектов, конкурсов, перманентного реформирования образования. У нас нет Нобелевской премии, но благодаря процедуре ее присуждения мы получаем общемировые образцы реализованного права быть талантливым.

В повседневной практике нашей страны есть даже «переизбыток» талантов. Так каждый, желая выделиться из «серой массы», может объявить себя человеком непременно талантливым. Тогда

³ Куирк Дж. Экономика спорта / Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. М. Илгрейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 805.

наступает очередь получения ответа на другие вопросы: насколько подобная декларация соответствует реалиям, а также, насколько и благодаря чему заинтересуются продюсеры этот талант «открыть» и «продвинуть»?

Социальное государство не должно утрачивать свою основную функцию по созданию равных условий для проявления своего таланта любому человеку. В практике образования есть, к примеру, конкурсы, гранты для поддержки талантливой молодежи. Но это для поддержки тех, чей талант уже признан как проявившийся. А как быть тем, в ком таланты есть, но повод их проявить пока не предоставлен?

Сегодняшние конкурсные мероприятия, направленные на выявление будущих талантов среди молодежи, на наш взгляд, носят сугубо политический характер. Значит, пока утверждено направление в политике «поддерживать молодежь», оно будет, хоть и фрагментарно, «ковать» таланты для общества. А если политики найдут другое, более выгодное с экономической точки зрения направление? Вот в такой-то ситуации и нужен закон, нужна неизменная правовая практика, благодаря которой таланты среди российских людей будут интенсивно формироваться, раскрываться, поддерживаться и поддерживать креативный потенциал страны. В XXI веке талантливым должно стать не только выгодно, но и возможно. Право быть талантливым есть у каждого человека, но его необходимо закрепить и правовой, и экономической практикой. Причем, собственно правовой аспект должен быть деперсонифицирован на уровне организации поддержки талантов, не должен зависеть от сиюминутных потребностей политиков или коммерсантов. Это даст новый импульс правовой и экономической жизни народа и государства в целом.

В. А. Камышин*

Справедливость в уголовном процессе

Менталитет российского общества во многом определен особым отношением к духовным и этическим свойствам, где мерилom восприятия мира выступают должное и справедливое, добро и зло, а справедливость является одной из ключевых характеристик.

«Большой энциклопедический словарь» определяет справедливость как совокупность свойств «морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном...» Она (справедливость) «содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов ... и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением... Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость»¹. Справедливыми считают людей, исполняющих предписания и отвечающих добром на добро, а несправедливыми – чинящих произвол, нарушающих права людей, не помнящих сделанного им добра. Справедливым признается воздаяние каждому по заслугам и, соответственно, несправедливым – незаслуженные почести и наказания. Справедливы объективные судебные решения и несправедливы – пристрастные.

Философская категория «справедливости» применялась и применяется во многих общественных областях, в том числе и правовой. Неразрывная связь между правосудием и справедливостью прослеживается со времен Древнего Рима, где обе дефиниции обозначались одним словом – «iustitia» (лат.) Великий русский правовед А. Ф. Кони в XIX веке отмечал, что «правосудие не может быть отрешено от справедливости, а последняя состоит не в одном правоммерном применении карательных санкций. Судебный деятель всем своим образом действий относительно людей, к деяниям ко-

* **Владимир Анатольевич Камышин** – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. СПб.: Норинт, 2002. С. 1139.

торых он призван приложить свой ум, труд и власть, должен стремиться к осуществлению нравственного закона»².

Очевидно, что уголовно-правовая сфера, где затрагиваются и ограничиваются наиболее значимые права человека, не может игнорировать нравственные категории. Современное международное и отечественное уголовное законодательство («Всеобщая декларация прав человека» 1948 г, «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод» 1950 г. ст.ст. 6, 43, 60 УК РФ, ст.ст. 297, 360, 361, 373 УПК РФ) предписывают необходимость разрешения уголовных дел с позиций справедливости. При этом термин «справедливость» и его антоним – «несправедливость», применяются исключительно к результатам разрешения дела и к назначению наказания. Иными словами, уголовная (материальная и процессуальная) категория «справедливость» используется для характеристики обвинительного приговора суда. Кроме того, в литературе отмечается, что такая «справедливость» должна восполнить пробелы законодательных установок. Этим была сделана попытка ввести в УПК РФ нормы англо-саксонской системы состязательного процесса, где «право справедливости» выступает альтернативой закону и базируется на прецеденте. По сути, законодатель придал термину «справедливость» общефилософское значение. Это представляется ошибочным, поскольку любая философская категория должна использоваться в той или иной области знаний ровно настолько, насколько она «работает».

Механическая экстраполяция категории «справедливость» из философии в уголовное судопроизводство привело к невозможности ее достижения. Как отмечает Д. Г. Нохрин, при назначении уголовного наказания сегодня невозможно воплощение справедливости, поскольку «она субъективна, интуитивна и индивидуальна»³.

Отметим, что правоприменитель относится к понятию «справедливость» как к абстрактной категории, как к результату судебного усмотрения. Нормативной основой такого положения послужило то, что с принятием ныне действующего УПК РФ 2001 года

² Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1967. С. 51.

³ Нохрин Д. Г. Проблема усвоения студентами категории справедливости в процессе изучения уголовного права России // Юридическое образование, наука, практика: Взаимодействие и перспективы: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. С. 55–61.

из его норм были изъяты: принцип «всесторонности, полноты и объективности» и требование достижения «истины». Авторы УПК РФ посчитали, что термин «истина» не может использоваться, поскольку это противоречит провозглашенной в законе состязательности (ст. 15 УПК РФ). Но так ли это?

Во-первых, сколько бы мы ни провозглашали состязательность, ее невозможно реализовать в отечественном уголовном судопроизводстве. Наиболее ярко это видно на примере досудебного производства, где отсутствуют обязательные свойства состязательного типа процесса: независимый арбитр (судья), равенство сторон по собиранию доказательств и пр.⁴ Во-вторых, любая деятельность, в том числе и уголовно-процессуальная, должна иметь целеполагание, то есть быть целенаправленной⁵. Деятельность ради самой деятельности является бессмысленной и несистемной, что противоречит самой природе уголовного процесса.

На уровне уголовно-правовой политики целью деятельности правоохранительных органов и государства в целом является борьба с преступностью. Такова же цель и любого уголовного процесса «во все времена и во всех народах». Конкретизируется данная универсальная цель в такой области уголовного судопроизводства, которая является сердцевинной всего процесса – в доказательственной деятельности. Целью доказывания, в свою очередь, выступает материальная (объективная) истина⁶.

Представляется, что восстановление в нормах УПК РФ цели уголовно-процессуального доказывания – достижение истины сможет реализовать и требование о справедливости приговора суда по каждому уголовному делу. На правильность этого вывода ука-

⁴ Давлетов А. А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 16–18; Пикалов И. А. Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях м. 2007. С. 44 и пр.

⁵ Азаренок Н. В., Давлетов А. А. Программа уголовного судопроизводства: цель, задачи и условия деятельности // Правоведение. 2007. № 2. С. 123–134.

⁶ Это следует из того, что доказывание по уголовному делу является разновидностью познания, все законы гносеологии на нее распространяются. Гносеология под истиной понимает «соответствие знания действительности, объективное содержание эмпирического опыта и теоретического познания» // Большой энциклопедический словарь. С. 466; Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 403.

зывает и этимология русского слова «справедливость», которая с очевидностью восходит к слову «правда», под которой понимают «то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей... утверждение истинности»⁷.

Не углубляясь в соотношение категорий «справедливость» и «истина», что требует отдельного исследования, можно подвести итог:

1. По действующему уголовно-процессуальному законодательству «справедливость»:

а) используется для характеристики уголовного наказания и обвинительного приговора;

б) является элементом состязательной формы процесса.

2. Уголовно-процессуальная категория «справедливость» имеет высокий уровень обобществления, ее нельзя применять только к мере наказания, поскольку уголовное дело может быть прекращено, а приговор суда может быть не только обвинительный, но и оправдательный.

3. Состязательный тип современного отечественного уголовного процесса не может быть реализован, а значит в УПК РФ нельзя использовать категорию «справедливости» в общефилософском значении. Она должна быть конкретизирована, что определяется природой уголовного процесса, его целью – борьбой с преступностью и материалистическим характером доказывания.

4. На общетеоретическом уровне категории «справедливость» и «истина» сопоставимы, а в уголовном судопроизводстве взаимозависимы.

5. Материальная (объективная) истина является целью доказательственной деятельности и гарантом достижения справедливого решения по уголовному делу.

⁷ Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 576.

Р. Е. Качанов*

Коллизионные требования «дерогативности» как общие принципы права: понятие и особенности влияния на нормоконтрольную деятельность судов в условиях российской правовой системы

Еще в древности римскими юристами было подмечено, что право не создается произвольно людьми, а базируется на определенных началах; исходя из этих начал они вырабатывали свои суждения, очень многие из которых мы сегодня по праву признаем правовыми аксиомами.

На наш взгляд, проблема признания аксиоматичности права, проблема общих принципов права и их судебного обеспечения является на сегодняшний день чрезвычайно важной для нашей страны. Причем это проблема не только практического, но и теоретического плана, так как, не решив данную проблему в теории, невозможно обеспечить решение ее на практике.

Роль судебного нормоконтроля в обеспечении «усваивания» общих принципов права национальным правом невозможно переоценить, так как именно этот институт имеет дело с непосредственным воздействием на право позитивное, то есть право, устанавливаемое законодательными и исполнительными органами. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что именно судебный орган, осуществляющий нормоконтроль (Конституционный Суд РФ) сформулировал правовую позицию относительно роли, значения и места общих принципов права в российской правовой системе. Так, в Постановлении от 27 января 1993 года № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения зако-

* **Роман Евгеньевич Качанов** – аспирант Гуманитарного университета (Екатеринбург).

нодательства о труде и постановлений пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» Конституционный Суд РФ заявил: «Эти принципы (*общие принципы права*. – Р. К.) обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права»¹.

На наш взгляд, коллизионные требования «дерогативности» также должны признаваться (и во многих странах признаются) в качестве общих принципов права, так как они обладают всеми признаками общих принципов права, а именно, разумностью (рациональностью), универсальностью, общепризнаваемостью или аксиоматичностью.

Выделяют следующие принципы «дерогативности» (от лат. «derogate» – «отмена»):

1. **Принцип иерархичности права** («lex superior derogat ligi inferior» – «закон высшего порядка отменяет действие закона низшего» в иерархической системе права).

2. **Принцип приоритета последующего закона** («lex posterior derogat priori» – «последующий закон отменяет предыдущий»).

3. **Принцип приоритета специального закона перед общим** («Lex specialis derogat legi generali» – «специальный закон отменяет действие закона общего»).

Так, С. А. Войтович отмечает: «Международно-правовой обычай следует отличать от «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями», наряду с обычаем, упоминаемым в статье 38 Статута Международного Суда ООН. В правовой теории считается, что общие принципы права устанавливаются путем выделения общего в различных правовых системах и имеют в значительной степени технико-юридический характер. Например, правила *lex specialis derogat generali* – специальный закон/договор имеет приоритет над общим, *lex posterior derogat priori* – после-

¹ Собрание законодательства РФ. 08.04.1993. № 14. Ст. 508.

дующий закон/договор имеет приоритет над предыдущим, закон/договор обратной силы не имеет и другие»².

И. И. Лукашук под *общими принципами права* понимает «выработанные в практике специальные юридические формулы, аксиомы, отражающие специфику приемов правового регулирования (например, «никто не может передать прав больше, чем сам имеет»)»³.

Применительно к судебному нормоконтролю наиболее актуальным является принцип иерархичности права («закон высшего порядка отменяет действие закона низшего в иерархической системе права»), так как именно этот институт правового государства обеспечивает на практике реализацию указанного общеправового принципа. На наш взгляд, в силу общеобязательности (другими словами, нормативности) и наивысшей юридической силы общих принципов права, именно принцип «закон высшего порядка отменяет действие закона низшего» позволяет судам осуществлять дерогативный (или постановляющий) нормоконтроль, признавая утратившими силу (или недействующими) нормативные акты, противоречащие источникам права более высокого уровня. И именно посредством осуществления дерогативного нормоконтроля суды создают новые источники права.

Однако говоря о судебном нормоконтроле, нельзя забывать о том, что и иные принципы «дерогативности» должны играть в нем не менее важную роль, в частности, принцип приоритета последующего закона («lex posterior derogat priori» – «последующий закон отменяет предыдущий»).

Об общеправовом характере двух других принципов «дерогативности» высказывался Конституционный Суд РФ, правовые позиции которого, как известно, носят общеобязательный характер. Так, в Определении от 5 октября 2000 г. № 199-О Конституционный Суд указал, что «в соответствии с *общими принципами права* в случае коллизии норм, регулирующих одни и те же общественные отношения, применению подлежат нормы закона, принятого по вре-

² Войтович С. А. Международно-правовые обычаи и общие принципы права в практике Международного центра по регулированию инвестиционных споров (ИКСИД). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lawgris.kiev.ua/eng/art4.shtml>

³ Лукашук И. И. Механизм международно-правового регулирования. Киев, 1980. С. 55.

мени позднее, при условии, что в нем не установлено иное, при этом приоритетом над общими нормами обладают специальные нормы...» (абзац третий пункта 2 мотивировочной части) (курсив наш. — Р. К.)⁴.

На наш взгляд, суды, осуществляя нормоконтроль, должны руководствоваться также принципом приоритета последующего закона, так как очень часто законодатель и иные правотворческие органы, принимая те или иные нормативные акты, «забывают» отменять «старые», регулирующие те же самые общественные отношения.

Казалось бы, данный принцип права не регулирует вопросы коллизионности между законами, обладающими разной юридической силой: в нем речь идет исключительно о законах, обладающих одинаковой юридической силой, следовательно, он не может применяться в нормоконтрольной деятельности судов (именно такой подход возобладал и на практике). Однако же, делая такой вывод, мы бы не учитывали то важнейшее обстоятельство, что принципы «дерогативности» — это не просто некий абстрактный лозунг, а общий принцип права, и он обладает высшей юридической силой по отношению к другим источникам права. На наш взгляд, суды в процессе нормоконтроля могут им руководствоваться тогда, когда на практике будут возникать коллизии между новым нормативным актом и старым, формально не отмененным, регулирующим те же самые общественные отношения. Наличие же таких коллизий и противоречий в практике нарушает, как минимум, еще два общих принципа права, а именно, **принцип правовой определенности** и **принцип юридического равенства участников правоотношений**. И именно в целях обеспечения соблюдения этих принципов судебнo-нормоконтрольный орган может вмешаться и исключить закон (иной источник права), формально продолжающий действовать, несмотря на издание нового закона, имеющего тот же предмет регулирования. При этом «старый», дисквалифициро-

ванный судом закон формально может вовсе не нарушать ничьи права и свободы и соответствовать актам, имеющим большую юридическую силу, по содержанию норм.

На наш взгляд, поднятые проблемы подлежат дальнейшему обсуждению в юридической литературе.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 5 октября 2000 г. № 199-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кушнарева Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 40.1 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 1 статьи 12 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 1.

О. А. Колоткина*

Безопасность в российской правовой системе: мера свободы или мера ограничения свободы?

Категория «безопасность» все чаще используется в языке правовой науки, что позволяет выделить несколько граней ее соотношения с комплексом правовых понятий. Так, с одной стороны, безопасность является основной потребностью человека и, тем самым, претендует на статус одного из важнейших естественных прав – права личности на безопасность.

С другой стороны, все чаще в последнее время в современной литературе можно встретить высказывания о том, что безопасность с необходимостью должно ставиться во главу угла российской правовой системы, поскольку она (безопасность) есть определенного рода правовой инструментарий, посредством которого происходит определение критериев ограничения основных прав и свобод человека и гражданина¹. Именно в таком ключе в современной западной правовой и политической литературе оперируют понятием «право на безопасность», предложенным американским правоведом Сэнфордом Левинсоном. Согласно Левинсону, ссылаясь на данное право, государство может (и даже обязано!) ограничить целый ряд традиционных конституционных прав и свобод человека и гражданина². Иными словами, речь идет о «праве на безопасность», рассматриваемом в качестве одного из возможных оснований законного ограничения прав человека.

* *Оксана Анатольевна Колоткина* – ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права, конституционного и международного права Уральского института коммерции и права (г. Екатеринбург).

¹ См., например: *Стахов А. И.* Право безопасности: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501.65 «Юриспруденция» / А. И. Стахов. Киров: Изд-во Вят ГГУ, 2007. С. 5.

² См.: *Levinson S.* Constitutional Norms in a State of Permanent Emergency // *Georgia Law Review*. Vol. 40. 2006. № 3. P. 699.

В контексте сказанного возникает неизбежная для любого демократического общества проблема, суть которой в существовании противоречия между двумя фундаментальными естественными ценностями – свободой и безопасностью. Еще в 1990 г. ученые Института философии РАН составили рейтинг тех прав и свобод человека, соблюдение которых, по мнению респондентов, должно носить строгий, то есть безусловный, характер. К таким правам, в частности, были отнесены (они обозначены в том порядке, в котором были проранжированы респондентами. – *О. К.*): равенство граждан перед законом и судом; **право на безопасность и защиту личности**; право на собственность; право на труд; право на образование. При этом по ощущениям и опыту россиян, чаще всего нарушается право на безопасность и защиту личности (это, прежде всего, связано с ростом преступности, увеличением числа совершения террористических актов, нарушением прав и свобод человека и т. д. – *О. К.*)³. По большому счету, право на безопасность и юридические, в том числе и материальные, последствия за не обеспечение этой безопасности, могут иметь место только тогда, когда государству будет позволено (в рамках закона. – *О. К.*) гарантировать ее (безопасность) всеми необходимыми и достаточными средствами⁴.

В этой связи возрастает опасность того, что политика любого правового государства (не исключением в данном случае является и Россия), может быть ориентирована на готовность, а в некоторых случаях и необходимость, к отступлению от основных принципов правовой государственности ради сохранения целостности интересов личности, общества и государства. Если даже государство не признает отклонение от основных принципов правовой государственности де-юре, то де-факто можно наблюдать противостояние идеи общественного порядка и безопасности одному из основных начал правового государства – принципу верховенства права. Поэтому представляется целесообразным говорить о гармонии (балансе) соотношения интересов безопасности личности, общества и государства. По словам С. В. Пчелинцева, нахождение разумного баланса между интересами личности, общества и государства является одной из важнейших составляющих такой во многом идеа-

³ http://www.rg.ru/Anons/arc_2003/0109/1.shtm

⁴ *Третьяков В.* Терракт на Дубровке. Вопросы конкретные и метафизические // *Российская газета*. 2003. 23 окт. № 3327.

листической и на практике недостижимой задачи, как формирование совершенного устройства общества и государственной власти⁵. Одна из сложностей достижения такого баланса заключается еще в том, что сам процесс жизнедеятельности общества, так или иначе, рано или поздно, но все-таки неизбежно, сталкивается с ситуациями, которые требуют от государства принятия мер в ущерб гарантированным основным законом и международными нормами правам и свободам человека и гражданина⁶. Надо отметить, что данная проблема приобретает высокую актуальность в современных условиях еще и потому, что органы государственной власти, в рамках проводимой реформы государственного управления, должны создавать оптимальные условия для реализации прав и свобод граждан, которые в соответствии с Конституцией РФ являются высшей ценностью, признаются и защищаются государством. В то же время, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в которой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В этой связи мы разделяем точку зрения О. В. Зиборова, который указывает на то, что любые ограничения прав и свобод человека и гражданина будут являться нецелесообразными, а в некоторых случаях и незаконными, когда отсутствует разумный компромисс между государственной необходимостью и интересами обладателя прав, то есть гражданина⁷. Впрочем, личность и сама, осознавая такую потребность в необходимости обеспечения ее защищенности от различного рода опасностей и угроз, готова зачастую в определенной степени «пожертвовать» своими правами и свободами, предоставив государству возможность их ограничения, в целях обеспечения общего блага — безопасности. Вопрос состоит лишь в том, как найти ту самую

⁵ Пчелинцев С. В. Роль ограничения прав и свобод граждан в обеспечении баланса интересов личности, общества и государства // Право и политика. 2006. № 5.

⁶ См.: Волкова Н. С. Общественная безопасность и законодательство о правах человека // Журнал российского права. 2005. № 2.

⁷ См.: Зиборов О. В. Институт военного положения по российскому праву (историко-правовое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 53.

«золотую» середину между обеспеченностью прав и свобод человека и должным уровнем безопасности его жизнедеятельности. К сожалению, стоит признать тот факт, что, решая общие вопросы безопасности, государство не всегда в реальности действует исключительно в интересах граждан. Таким образом, есть достаточные основания говорить о реальной опасности того, что государство, ссылаясь на необходимость обеспечения безопасности, может в результате ограничить (лишить) граждан как свобод, так и самой безопасности. Данной проблемой, в частности, после совершения серии терактов в стране в 2004 г., была озадачена русская церковь. Отвечая на вопросы «Интерфакса», Святейший Патриарх Алексий II указал, что в современных условиях есть вероятность использования любых средств обеспечения безопасности человека, зачастую нарушающих его богоданные права. А это, в конечном счете, может привести к тотальному контролю над личностью под предлогом борьбы с терроризмом⁸.

Что касается светского взгляда на эту тему, то он очень отчетливо представлен мнением венгерского исследователя Габора Халмаи, профессора права Университета им. Иштвана Сеченьи. Ученый полагает, что главная проблема в системе прав человека состоит в возможности ограничения основных абсолютных прав человека, таких как право на жизнь, право на достоинство и др., гарантированных в большинстве современных конституций в целях обеспечения общественного порядка и безопасности⁹.

Заметим, что сама безопасность, с одной стороны, может быть выражена в виде определенной формы (типа) человеческого взаимодействия для сохранения некоего значимого для их участников **состояния свободы**, обеспечивающего суверенное социальное развитие, а с другой — как процесс создания состояния «отсутствия угроз» для **свободы**¹⁰. Так, А. А. Фомин подчеркивает, что «безопасность» в своем буквальном выражении означает разновидность свободы, а именно **свободу от опасности**¹¹. Свобода от

⁸ <http://www.mospat.ru/text/interview/id/8238.html>

⁹ См.: Халмаи Г. Общественный порядок и безопасность против верховенства права в государствах переходного периода // Сравнительное конституционное обозрение. № 4 (57) 2006. С. 65–70.

¹⁰ См.: Аникин Л. С., Дыльнов Г. В. Методологические проблемы исследования экономической безопасности общества. С. 34.

¹¹ Фомин А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права / Под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. С. 39.

опасностей, исходя из фундаментального значения для развития и нормального функционирования личности в обществе, представляет собой одно из важнейших социальных притязаний человека в обществе – право личности на безопасность. Как верно отмечает В. М. Капицын, право на безопасность хотя и является личным естественным правом, но реализация его порой не представляется возможной без целого комплекса установленных законодательством прав, что лишнее раз подтверждает комплексный характер данного правопритязания. Государству надо приложить значительные усилия, чтобы эту безопасность обеспечить¹². В самом деле, заявить о праве на безопасность личности, продекларировать приоритеты интересов человека в сфере безопасности не представляет никакой трудности. Подлинная трудность состоит в том, как добиться выполнения данной декларации. В данной ситуации Россия не может брать на вооружение одну лишь концепцию естественных прав; необходима органичная связь концепций приобретенных и естественных прав¹³. Это объясняется тем, что естественные права (не исключением является и право на безопасность личности), могут во многих случаях быть институционализированы лишь при помощи уставленных (позитивных) прав. Право на безопасность может быть воплощено в жизнь через реализацию таких позитивных прав, как право на охрану здоровья, право частной собственности, право на труд, различные политические права и т. д.¹⁴ На наш взгляд, право личности на безопасность уже сегодня, несмотря на его комплексный характер, нуждается в самостоятельном механизме реализации, где особая роль отводится **юридическому механизму защиты права личности на безопасность**, под которым следует понимать закрепленную как во внутреннем законодательстве, так и международном систему юридических (правовых) средств, методов, приемов, используемых субъектами правозащитной деятельности в целях обеспечения правовой защищенности конкретной личности, путем предупреж-

¹² Капицын В. М. Права человека и механизмы их защиты: Учеб. пособие. М., 2003. С. 44.

¹³ Там же. С. 44.

¹⁴ Концепция о зависимости между естественными и приобретенными правами была впервые предложена проф. Парижского университета Ф. Люшером (См.: Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Под ред. С. В. Боботова. М., 1993).

дения, пресечения нарушения прав и свобод или возможности восстановления их в случае нарушения, а так же путем создания определенных условий, при которых права человека должны быть беспрепятственно удовлетворены.

Право на безопасность, безусловно, может претендовать на статус естественного абсолютного права, но не стоящего особняком в системе прав человека, а фактически входящего в состав каждого конституционного права человека и гражданина. Поэтому, когда возникает вопрос о необходимости ограничения прав и свобод человека и гражданина, необходимо учитывать, что фактически в каждом из них есть определенный элемент такого абсолютного права как право на безопасность, а значит, определенный объем права, содержащий элемент безопасности, может и не подвергаться ограничениям. При этом мы отдаем отчет в том, что «абсолютность» абсолютного естественного субъективного права на безопасность в действительности относительна. Удачным и весьма точным представляется высказывание В. Ф. Яковлева, указывающего, что абсолютное право абсолютно не само по себе, а в лишь в сопоставлении с другими субъективными правами. Из такого суждения вытекает, что абсолютных, как и безграничных, прав вообще быть не может, так как каждое субъективное право (право на безопасность в настоящей работе рассматривается именно в этом контексте. – О. К.), сколько бы полным и содержательным оно ни было, есть определенная мера дозволенного поведения¹⁵.

Итак, говоря об ограничении права личности на безопасность, нами, прежде всего, был поставлен вопрос не столько о возможности применения данного механизма в отношении указанного субъективного права, сколько о соблюдении баланса интересов личности на фоне реализации общественных и государственных интересов. В современных реалиях все актуальнее звучит вопрос: может ли достигаться безопасность одних субъектов при помощи ограничительных механизмов, направленных на сокращение объема права на безопасность других субъектов? Если да, то стоит согласиться с профессором А. А. Тер-Акоповым, что право должно более или менее четко определять пределы допустимости защиты интересов государства в случаях, когда они приходят в конфликт с безопасностью человека. Речь идет о конкуренции с безопасностью

¹⁵ Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 79.

человека таких интересов общества и государства, как экономика, политика, экология, оборона и т. д. Правовая система должна точно определять тот предел, за которым кончаются любые интересы и начинается защищаемая Конституцией РФ безопасность человека¹⁶. Сама же постановка такого вопроса позволяет обозначить новый вектор в изучении вопросов безопасности человека, являющегося представителем конкретного общества, посредством совершенствования механизмов обеспечения права личности на безопасность, где основную роль должны играть юридические средства его защиты.

¹⁶ Тер-Акопов А. А. Безопасность человека: Социальные и правовые основы. М.: Норма, 2005. С. 196–197.

А. О. Коптелов*

Взаимодействие государства и местного самоуправления в России как фактор эффективного управления страной

Для Российской Федерации как федеративного государства характерно наличие нескольких уровней власти: федерального уровня, регионального (субъектов Федерации) и местного (органов местного самоуправления). Система трехуровневой власти является одним из признаков демократичности государства, а разделение полномочий между этими уровнями власти – признаком ее децентрализации.

Важное место в системе власти любого государства занимают органы местной власти или местное самоуправление. Не является исключением и наша страна. Система местного самоуправления занимает особое место в государстве в силу своей общественно-политической природы: она осуществляет связь между государством и населением. Поэтому институт местного самоуправления является, с одной стороны, институтом власти, с другой стороны – общественным институтом. Тем самым, в силу специфики своей природы, местное самоуправление приобретает главенствующую роль в механизме взаимодействия общества и государства, обеспечивая баланс интересов каждой из сторон.

В современной России продекларированная система местного самоуправления носит либеральный характер. Ее конституционно-правовые основы разработаны с учетом требований норм Европейской хартии местного самоуправления, международного опыта и исторических особенностей государственного устройства Российской Федерации.

К основным признакам местного самоуправления можно отнести: гарантии его организационной, функциональной, бюджетно-финансовой, а также в определенной степени управленческой са-

* **Артем Олегович Коптелов** – соискатель Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).

мостоятельности; организационную обособленность муниципальных органов от звеньев государственного аппарата; специфическую связь органов местного самоуправления с населением. Причем под управленческой самостоятельностью мы имеем в виду, прежде всего, местное нормотворчество и собственную компетенцию.

Взаимоотношения органов государственной власти, и особенно федеральных органов исполнительной власти с органами местного самоуправления, имеют огромное значение. Местное самоуправление в том виде, в каком оно существует сегодня, является новым институтом власти, которому потребуется еще немало времени для развития и становления.

Статус федеральных министерств и органов местного самоуправления в нашей стране различен. Набор функций и объем полномочий также существенно отличается. А главное, у этих органов различные цели и задачи деятельности: федеральные министерства призваны решать общегосударственные задачи, поставленные перед ними соответствующими органами власти, а органы местного самоуправления – вопросы местного значения, исходя из интересов местного населения.

Федеральные министерства наделены государственно-властными полномочиями и выступают от имени самостоятельной ветви власти – исполнительной, а местное самоуправление наделено административно-властными полномочиями, причем только теми, которые должны быть закреплены в федеральных и региональных законах. Выступают органы местного самоуправления не от имени государства, а от имени населения, их сформировавшего.

Тем не менее взаимоотношения федеральных министерств и ведомств с органами местного самоуправления возникают. Это происходит в следующих случаях:

- 1) при установлении общих прав и обязанностей органов местного самоуправления во исполнение федерального законодательства;
- 2) при исполнении органами местного самоуправления тех или иных государственных полномочий;
- 3) при регламентации процессов осуществления совместного управления.

В настоящий момент, по нашему мнению, необходимо упорядочить взаимоотношения органов исполнительной власти с органами местного самоуправления. При выполнении органами местного самоуправления некоторых государственных полномочий к

ним не должны применяться рекомендательные нормы, а должны использоваться нормы регулирующего воздействия. И лишь при выполнении этими органами собственных полномочий, то есть решении вопросов местного значения, федеральная власть и органы государственной власти субъектов РФ вправе использовать рекомендательные нормы.

Сейчас взаимоотношения органов исполнительной власти, в том числе федеральных министерств с органами местного самоуправления, осуществляется в одностороннем порядке, опосредованно и в основном «без обратной связи». Насколько это правильно и обоснованно, можно судить по результатам деятельности органов местного самоуправления и оперативности решения местных и общегосударственных проблем.

Существование односторонней связи федеральных министерств и ведомств с органами местного самоуправления вредит системе государственного управления, является помехой в осуществлении территориального государственного управления. При этом имеются в виду взаимоотношения федеральных министерств и ведомств с муниципальными образованиями – «столицами» субъектов РФ, с муниципальными образованиями, имеющими собственный бюджет, в полном объеме способными выполнять многие государственные полномочия.

Ситуацию можно было бы изменить, задействовав во взаимоотношениях федеральных министерств и ведомств и органов местного самоуправления органы исполнительной власти субъектов РФ в качестве представителей федерального центра.

В конечном счете, происходящее на наших глазах выстраивание строгой вертикали власти должно быть доведено до конца ради эффективного и бесперебойного управления российским государством. Местное самоуправление должно заниматься вопросами местного значения. При выполнении же органами местного самоуправления государственных полномочий они должны подчиняться региональным властям как представителям центра.

Институт неосновательного обогащения во французском праве и принцип справедливости

Принцип недопустимости обогащения одного лица за счет другого *sine causa* как частное проявление принципа справедливости является максимально широким по своему содержанию, он пронизывает многие нормы гражданского права независимо от того, о праве какой страны мы говорим. Некоторые французские авторы иронически замечают, что можно представить себе ситуацию, когда Гражданский кодекс прекратит свое существование, будучи замененным провозглашением двух общих принципов: принципа ответственности за причинение ущерба и принципа недопустимости обогащения в ущерб другому лицу¹. Одним из самых ярких проявлений вышеуказанного принципа являются, безусловно, нормы о неосновательном обогащении.

Французскому праву известны две формы неосновательного обогащения: *уплата недоленного* (*le paiement de l'indu*) и собственно *обязательства из неосновательного обогащения* (*l'enrichissement sans cause*), которые различаются по условиям и последствиям предъявления иска. *Le paiement de l'indu* был изначально закреплен в Кодексе Наполеона, а *l'enrichissement sans cause* стал результатом судебной практики. В частности, во второй половине XIX в. во французской правовой доктрине сформировалось движение, которое отстаивало идею необходимости закрепления неосновательного обогащения в качестве самостоятельного источника обязательств. Обри и РО были первыми, кто разработал и представил общую теорию неосновательного обогащения². В 1892 г.

* *Наталья Алексеевна Мальцева* – преподаватель права в Университете Париж-Х.

¹ Mazeaud Henri, Leon et Jean, Chabas Francois. Lecons de droit civil. Les obligations, T. II, vol. 1, 8e ed., 1991, 697.

² Aubry et Rau, Droit civil francais, t. VI, par P. Esmen, 1951.

Кассационный суд Франции, предвосхищая «назревшую» критику, создал на основе принципа справедливости новую категорию квази-контрактов – обязательства из неосновательного обогащения (дело Boudier)³.

Действительно, согласно знаменитой фразе Помпония в Дигестах Юстиниана «в силу природы справедливо, чтобы никто не обогащался в ущерб другому лицу»⁴. Однако, по мнению французских юристов, принцип справедливости в отношении по неосновательному обогащению соблюдается в максимальной степени лишь тогда, когда законодатель, закрепляя нормы о неосновательном обогащении, ставит перед собой цель не только не допустить обогащения одного лица за счет другого без законного на то основания, но и защитить интересы добросовестной стороны. Рассмотрим несколько примеров.

В отношении *le paiement de l'indu* во французском гражданском праве проводится различие между «*l'indu objectif*» (объективно недоленно уплаченное) и «*l'indu subjectif*» (субъективно недоленно уплаченное). В первом случае речь идет о ситуации, когда на момент платежа долг не существовал в принципе (например, был уже погашен), то есть ни платящий не был дебитором, ни лицо, получающее платеж, не было кредитором. Во втором случае долг существовал, но не связывал собой плательщика (*solvens*) и приобретателя (*accipiens*), то есть платеж был произведен иным лицом, нежели реальным дебитором, либо иному лицу, отличному от реального кредитора. С учетом вышеуказанного разграничения решается вопрос о необходимости доказывания ошибки плательщика в момент платежа. Во всех случаях *l'indu objectif solvens* освобождается от бремени доказывания своего заблуждения. В случае же, когда приобретатель действительно являлся кредитором по обязательству, дебитором в котором выступало иное лицо, нежели плательщик, осуществивший платеж, требуется доказательство ошибки *solvens'a*, а именно того, что он совершил платеж без намерения освободить реального должника от исполнения его обязательства. Существование во французском законодательстве вышеуказанной нормы свидетельствует о стремлении французского законодателя не только защитить *solvens'a* от неосновательного платежа, но и добросовестного *accipiens'a* от злоупотреблений со стороны пла-

³ Req. 15 juin 1892, Grands arrêts, vol. 2, 227.

⁴ DJ.XII.VI.14.

тельщика, что, в свою очередь, не является приоритетной целью российского законодателя.

А именно, если проводить параллели с российским гражданским правом, то можно отметить, что ГК РФ не вменяет в обязанности лица, осуществившего платеж недолжного, необходимость доказать свое заблуждение. Основным критерием является то, что платеж получен лицом, неосновательно обогатившимся, «без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований» (ст. 1102 ГК РФ). Отсутствие заблуждения лица, осуществляющего платеж, может являться основанием для отказа в иске согласно абзацу 5 ст. 1109 ГК РФ, но в отличие от французского гражданского права бремя доказывания ложится на плечи лица, неосновательно обогатившегося.

Другое условие *l'action de repetition* (иск о возврате недолжно уплаченного) во французском праве – *accipiens* не должен уничтожить документы, подтверждающие его права требования по обязательству. Это условие является правомерным только в случае *l'indu subjectif*, когда *accipiens* являлся действительным кредитором иного дебитора и действовал добросовестно. Французское гражданское право в данной ситуации отдает приоритет защите прав добросовестного *accipiens'a* в ущерб интересам лица, погасившего чужой долг, что согласно российскому законодательству невозможно.

Относительно *l'action «de in rem verso»* (иска из неосновательного обогащения), необходимо наличие таких условий, как: отсутствие вины лица, за чей счет неосновательно обогатились (в качестве примера можно привести ситуацию, когда бабушка вопреки судебному решению о возврате внуков их отцу продолжает о них заботиться и нести расходы на их образование, содержание и т. д.)⁵ и отсутствие его личной заинтересованности (подобная персональная заинтересованность, например, существует у собственника, строящего дамбу в личных интересах, которая одновременно защищает от наводнения его соседей)⁶. Данные условия служат препятствием для злоупотреблений со стороны лица, за чей счет обогатились, однако они не получили своего четкого закрепления в нормах главы 60 ГК РФ.

⁵ Civ. Ire, 6 mai 1953, D. 1953, 609, note Gore.

⁶ Req. 22 juin 1927, S. 1927. I. 338; Civ. 28 mars 1939, D.C. 1942, 119, note F.G., S. 1939, I, 265, note Audiat.

Что касается объема возмещения по *l'action de repetition*, то в ситуации, когда лицо, получившее платеж, действовало добросовестно, применяется правило: «*l'accipiens du bonne foi ne doit pas souffrir du paiement rescu*» (обогатившееся лицо, действовавшее добросовестно, не должно нести никакого убытка от полученного платежа). Например, если вещь, полученная неосновательно, была затем отчуждена, то *accipiens* обязан возместить *только цену продажи* этой вещи, независимо от ее реальной стоимости. Данная норма французского гражданского права разнится с положениями российского законодательства, где установлено, что несмотря на добросовестное поведение приобретателя он должен возместить действительную стоимость имущества, независимо от цены продажи. Французский законодатель защищает в данной ситуации *accipiens'a*, исключая вероятность причинения ущерба его личному имуществу, когда он продал вещь за меньшую цену, и не допускает его неосновательное обогащение в случае продажи вещи за более высокую цену, нежели ее действительная стоимость.

В отношении размера возмещения в случае с *l'enrichissement sans cause* судебная практика установила жесткие ограничения. С одной стороны, сумма возмещения ограничивается размером обогащения приобретателя, с другой – размером «обеднения» пострадавшего лица, если размер обогащения и размер «обеднения» не совпадают. Выбирается наименьшая сумма из двух выше перечисленных. Иначе говоря, пострадавший никогда не получит больше суммы, на которую он обеднел, а приобретатель, никогда не заплатит больше суммы, на которую он обогатился.

Подводя итог, можно отметить, что отличительной чертой французского законодательства является стремление создать правовые конструкции, максимально соответствующую принципу справедливости. Нормы о *l'enrichissement sans cause* и *le paiement de l'indu* действуют разумно – они устраняют неосновательное обогащение одного лица за счет другого, минимизируя ущерб на стороне добросовестного приобретателя. В свою очередь, российские нормы о неосновательном обогащении отличаются краткостью и одновременно емкостью с точки зрения правового регулирования. При этом ряд положений ГК РФ, проанализированных в настоящей работе, нуждается в пересмотре с позиции принципа справедливости.

Вещное и обязательственное право в структуре Гражданского кодекса

Классификация правовых явлений во многих случаях основана на дихотомичном выделении парных категорий. Таковым является и обособление в едином комплексе имущественных прав двух особых видов – вещных и обязательственных. Это деление берет свое начало в римском праве и сохраняется в континентальной правовой системе. В российском праве подобный подход появляется в связи с зарождением отечественной цивилистики, которая формировалась в значительной мере под влиянием германской традиции. Если во французском законодательстве, построенном по институционной модели такое разделение менее явно, то при пандектной системе изложения гражданско-правовых норм оно четко выделено.

Интересно отметить, что порядок изложения норм во Французском гражданском кодексе и Германском гражданском уложении несколько отличаются. Кодекс Наполеона в I книге дает характеристику лица, участвующего в гражданском обороте, во II книге закреплены положения об имуществе и о различных видоизменениях собственности, в III книге определяются способы, которыми приобретает собственность, где наряду с правилами о наследовании в отдельных титулах урегулированы договорные, обязательственные отношения. Таким образом, нормы о вещном праве в кодексе предшествуют обязательственным. Германское уложение имеет уже иной порядок. Первая книга содержит общую часть, что вообще характерно для пандектной системы, вторая – обязательственное право, третья – вещное право, четвертая – семейное право, пятая наследственное право. В российском Гражданском кодексе, который как было сказано, близок к пандектной модели, порядок изложения все же повторяет французский вариант. Можно предположить, что это не случайно.

* Александр Юрьевич Маракулин – ст. преподаватель кафедры частного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Если обратиться к истории принятия двух важнейших европейских гражданских кодексов, то мы поймем, что их разделяет не просто столетие (ФГК был принят в 1804 году, а ГГУ в 1900), а две эпохи. Кодекс Наполеона создавался сразу после французской революции, которая уничтожила основы феодализма, но сохранила многие профеодалистические подходы. Для феодальной экономики и права (по формационной типологии) либо для традиционной экономики, основанной на сельскохозяйственном типе производства (по производственной типологии) ценнейшим объектом являются ресурсы и, прежде всего, земля. В постреволюционной Франции, в первую очередь, необходимо было защитить права новых собственников, получивших земельные участки после многочисленных переделов и изъятий. Особое значение придавалось защите права крестьянина, получившего после революции в свою собственность бывшие земли феодалов. Нужно заметить, что после политической реставрации не произошло восстановление прежнего режима земельных отношений. Все сказанное способствовало обращению большего внимания статике имущественных отношений.

Германское Гражданское Уложение принималось в условиях развитого буржуазного или индустриального типа хозяйствования. Показательно, что в разработке данного нормативного акта принимали участие уже не только юристы, но и представители промышленного и финансового капитала. Для них имущественный оборот (динамика) имел большее значение, чем закрепление прав на имущество (статика). Ранее, при создании Саксонского гражданского уложения, немецкая цивилистика отказалась следовать институционной системе, использованной во Франции, считая ее «не заслуживающей подражания, так как она сводила все содержание гражданского права к праву лиц и вещному праву, рассматривая важнейшие институты обязательственного, наследственного права лишь как способы приобретения собственности»¹. В Германии большее значение уже приобретал товарно-денежный обмен.

Первичностью интересов в урегулировании хозяйственного оборота можно объяснить и то, что в Швейцарии в 1883 году был сначала принят именно «Обязательственный закон». Лишь в 1907 году появился Гражданский кодекс, включая и книгу о праве собственности. Швейцарский обязательственный закон после переработки

¹ Саксонское гражданское уложение. СПб., 1885. С. 14. Цит. по: Савельев В. А. Гражданский кодекс Германии. М., 1994. С. 17.

в 1911 году стал считаться V книгой кодекса, но собственная нумерация статей сохранилась, а следовательно, и его особое положение.

Российская империя при введении в действие Свода гражданских законов в 1835 году оставалась страной феодальной и постановка на первое место вещных прав вполне объяснима. Мало того, некоторые договорные отношения, например, по купле-продаже, рассматривались, прежде всего, не с позиций характеристики вида обязательств, а как основания возникновения права собственности. Интересно, что при разработке нового Гражданского уложения в России на рубеже XIX–XX веков прежде всего был разработан проект раздела об обязательствах, то есть акценты начали смещаться.

В советский период в Гражданских кодексах РСФСР 1922 и 1964 годов вещное право предшествовало обязательственному, что объясняется необходимостью закрепить основы нового хозяйственного строя, при негативном отношении к предпринимательской деятельности, свободному имущественному обороту и жесткой распределительной политике государства. Регулирование имущественного оборота было вторичным по отношению к политически значимым положениям о собственности.

Принятие нового российского ГК в 90-е годы происходило в сложной, переломной политической и экономической ситуации. Первая часть ГК содержит разделы об общих положениях, праве собственности и других вещных правах, а также общую часть обязательственного права. Отдельные виды обязательств были урегулированы частью второй ГК, которая была принята спустя год, а введена в действие почти через полтора года. Группа юристов, разрабатывавших проект кодекса, и законодатель были поставлены в жесткие временные рамки. Значительный объем положений о договорах требовал некоторой отсрочки в их принятии, а многие нормы требовали более детального определения в специальных законах. Кроме того, явно сказывалась и национальная правовая традиция.

На первый взгляд, последовательность закрепления отдельных норм в статьях закона имеет исключительно формальные признаки, но, в то же время, это говорит об определенных тенденциях. Приоритетность статки имущественных отношений подспудно отражает негативное отношение к предпринимательству, которое сохраняется в России с былых времен.

В. А. Муравский*

О волевом содержании права

Проблема волевого содержания права в российской юридической литературе разрешается двояким образом: с традиционных и новаторских позиций. Традиционный взгляд является коллективистским и восходит к «Немецкой идеологии», право рассматривается здесь в качестве воли господствующего класса, возведенной в закон¹. К настоящему времени выработано множество вариаций этой позиции, согласно которым право выражает волю социальной группы, народа², либо волю государства³, либо государственную волю, которая воплощает волю класса, правящей группы, народа, общества или нации⁴. С. С. Алексеев указывает, что, хотя в праве и выражается государственная воля господствующего класса, вместе с тем оно является инструментом общесоциального регулирования⁵. Сложную конструкцию возводит В. В. Оксамытный, когда пишет, что в основе права лежат социально-правовые притязания отдельных лиц, их объединений и социальных групп, выражающих их непосредственную или обобщенную волю; государственное признание данной воли осуществляется через волю компетентных государственных органов, то есть формирование права опосредовано волей общества и государства⁶.

Общим для всех этих воззрений является применение теоретической фикции, какой является понимание государства либо со-

* **Виктор Андреевич Муравский** – канд. юрид. наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология: Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 322.

² См.: *Общая теория права: Курс лекций* / Под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород. 1993. С. 121–122.

³ См.: *Назаров Б. Л.* Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. С. 155.

⁴ См.: *Общая теория государства и права. Академический курс: В 3 т.* М., 2001. Т. 2. С. 16.

⁵ См.: *Алексеев С. С.* Общая теория права: Учебник. М., 2008. С. 56.

⁶ См.: *Оксамытный В. В.* Теория государства и права: Учебник. М., 2004. С. 341.

циальной группы (общества в целом) в качестве субъекта социального действия. На самом деле данные образования не вступают и не могут вступать в общественные отношения, поскольку не обладают единством сознания и воли, которая выражалась бы в одномоментных деяниях, что, собственно говоря, только и могло бы свидетельствовать об их реальности. Русский юрист П. А. Покровский писал, что мы в действительности «не знаем ни единой воли государства, ни деятельности государства, отличной от деятельности входящих в него управомоченных объективным правом лиц»⁷.

Объяснение данного факта дается веберовской «понимающей социологией», согласно которой только индивид как целерациональное существо способен выступать в качестве единственного носителя и верхней границы осмысленного поведения⁸. В связи с этим с социологической точки зрения государство означает ни что иное, как особый вид человеческого поведения, хотя для других (например, юридических, познавательных, практических) целей, напротив, целесообразно и даже неизбежно рассмотрение социального образования («государство», «ассоциация», «акционерное общество», «учреждение») как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, совершающих релевантные в правовом отношении действия)⁹.

Действительно, только благодаря использованию категории «воля государства» можно выявить сущность права, установить взаимосвязи между государством и правом, проследить генезис права, определить место естественного права в механизме правового регулирования. Чрезвычайно полезным оказывается применение категории государственной воли при организации государственного аппарата и для обеспечения начал законности и дисциплины в его деятельности.

Изучение волеизъявления, выражаемого в праве такими условными субъектами как нация, народ, социальный слой, социальная группа, класс, партия, предоставляет возможность понять взаимоотношения между гражданским обществом и государством, а также установить роль гражданского общества в процессе образования права и его источников.

⁷ Покровский П. А. К вопросу о субъектах международного права // Известия Министерства Иностранных дел. 1912. Кн. VI. С. 196.

⁸ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 507.

⁹ См.: Там же. С. 508, 614.

Но даже при подходе к праву как явлению, выражающему волю государства, общества или определенной части последнего в ограниченном (идеологическом, политическом, юридическом) отношении, следует проявлять осторожность. В частности, история возникновения и развития права свидетельствует о том, что в большинстве случаев несостоятельной является классовая или сословная оценка волевого содержания права. Весь ход истории человечества свидетельствует о необоснованности марксистского подхода к изучению государства и права (как одной из разновидностей субстанционализма). Будучи формой существования и деятельности общества, как государство, так и право обеспечивают адаптацию социума к новым (природным или социальным, внешним или внутренним) условиям существования¹⁰, и, следовательно, выполняют общесоциальные функции, в связи с чем так называемые рабовладельческое, феодальное или буржуазное государство и право отражают исключение из общего правила и не являются историческими типами (с точки зрения их классовой сущности) государства и права¹¹.

Далее, недопустимой является проекция на право концепции воли общества или его части (класса, сословия, партии, социальной группы) в тех случаях, когда осуществляется изучение вопросов взаимоотношений между личностью и объективным правом. Теория общей воли носит утопический характер и является некритическим воспроизведением концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо, которая носила антифеодальный характер и была призвана описать новый, базирующийся на соглашении всех индивидов, источник власти и закона, который мог быть противопоставлен всевластию абсолютного монарха¹². Согласно сочинениям Руссо, общая воля народа отражает его целостность, не является результатом борьбы социальных сил и существует изначально¹³. В подобном ключе рассматривали классовую волю К. Маркс и Ф. Энгельс, исходившие из того, что она основывается на общих жизненных условиях и обусловлена их общими интересами¹⁴.

¹⁰ Соответственно «Ответ» и «Вызов» по терминологии А. Тойнби. См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

¹¹ См.: Муравский В. А. Номинализм как метод исторического исследования государства и права // Право и образование. 2007. № 6.

¹² См.: Нерсесянц В. С. Философия права: Учебник. М., 1997. С. 479.

¹³ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 68, 170.

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч.

Концепция Ж.-Ж. Руссо была развенчана уже мыслителями XIX в., потому что невозможны как согласие всех, так и отсутствие различий между людьми, которые неравным образом соотносятся с правом¹⁵. А по мнению А. Камю, из взглядов Руссо следует новая мистика – мистика общей воли, «постулируемой так, как постулируется сам господь Бог»¹⁶. Американский психолог-аналитик В. Одайник показал, что свойственный Просвещению философский акцент на индивидуализм, равенство и демократию с неизбежностью вытекающими из него эгоизмом, самодовольством и анархией, неизбежно порождает компенсаторное движение к коллективному человеку, то есть коммунизм и диктатуру¹⁷.

В связи с тем, что социальное знание XX столетия включило в исторический процесс личность, изменилась и парадигма волевого содержания права. Существует большой соблазн упомянуть здесь решающую роль такого научного направления второй половины прошлого столетия, как синергетика, рассматривающей общество в качестве саморегулирующейся системы, в которой порядок рождается из хаоса разнонаправленных свободных волей¹⁸, но истина в том, что подобные взгляды высказывались и ранее, в частности, П. И. Новгородцевым¹⁹ и такими критиками исторической школы права, как Гарум и Иеринг²⁰, а 20-е годы XX в. – советским юристом И. Разумовским²¹. Видный представитель русской зарубежной мысли С. Л. Франк писал, что реальная нормативность права оформляется в качестве никем не предсказанного

¹⁵ См.: Блунчли И. К. История общего государственного права и политики от XVI в. по настоящее время. СПб., 1874. С. 268; Новгородцев П. И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 25; Повторительный курс по энциклопедии права, составленный по программе профессора Л. И. Петражицкого студ. Б. и С. Фишер. СПб., 1904. С. 18.

¹⁶ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 206.

¹⁷ См.: Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи К. Г. Юнга. СПб., 1996. С. 45–46.

¹⁸ См.: Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999. С. 209.

¹⁹ См.: Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 83.

²⁰ См.: Иеринг Р. фон. Борьба за право. СПб., 1912. С. 18; Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб., 1995. С. 105.

²¹ См.: Разумовский И. Социология и право. М., 1924. С. 11–12.

стихийного итога столкновения множества волей и в виде общих последствий скрещивания стремлений, ставящих себе совершенно иные (частные) цели²².

Новый взгляд на волевое содержание права был выражен и в современной российской юридической литературе, в частности, в учебнике под редакцией профессора Г. Н. Манова, где воля в праве рассматривается как равнодействующая волей всех, в том числе и воли меньшинства²³. Подобную позицию занимает Р. Т. Муханов: право выражает согласованную волю участников социальных взаимодействий, сформированную в результате компромиссов, взаимных уступок²⁴. В другом учебнике можно прочесть, что сущностью права являются согласованные интересы или общая воля как результат согласования, сочетания частных специфических интересов, признанных государством²⁵.

Излагаемая в этих изданиях модель волевого содержания права, хотя и отсылает к индивидам и частным интересам, но является неверной, поскольку включает понятие общей воли, как воли всех и каждого. Если рассматривать право как реальное явление, как действующее, актуальное право, то следует признать, что оно выражает только волю тех индивидов, которые выступают в качестве сторон правоотношений. Их воли взаимодействуют по правилам игры с нулевым результатом, согласно которым при приобретении каких-либо выгод и преимуществ одной из сторон их утрачивает или не достигает другая сторона, в результате чего отсутствуют как гармония интересов всех участников правоотношений, так и их соглашение между собой, и, следовательно, идиллическая общая воля. Взаимодействие индивидов при реализации права происходит не только в ходе сотрудничества, но и борьбы, что предполагает как добровольное воздержание какого-либо субъекта права от волеизъявления, так и искажение, игнорирование или подавление его волеизъявления другой стороной или наоборот. Все дело в том, что далеко не равными являются возможности проявления воли

²² См.: Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 282.

²³ См.: Теория права и государства: Учебник. М., 1995. С. 252.

²⁴ См.: Муханов Р. Т. Теория государства и права: Учебник. М., 2005. С. 124.

²⁵ См.: Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права: Учеб. пособие. М., 2003. С. 78.

каждого из участников правоотношений в силу обусловленности волеизъявления личности множеством факторов, начиная от биологических и географических и заканчивая социальными и экономическими. В связи с этим воля каждой стороны сливается с волей всех остальных не в общую и суммарную волю, а создает вместе с ней итоговую волю, которая имеет промежуточный, динамичный характер. Актуальное право как проявление воли индивидов всегда противоречиво, оно не только не соответствует содержанию закона, но и включает в себя внутренние противоречия, имеющие как иерархический, так и пространственный характер. Итоговая воля может отражать сугубо частные, эгоистические интересы, что де-гуманизирует актуальное право и приводит к расхождению между его положениями и естественным правом.

Вместе с тем волевое содержание фактического права не подлежит однозначной оценке и требует «возвратного» движения к категориям нормативистской юриспруденции, использования, в частности, фикции коллективной воли. Актуальное право можно понять только в том случае, если будут учитываться его идеологическая, политическая, формально-догматическая сторона. Да и с социальной точки зрения важно, что на направленность воли каждого оказывает существенное влияние общность интересов или правосознания, социальная или профессиональная сплоченность или солидарность, что обуславливает феномен определенной скоординированности их волеизъявлений, это придает им доминирующий характер и требует для своего объяснения признания условной личности государства или социального образования.

Отсюда следует вывод, что воля в объективном праве имеет относительный характер. В социологическом смысле она выступает как воля индивидов, а в политическом, идеологическом, юридическом отношении – как воля государства, гражданского общества или его элементов, либо того и другого вместе.

А. Л. Мышинский*

Иван Ильин: что надо было учесть, заново создавая российскую правовую систему

Русский философ и правовед Иван Александрович Ильин (1883–1954) возражал против того, чтобы рассматривать правовую систему как отвлеченное понятие, безразличное к жизни народа. Это строй жизни и живая организация народа. Необходимо, чтобы народ понимал свою правовую систему, уважал законы и вкладывал свою волю в организацию правовой системы. Именно живое правосознание народа дает правовой системе осуществление, жизнь и силу. Правовая система зависит, прежде всего, от уровня национального правосознания, от нажитого народом исторического опыта, от силы его воли.

Правовая жизнь создается живыми людьми, их патриотической любовью, их государственным пониманием. Добавьте к этому чувство долга людей, их организационные навыки, уважение к закону. Все это надо воспитать. Нелепо в России вводить новую или изменять существующую правовую систему, при этом не считаясь с уровнем правосознания многонационального народа и с навыками этого народного правосознания.

Правовая система должна считаться с тем, какую территорию занимает страна, какова численность населения. Нелепо требовать, например, чтобы правовая система России «соответствовала» правовой системе Швейцарии.

Правовая система должна считаться с климатом и природой страны. Суровый климат затрудняет организацию жизнедеятельности народа, все сношения и управление. Природа влияет на характер людей, на продовольственные ресурсы страны, на ее промышленность. Природа определяет географические и стратегические границы страны, организацию обороны, характер и ко-

* *Алексей Леонидович Мышинский* – канд. филос. наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

личество войн. Все это следует учитывать при восстановлении или коррекции правовой системы.

Многонациональный состав населения предъявляет к правовой системе свои требования. Он может стать фактором распада и привести к губительным гражданским войнам.

Выводы: каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своей неповторимой историей, душой и природой. Каждому народу поэтому требуется своя, особая, индивидуальная правовая система, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов, не должно быть одинаковых правовых систем. Слепое заимствование опасно. Откуда же эта нелепая идея, будто правовую систему можно переносить механическим заимствованием из страны в страну? Ведь даже одежду людям шьют по мерке. Откуда это наивное представление, что американская правовая система, выношенная веками в своеобразной стране (смешение кровей, море, климат, история) своеобразнейшим народом (характер, темперамент, правосознание, культура), может воспроизводиться любым народом с любым правосознанием и характером. Нелепо и губительно законодательно вводить в современной России свободное ношение оружия, как в США, или легализовать торговлю наркотиками, как в Нидерландах.

Вообще говоря, правовая система балансирует между двумя юридическими порядками: общедозволительным регулированием либо разрешительным регулированием. Общедозволительное регулирование: все, что не запрещено, то разрешено. Разрешительное регулирование – наоборот: все, что не разрешено, запрещено.

Чем же должен руководствоваться законодатель, определяя пропорцию двух этих порядков в данной правовой системе? Прежде всего, законодатель и законоприменитель должны считаться с имеющимся в данной стране уровнем народного правосознания, определяя по нему общедозволительное разрешительное регулирование, которое будет наилучшим при данных условиях жизни.

Таковыми условиями жизни являются:

1. Территория страны и ее размеры. Чем больше эти размеры, тем меньше общедозволительного регулирования и больше разрешительного.

2. Плотность населения. Чем она выше, тем легче организация страны и тем больше общедозволительного регулирования. Чем ниже плотность населения, тем больше разрешительного регулирования.

3. Державные задачи государства. Чем грандиознее они, тем меньшему числу граждан они понятны. Следовательно, тем меньше общедозволительного регулирования и больше разрешительного. Хотя, благодаря некоторым политическим деятелям современной России, словосочетание «державные задачи» имеет, скорее, анекдотический смысл («дойти до Ганга» и прочее).

4. Хозяйственные задачи страны. Прimitивная экономика маленького государства может легко управляться общедозволительным регулированием.

5. Национальный состав страны. Чем он однороднее, тем легче народу самоуправляться. Соответственно, чем однороднее национальный состав населения, тем больше доля общедозволительного регулирования.

6. Религиозная принадлежность народа. Однородная религиозность масс облегчает управление, разнородная – затрудняет. Обилие противогосударственных сект может стать прямой опасностью для государства. Соответственно, чем выше религиозная однородность, тем меньше общедозволительного регулирования и больше разрешительного.

7. Социальный состав страны. Чем он первобытнее и проще, тем легче народу дается социальная солидарность, тем больше общедозволительного регулирования.

8. Культурный уровень народа. Чем он ниже, тем меньше общедозволительного регулирования и больше разрешительного.

9. Уклад жизни, психологические особенности народа, коллективные психологические автоматизмы («ментальность», по определению Марка Блока). Чем устойчивее и чем более духовно индивидуализирован личный характер данного народа, тем легче использование общедозволительного регулирования.

По этим параметрам современная Россия нуждается только в разрешительном регулировании. Иван Александрович Ильин не одобрил бы ссылки на 5 статью Декларации прав человека и гражданина: «Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписанному законом». Эти замечательные слова были написаны не в России, не для российских граждан и не в 2008 году, а во Франции, для французских граждан в 1789 году. Ссылки на то, что «так принято в любом демократическом государстве», И. А. Ильин также вряд ли бы одобрил, ссылаясь на приведенные выше доводы.

Место мусульманской культуры в российской правовой системе

В российской правовой системе постсоветского периода свое особое место занимает и мусульманское право, ведущее начало от традиционных источников мусульманской веры. В данном случае мы сталкиваемся с интересной во всех отношениях ситуацией дуального ассимилирования двух, казалось бы, разных культурно-правовых мировоззрений и социально-правовых практик – романо-германской и мусульманской. Результаты такого процесса в российском «исполнении» отличаются, и достаточно отчетливо, от того, что наблюдается в других странах. Есть все основания утверждать, что сегодня в России наблюдается не просто процесс взаимопроникновения и взаимодействия двух правовых систем, но удивительная по своему проявлению ситуация современного «общезития» и двух великих конфессиональных культур – православной и мусульманской. При этом роль последней начинает возрастать в собственном «общекультурном» смысле. Мусульманская культура отражается в элементах правовой системы, что не может остаться вне поля зрения правовой науки и, прежде всего, представителей общеправовой теории и юридической компаративистики.

Обратимся к некоторым аспектам этой темы. Следует учесть, что термин «мусульманское право» используется нами здесь для обозначения свода правил общественного поведения, которые регулируют жизнь людей, исповедующих ислам, то есть только мусульман. Это значит, что мусульманское право (или *шариат*), берущее начало от аллаха и его пророка Мухамеда и базирующееся на священном Коране и иных письменных источниках, адресует обязанности, запреты и дозволения истинным мусульманам, то есть

* **Андраник Леонидович Малхасьян** – аспирант Гуманитарного университета, юрист 3-го класса, судебный пристав-исполнитель Орджоникидзевского отдела УФССП по Свердловской области г. Екатеринбург (г. Заречный).

мусульманам по вере. Ко всем остальным, не находящимся в лоне ислама, пусть и признающим его, эти предписания не относятся, что одновременно означает, по сути, выведение немусульман из исламской культуры.

Далее, мусульманское право, по аналогии с западными моделями правопонимания (главным образом, романо-германской), порой сводится к закону (системе законов), исходящему от государства, то есть к *фикху*, в понятие которого включается также и деятельность по осуществлению этого закона (правореализация – в терминах континентального права). Однако мусульманское право намного шире, богаче, разнообразнее закона. Скажем даже так: мусульманское право есть одно из наиболее ярких и специфических проявлений культуры ислама в его правовом «обличье», что обуславливает формы и характер вхождения культуры ислама в иные культурные и правовые системы. Не случайно в мусульманском мире к своему праву относятся как к *культурной ценности*, различая, однако, в нем божественное, естественное начало (*шариат*) и писаное, человеческое начало (*фикх*).

В период становления постсоветской российской правовой системы и в последующие годы как мусульманское право, так и мусульманская культура получили реальные возможности для своего возрождения и развития на территории Российской Федерации. В связи с провозглашением демократических принципов, отраженных в Конституции РФ и действующем законодательстве, мусульманская культура заняла значительное место в российской правовой системе, что особенно важно, ведь удельный вес мусульман в стране весьма высок. Исламские идеи могут быть использованы для духовного обоснования подлинно демократического общества.

С развитием российской правовой системы духовные исламские деятели получили более широкие возможности для построения взаимного диалога с государственными органами в целях развития мусульманской культуры. В настоящее время проводятся различные общественные мероприятия с целью распространения ислама как религии современного мира. Отметим и тот факт, что отношения духовных деятелей ислама с представителями христианских конфессий развиваются в ходе мирного познавательного диалога. Значительно увеличилось число мечетей, интенсивно развивается сеть мусульманских образовательных учреждений – медресе, что имеет особое значение для познания и распространения как исламской культуры, так и мусульманского права в стране.

Так, в Оренбургской области, где плотность мусульманского населения одна из самых высоких в России, только за последние годы открылось и активно функционирует более 80 мусульманских культурных и образовательных организаций¹.

В исламском мире Российская Федерация воспринимается многими странами как дружественное государство. Причиной такого отношения служит, во-первых, построение мирного познавательного диалога между мусульманской культурой населяющих Россию мусульманских народов и российской правовой системой, а во-вторых, богатый опыт взаимодействия различных религий на территории РФ. Все это немаловажно для России.

Важной чертой мусульманской культуры является неотъемлемая связь религии (ислама) с государством. Это в известной мере не соответствует ряду принципов, на которых строится современная российская правовая система. Речь идет, в частности, о принципе разделения власти, отделения государства от церкви, то есть о невмешательстве светской власти в сферу компетенции власти духовной и т. д. Юриспруденция, свободная от ислама, для мусульманского права является неприемлемой, что также трудно сочетается с романо-германской политико-правовой традицией. В то же время в России имеется образец нарушения ею же установленного в Конституции принципа отделения государства и церкви – празднование Рождества как государственного праздника. Это ли не доказательство особенности российского культурно-правового мировоззрения, свидетельствующее (по хорошо известным и вполне понятным историческим причинам) о тяготении его к восточному, в том числе (и в значительной степени) исламскому типу? Поэтому, признавая, что «государственнический» характер мусульманства вряд ли можно (с западной точки зрения) оценивать позитивно, все же, во-первых, нельзя не констатировать его как объективную данность, и, во-вторых, учитывая приведенную особенность российской культурной и политико-правовой традиции, мировоззрения и систем, нужно понимать, что такая данность мало чем отличается от той, что характерна для взаимоотношения русского православия и российского государства.

В российской культуре и правовой системе постепенно утверждается и укрепляется понимание того, что мусульманская куль-

¹ Мы пришли в этот мир для деяний... // Оренбургский минарет. 2007. № 6. С. 1–2.

тура и мусульманское право являются их органичной частью, что противопоставление их во многом оказывается искусственным, политизированным, надуманным. Практика их совместного и длительного сосуществования дает немало образцов их взаимопонимания, взаимообогащения и взаимовлияния, отражающих тенденции развития современного мира. Одной из форм такой гармонизации является, например, создание в недалеком прошлом «Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования» возглавляемого известным российским политиком, бывшим премьер-министром Е. Примаковым². Еще один пример – присоединение России к Организации Исламская Конференция в 2003 году, открытие мусульманских школ, детских лагерей отдыха и др. На законодательном уровне ярким примером уважения к мусульманской культуре является разработка и принятие Духовным управлением мусульман Татарстана единого для всей России стандарта (ГОСТ) по изготовлению продукции халяль, соответствующего нормам шариата³.

Возрождая исламские культурные традиции и подлинный шариат, мы возрождаем культурные традиции Российской Федерации. Ведь ислам и шариат в России имеют древние исторические корни. Как верно замечает известный исламовед Керимов Г. М., «на X–XIV вв. приходится период правления могущественных мусульманских государственных образований в Поволжье и Приуралье – это Волжско-Камская Булгария, Золотая Орда и Казанское ханство, а также Астраханское, Сибирское, Крымское и Касимовское ханства. Исторический опыт этих мусульманских государств сегодня является очень полезным в деле возрождения мусульманской культуры в России»⁴.

В настоящее время можно встретить мнение, что возрождение ислама наносит вред православию и обостряет политическую, этническую и правовую обстановку в стране. Но можно ли и нужно ли торопиться с выводами относительно положительного или от-

² Интервью посла по особым поручениям МИД РФ Вениамина Попова Интернет-сайту «Мусульмане Поволжья» // Оренбургский минарет. 2007. № 7. С. 2.

³ В Татарстане разработан «Халяльный ГОСТ» // Оренбургский минарет. 2007. № 5. С. 2.

⁴ Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб.: Изд-во «ДИЛЯ», 2007. С. 382.

рицательного воздействия мусульманской культуры на российскую правовую систему, если не знать и не помнить российскую историю, если принципы понимания той или иной веры, тех или иных правовых обычаев и норм толковать односторонне, как это свойственно адептам западно-европейской культуры и западного права? Ислам может сыграть и сыграет, несомненно, положительную роль в отношениях между русскими, мусульманами и всеми, кто проживает в нашей стране.

Л. В. Никулина*

Проблемы борьбы с терроризмом и их правовой аспект

Цели терроризма: распространение своей религиозной и политической идеологии насильственными методами, устранение и подавление политических и военных противников путем убийства, захвата заложников, преследования и убийства невинных людей другой национальности и веры, разрушение домов, захват территории их проживания. Глобальной целью международного терроризма в современной истории является создание Арабского халифата, включающего Кавказ, Среднюю Азию, Пакистан, Ирак, арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки.

Важной задачей является определение терроризма. К сожалению, специальному комитету ООН по международному терроризму за 35 лет (с 1972 года) так и не удалось выработать определение, приемлемое для всех [1]. Это ведет к определенным трудностям в борьбе с терроризмом. Попытаемся дать определение терроризма на основе проявления его в разных странах, в первую очередь в России, и рассмотрим некоторые исторические примеры.

Международный терроризм в современных условиях – это экстремистское течение фанатически настроенных сторонников ислама, которые не связаны с какой-нибудь одной страной, но одинаково проявляют себя во многих государствах: 1) убийство противников в лице государственных, политических, военных деятелей и военнослужащих; 2) убийство невинных мирных жителей: женщин, детей и мужчин, стариков; 3) захват заложников с целью получения выкупа или выполнения определенных политических требований; 4) тщательная подготовка террористов и наемников из разных стран в специальных лагерях; 5) хорошее финансирование операций, проводимых наемниками и террористами, включая их подготовку, и оплата по фактическим результатам, в зависимости от числа убитых людей; 6) использование «смертников» в лице фанатически

* *Лидия Владимировна Никулина* – декан отделения юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

настроенных мужчин и женщин, готовых отдать свою жизнь, чтобы сразу попасть в рай к Аллаху; 7) подготовка терактов в поездах, автобусах, самолетах, на дорогах, по которым должны проехать военнослужащие или просто мирные жители; 8) издевательство над жертвами – людьми, которые попали в плен к террористам (иногда эти пытки и издевательства фиксируются на снимках, становясь документальным подтверждением преступления).

Террористы пользуются всеми благами цивилизации и хорошо изучили современные приемы разведки, боя, успешно используют методы партизанского движения, создают базы в горах и лесах и совершают вылазки. Все это затрудняет ведение борьбы с терроризмом.

В Федеральном законе России от 6.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» дается следующее определение терроризма: «Терроризм идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

В Интернете приводится подробная хронология террористических актов в наше время [2]. Приведем некоторые из них: Терракты в московском метро: 1) 1977 г. – взрыв бомбы в вагоне поезда между станциями «Измайловская» и «Первомайская»; 2) 1996 г. – на перегоне между станциями «Тульская» и «Нагатинская» в вагоне поезда сработало самодельное устройство мощностью 400–500 г. в тротиловом эквиваленте; 3) 2004 г. – произошел мощный взрыв в вагоне поезда между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» (организаторы взрывов – чеченские сепаратисты); 4) 2004 г. – взрыв у станции метро «Рижская» (организатор Риядус-Салихан);

Другие теракты в России: 5) 1995 г. – рейд Басаева на Буденновск, массовый захват заложников в здании больницы; 6) 1996 г. – рейд Радиева на Кизляр, захват больницы; 7) 1999 г. – взрывы жилых домов в Москве; 8) 2002 г. – «Норд-Ост» – захват театра в Москве (Риядус-Салихан); 9) 2004 г. – взрыв двух российских пассажирских самолетов чеченскими террористками-смертницами (Риядус-Салихан); 10) 2004 г. – теракт в Беслане – захват школы (Риядус-Салихан).

Террористические акты в других странах: 11) 1995 г. – газовая атака с использованием газа зарин в метро Токио (Япония), осуществленная религиозной организацией «Аум Синрикё» (руково-

дитель – Сёке Асахара); 12) 1995 г. – взрыв газового баллона на станции Сен-Мишель (Франция) (Вооруженная Исламская группа); 13) 2001 г. – атака исламистов-камикадзе организации Аль-Каида на здание Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и на Пентагон (США); 14) 2002 г. – взрывы на острове Бали (Индонезия); 15) 2003 г. – атака террористов-смертников на квартал, где проживают иностранцы в Эр-Рияде (Саудовская Аравия); 16) 2004 г. – серия взрывов в поездах на железнодорожных вокзалах «Аточа», Эль-Пасо и Санта-Аухенио в Мадриде в Испании (Аль-Каида); 17) 2005, – серия взрывов в лондонском метро и городских автобусах (Аль-Каида).

Страны, наиболее пострадавшие от терроризма [2]

Место в рейтинге	Страна	Число погибших в терактах на территории страны	Число погибших в терактах (на 1 млн жителей страны)
1	США	3238	11,05
2	Россия	2111	14,54
3	Индия	1928	1,81
4	Израиль	1274	219,3*
5	Колумбия	1135	26,82
6	Ирак	1122	44,22
7	Алжир	869	27,05
8	Пакистан	783	4,92
9	Уганда	471	17,84
10	Шри-Ланка	409	20,55

* Без учета населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа.

Проведено террористических актов, как представляется автору, способствуют следующие факторы: 1) внезапность совершения и тщательная подготовка терактов; 2) ошибки политических и военных руководителей в борьбе с терроризмом; 3) разобщенность государств ООН перед угрозой терроризма; 4) попустительское отношение ряда стран пропаганде идей терроризма; 5) отсутствие сотрудничества всех государств мира в борьбе с терроризмом; 6) благодушное отношение некоторых ученых к распространению ислама в мире (в том числе в России)¹.

¹ См., например: Малхасьян А. Л. Место мусульманской культуры в российской правовой системе: Статья в настоящем сборнике.

По мнению автора, следующие меры смогут помочь в борьбе с терроризмом: 1) усиление наказаний за теракты и пособничество терроризму; 2) выработка юристами России определения терроризма, как угрозы мира и безопасности людей, и представление его в МИД РФ для последующего внесения в ООН; 3) внесение предложения в Государственную думу РФ: отменить суд присяжных на Северном Кавказе при обсуждении дел, связанных с терроризмом.

Литература

1. Шамсунова Э. Ф. Борьба с терроризмом как правовой режим // Человек, религия право: история и современность. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2003.
2. <http://ru.wikipedia.org>

Л. В. Никулина*

Проблема толерантности в современной России: правовой аспект

История России – это история страны, где мирно уживались люди разных национальностей и разной веры. Для страны, которая расположена на огромной территории в двух частях света – Европе и Азии, единственное средство сохранить единство – это толерантность, закреплённая законодательно и неукоснительно соблюдающаяся. Рассмотрим проблему толерантности в современной России с трех точек зрения: 1) социального мира; 2) национального мира; 3) религиозной веротерпимости.

1. *Социальный мир* предполагает, что законодательство страны приоритетным вопросом считает социальные программы и правительство проводит соответствующую политику. В России социальная политика проводится в рамках национальных проектов. Повышаются пенсии. Большое внимание уделяется решению демографического кризиса. Вместе с тем, растет инфляция. Цены на продовольственные товары не удается удержать на запланированном уровне.

Для сравнения, в Узбекистане президент И. Каримов вынужден был уйти в отставку со своего поста из-за протестов жителей южных районов страны.

2. *Национальный мир* в России был нарушен в Чечне дважды: во время первой и второй чеченских войн. В настоящее время мир в Чеченской республике достигнут, но склады с оружием боевиков находят периодически как в г. Грозном, так и в разных городах и селах республики.

Сейчас обострилась ситуация в Дагестане. Но там террористов постепенно «ликвидируют». В целом, Северный Кавказ (Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия) спокоен. Основная проблема – безработица, которая провоцирует людей на противоправные действия.

* *Лидия Владимировна Никулина* – декан отделения юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

3. *Религиозная веротерпимость* предполагает толерантность, терпимость к вере других людей, принадлежащих к одной нации, или к другой нации или национальности.

Рассмотрим один из самых ярких примеров религиозной нетерпимости. Варфоломеевская ночь во Франции ознаменовалась массовой резней гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. в Париже в праздник святого Варфоломея. В ходе этой резни было убито более 3 тысяч гугенотов, в том числе их глава адмирал Колиньи. Далее убийство гугенотов продолжалось с 25 августа приблизительно до 3 октября в провинциях страны (Лион, Орлеан, Руан, Мо, Бордо и других городах), что вызвало религиозные войны. Организовала массовую резню королева мать – Екатерина Медичи.

4. В истории нашей страны были кровавые страницы, связанные с терроризмом: «В России только за 200 лет – с 1718 по 1918 гг., чаще, чем где-либо еще покушались на главу государства и убили 4 царей, 2 наследников престола. Одной из главных целей декабристов было «истребление императорской фамилии». За рубежом также «не отставали» и лишь последние годы отмечены «истреблением» таких знаковых лидеров, как Кеннеди, Садат, Пальме, Ганди, Рабин, Беназир Бхутто и другие. Меры правовые (и процессуальные), наверное, не имеют решающего значения, но они и не второстепенные – для определения терроризма и, тем более, для избличения конкретных физических и юридических лиц, как исполнителей, соучастников, пособников или пропагандистов террора [1. С. 96].

5. Примером религиозного фанатизма в наши дни, является случай, когда православные верующие спустились в пещеру вместе с детьми и стали там молиться. Фактически они замуровали там себя живыми, отгородившись от внешнего мира. Интересно, что их церковный руководитель остался на поверхности. За такие проявления религиозного фанатизма следует привлекать к строгой юридической ответственности (в частности, за насилие по отношению к несовершеннолетним).

Позицию исламского мира четко определил П. Е. Суслонов [3. С. 19–20]. Все страны ислама (Дар-аль-Ислам) находятся в состоянии бескомпромиссной борьбы со странами неверных (Дар-аль-Харб). Долг мусульман расширять территорию Дар-аль-Ислам за счет Дар-аль-Харб. Достигается это политикой демографической экспансии мусульманского населения в Европу. По мнению религиозных лидеров Ислама, через 1–2 поколения Европа будет Дар-

аль-Ислам, что нетрудно представить при современной демографии европейских народов.

Для обеспечения свободной и мирной жизни граждан России необходимо выполнение определенных требований и условий. К их числу относятся:

1. Социальный мир в стране, который должен закрепляться законодательно в правовых актах и неукоснительно проводиться в жизнь правительством РФ и властью на местах.

2. Национальный мир в государстве, обеспечивающий развитие представителей всех наций и национальностей, населяющих нашу страну. Это закреплено в Конституции РФ. На практике необходимо обеспечить экономическое развитие всех регионов, занятость населения работой, чтобы обеспечить благосостояние всех граждан России.

3. Религиозная веротерпимость, которая также закреплена в Конституции РФ. Эта веротерпимость должна воспитываться в обществе периодической печатью, телевидением, художественной литературой. Процесс формирования веротерпимости должен происходить при активном участии семьи и школы.

4. Признание права человека исповедовать ту религию, которую он выбрал сам, или быть атеистом, закрепление в конституции государств права людей на свободное вероисповедование или атеизм [2. С. 73].

5. Запрещение тех религиозных течений, которые наносят вред здоровью людей, их психике; запрещение в законодательном порядке религиозного фанатизма в различных формах (ваххабизм, движение талибов, связанных с террористической сетью «Аль-Каиды»).

6. Осуждение правительств стран, которые поддерживают террористические религиозные организации денежными средствами и укрывают их боевиков (Саудовская Аравия, Грузия времен З. Гамсахурдия и Э. Шеварнадзе, Афганистан).

7. Объявление вне закона Организацией Объединенных наций (ООН) терроризма и мобилизация усилий всех цивилизованных стран и народов на борьбу с терроризмом – реальной угрозой человечеству в XXI веке.

8. Объявление вне закона войны, как средства решения религиозных, территориальных, политических и других проблем.

9. Нетерпимость к терроризму и религиозному фанатизму, наносящему вред здоровью и жизни людей, на взгляд автора, должна

выражаться в принятии законов, ужесточающих меры наказания за преступления, связанные с терроризмом и религиозным фанатизмом.

Литература

1. Коломеев В. К. Терроризм: слова и дела; вчера, сегодня и... // Человек, религия, право: история и современность: Тезисы научно-практической конференции / Редакция: д. ф. н. проф. Саранчин Ю. К., д. ф. н. проф. Мясникова Л. А., Никулина Л. В., Логинова Л. В. Гуманитарный университет: Отделение юридического факультета. – Екатеринбург, 2003.

2. Джапаридзе Г. А. Проблемы толерантности в религиозно-мировоззренческой сфере // Человек, религия, право: история и современность: Тезисы научно-практической конференции. Гуманитарный университет: Отделение юридического факультета. – Екатеринбург, 2003.

3. Сулонов П. Е. Ислам и мы: о некоторых политико-правовых аспектах проблемы // Человек, религия, право: история и современность: Тезисы научно-практической конференции. Гуманитарный университет: Отделение юридического факультета. – Екатеринбург, 2003.

А. А. Озеров*

Мониторинг правотворчества в РФ: итоги и перспективы развития

Проблема мониторинга правотворчества за последние несколько лет прошла огромный путь развития – от теоретического осмысления до фактического внедрения действующих систем на практике. Все это можно проследить, оценив работу, проделанную за последние пять лет. Немало трудов было вложено в изучение данного вопроса и в последнее время: в июне 2007 г. в Москве прошла очередная юбилейная научно-практическая конференция «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: пятилетние итоги и перспективы конституционного партнерства», организованная Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; также Советом Федерации был представлен третий доклад «О состоянии законодательства в Российской Федерации» за 2006 год, основанный на результатах мониторинга и результатах правоприменительной практики; принят ряд нормативно-правовых актов, закрепляющих порядок процесса правотворчества, в которых нашло отражение понятие «мониторинг правотворчества»¹; публиковались работы научных деятелей, писались диссертации² и многое другое.

Существенной популяризации данного вопроса во многом способствовали современные средства связи, а именно Интернет. Благодаря Интернету, и во многом сайтам Федерального Собрания и личному сайту Председателя Совета Федерации С. М. Миронова³, научное сообщество может своевременно узнавать о продвижениях и достижениях в данной сфере.

* **Александр Андреевич Озеров** – начальник юридического отдела по работе с недвижимостью за рубежом ООО «ПСВ» (г. Екатеринбург).

¹ Закон Алтайского Края от 09.11.2006 г. № 122-ЗС «О правотворческой деятельности».

² Жужгов И. В. Мониторинг правового пространства РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006.

³ Личный сайт Миронова С. М. <http://www.mironov.ru>

С 27 по 27 июня в Москве прошла научно-практическая конференция «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: пятилетние итоги и перспективы конституционного партнерства». В конференции участвовали члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Уполномоченный по правам человека в РФ, представители Администрации Президента РФ, Правительства РФ, органов законодательной, исполнительной и судебной власти субъектов РФ, научных учреждений и общественных организаций и региональные Уполномоченные по правам человека. В ходе проведения конференции были подведены итоги и намечены перспективы дальнейшего развития мониторинга. В частности, участниками была отмечена положительная тенденция внедрения системы мониторинга в нашей стране. Особо положительно была отмечена работа верхней палаты парламента по мониторингу законодательства и ежегодному представлению Докладов о состоянии законодательства в Российской Федерации. Во многом это было обусловлено тем, что идея составления данных докладов возникла именно на конференции в предыдущие годы.

Активно продолжается внедрение мониторинга правотворчества на уровне субъектов, так, например, Законодательным Собранием Алтайского Края принят закон «О Правотворческой деятельности», в котором не только дается определение мониторинга, как деятельности по оценке, анализу, обобщению и прогнозу состояния нормативных правовых актов и правоприменительной практики, но также и определены его задачи и основы проведения. Широкое одобрение участников конференции нашли такие моменты как общественный мониторинг законодательства, проводимый научными и общественными организациями, а также регулярное проведение творческих конкурсов, с целью усовершенствования методологических и теоретических основ мониторинга права. Также была одобрена инициатива по созданию всероссийского печатного органа – журнала «Мониторинг права в Российской Федерации»⁴. Тем не менее данный журнал пока не увидел свет.

Как уже было отмечено, действительно большую роль в мониторинге законодательства играют ставшие уже ежегодными до-

⁴ Материалы научно-практической конференции «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: пятилетние итоги и перспективы конституционного партнерства» http://www.council.gov.ru/inf_ps/chronicle/2007/06/item6307.html

клады о состоянии законодательства в Российской Федерации. Сама работа по созданию и представлению данных докладов приняла форму непрерывного процесса. В докладе очерчивается круг проблем, которые необходимо решить в ближайшее время, поскольку несвоевременное решение данных проблем во многом может затормозить становление и формирование качественного правового пространства на территории нашей страны. Такими проблемами являются хаотичное и фрагментарное регулирование общественных отношений как на федеральном, так и на региональном уровне; частая политическая мотивация принятия нормативного правового акта, большое количество пробелов законодательства, несоответствие между федеральным и региональным законодательством, выраженное в регулировании вопросов отнесенных к исключительной компетенции Субъектов РФ Федеральными органами⁵. Тем не менее, региональный мониторинг и глубокий анализ приносит первые результаты. В числе их можно отметить создание эффективной, не противоречащей федеральному законодательству системы законодательства в Архангельской области; стратегический подход к совершенствованию законотворческой деятельности и системы региональных нормативных правовых актов, привлечение к этой работе представителей органов местного самоуправления и общественных организаций в Самарской области; партнерское сотрудничество законодательного и исполнительного органов власти в Московской области; приоритетное внимание, уделяемое мониторингу реализации национальных проектов в Пензенской области, создание Института регионального законодательства при Воронежской областной Думе⁶. И таких примеров можно привести много.

Тем не менее, до сих пор не создано единого всероссийского центра, осуществляющего мониторинг, хотя создание его является необходимым. Ведь пока не будет создано подобного центра, довольно проблематично осуществлять полноценный и непрерывный мониторинг правового пространства страны. Не существует и единой государственной структуры, которая могла бы планомерно осуществлять эту жизненно необходимую для страны функцию.

⁵ Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2006 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации». М.: Совет Федерации, 2007. С. 245.

⁶ Там же. С. 246.

Ведущую роль в систематизации накопленного в этой сфере опыта играет Совет Федерации в целом и его Комиссия по методологии реализации конституционных полномочий как непосредственный инициатор и организатор этой серьезной методологической работы. Выявилась потребность в организации единого центра анализа и прогноза правового пространства и правоприменительной практики – Всероссийского центра мониторинга права, который на основе объективной информации, поступающей от субъектов мониторинга, мог бы проводить объективную оценку российского законодательства⁷.

Единственный аналогичный центр существует при Государственной Думе Ставропольского Края (действует с 2003 года)⁸. Основными функциями центра является: систематизация законодательства Ставропольского Края, включая инвентаризацию и анализ законов, выявление и устранение устаревших законов, подготовка предложений по внесению изменений в уже действующие нормативно-правовые акты, а также изучение правоприменительной практики, перспективное планирование законотворческой деятельности, изучение передового опыта Ставропольского Края и внедрение его в других регионах. Создание подобного центра на федеральном уровне с региональными звеньями с подобными функциями во многом ускорило бы формирование качественного правового пространства на территории страны.

Невозможно проводить мониторинг правового пространства страны и без анализа законодательства. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации поддержали предложение Совета Федерации о подготовке докладов о состоянии законодательства в Субъектах Российской Федерации. На сегодняшний день данные доклады представляются многими Субъектами РФ, например: Пензенской областью, Самарской областью, Новгородской областью. Так, например, в докладе Законодательного собрания Пензенской области⁹ большое внимание уделяется реализа-

⁷ Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2006 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации». М.: Совет Федерации, 2007. С. 248.

⁸ Распоряжение Председателя Государственной думы Ставропольского Края «Об организации мониторинга законодательства и правоприменительной практики в Ставропольском Крае» № 424-р от 05.12.2003 г.

⁹ Доклад Законодательного Собрания Пензенской области «О состоянии законодательства в Пензенской области (2006 год)». (http://www.zspo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1090&Itemid=75)

ции национальных проектов и их законодательному обеспечению, а также реализации в Пензенской области Послания Президента РФ. В данном докладе также не мало внимания уделяется и мониторингу правового пространства и вводится понятие мониторинг.

Доклад Самарской области¹⁰, во многом построен по аналогии Федеральными докладами, это просматривается как в форме, так и в содержании.

Особого внимания заслуживает такой инструмент мониторинга, как «досье закона». «Досье закона» можно определить как регистрационно-контрольный документ, выражающийся в сопроводительных документах, в справке о состоянии законодательства в той сфере, которую призван урегулировать проектируемый закон. «Досье закона» должно содержать сведения не только о материальных нормах нормативных правовых актов (названия актов, указание на нормы, требующие обновления или исключения, и т. п.). В «досье закона» необходимо проанализировать эффективность ранее установленного правового регулирования, выяснить условия и обстоятельства, служащие препятствием для успешного правового регулирования. Создание подобного досье позволит оценивать каждый законопроект с точки зрения системного экспертного материала, даст тот объем актуальной, объективной и всесторонней информации, который необходим для принятия продуманного, взвешенного, максимально выверенного со всех позиций законодательного решения, и исключит возможность возникновения таких ситуаций, когда закон принимается одновременно с подготовкой поправок к нему. Досье позволит изучать аргументы сторонников и противников законопроекта, проводить системный анализ текста и выявлять, например, возникающие на этапах второго или третьего чтения изменения формулировок конкретных норм, которые, в конечном счете, искажают ранее принятую концепцию.

Еще одна очень важная составляющая идеи «досье закона» состоит в том, чтобы в формировании досье начиная с первого этапа, участвовали те структуры, которым предстоит этот закон применять¹¹.

¹⁰ Доклад Самарской Губернской думы «О состоянии законодательства в Самарской области в 2006 г.» (<http://www.samgd.ru/118/4265/>)

¹¹ Петелина М. Досье закона как инструмент мониторинга // Бизнес-Адвокат. 2006. № 12. <http://www.bestlawyers.ru>

Первые попытки создания модели «досье закона» нашли свое отражение в Докладе о состоянии законодательства в РФ в 2005 году¹². Модель включала две части: общую и особенную. Общая состояла из паспортных данных, особенная часть включала в себя специальные сведения на различных стадиях существования закона. За прошедшее время идея «досье закона» совершенствовалась и развивалась, и в Докладе о состоянии законодательства за 2006 г. представлена наиболее оптимальная модель, которая представляется наиболее приемлемой для использования участниками правотворческого процесса. Но «досье закона» будет приносить пользу только тогда, когда будет сопровождать каждый закон.

Кроме уже указанных проблем, выделяется такая проблема, как отсутствие интереса к мониторингу со стороны широкой общественности. Отсутствие данного интереса существенно тормозит внедрение рабочей системы мониторинга.

Также существенно осложняет текущее положение тот фактор, что уже около семи лет не принимаются три важнейших закона: «О Федеральном Собрании – парламенте Российской Федерации», «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов». В настоящее время процесс нормотворчества регулируется Конституцией РФ и Регламентами палат Федерального собрания РФ, и регулирование правоотношений осуществляется не лучшим образом: Конституция РФ в силу своего общего характера регулирования правоотношений не может в полной мере оказывать воздействие не указанные правоотношения, каждый же Регламент регулирует деятельность только одной из Палат, и, соответственно, нет нормативных документов, регулирующих деятельность всех участников процесса правотворчества, что в свою очередь приводит к ошибкам при рассмотрении законопроектов, введению недоработанных законов и дальнейшему принятию большого количества поправок к подобным актам, что приводит к формированию так называемого «заплатного законодательства». Нередки ситуации, когда закон принимается Думой, одобряется Советом Федерации, подписывается Президентом, а затем Правительство месяцами разрабатывает под него нормативно – правовую базу. Также членам Совета Федерации нередко приходится

¹² Доклад Совета Федерации федерального собрания РФ 2005 года «О состоянии законодательства в РФ». М.: Совет федерации, 2006.

слышать просьбы одобрить закон, а уже потом принять сотни поправок к нему¹³. Подобная ситуация не способствует повышению качества законодательства и внедрению мониторинга.

Не способствует улучшению правового пространства и так называемые «беспризорные» законы, то есть законы с узким предметом регулирования, принятые благодаря лоббистским усилиям, выполнившие свою роль и не участвующие в дальнейшем в правовой жизни страны.

Тем не менее, уже сейчас очевидны существенные сдвиги, и можно прогнозировать решение многих проблем и устранение большинства пробелов. Очевидно, что в ближайшее время выйдет журнал-вестник «Мониторинг права в Российской Федерации», что существенно приблизит широкую общественность к праву и системе мониторинга. Ожидается в ближайшее время принятие трех законов¹⁴, что позволит четко разграничить полномочия участников законодательного процесса, а также окончательно установит субординацию и координацию нормативно-правовых актов. Научное сообщество все громче высказывается за введение юридической ответственности за принятие заведомо некачественного нормативно-правового акта, но можно предположить, что такая идея не найдет широкой поддержки среди депутатов и сенаторов, по крайней мере, в ближайшее время. В марте пройдет очередная конференция, посвященная мониторингу, и от нее можно ожидать большой продуктивности. Также за время внедрения системы мониторинга остро встал вопрос методологии основ мониторинга, поэтому можно в перспективе ожидать появления единой методологической системы мониторинга. Представляется возможным и увеличение роли правовых экспертиз при принятии нормативно-правового акта. Особая роль при этом отводится гуманитарно-правовым экспертизам. Если раньше принимаемые законы проверялись на соответствие другим актам и финансовой экспертизе, то в ближайшее время в качестве базового критерия при оценке акта будет ст. 2 Конституции РФ, в которой сказано, что человек и его права являются высшей ценностью.

¹³ Время собирать досье // Парламентское обозрение. 2006. № 12 (28). <http://www.council.gov.ru>

¹⁴ «О Федеральном Собрании – парламенте Российской Федерации», Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», Федерального закона «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов».

Е. С. Резник*

Актуальные вопросы гражданско-правового регулирования отношений, объектом которых выступает Жизнь человека

Уровень правовой регламентации общественных отношений в Российской Федерации, к сожалению, нельзя признать отвечающим в полной мере современным требованиям. Это связано, в том числе, с тем, что действующее законодательство в ряде случаев характеризуется пробельностью и противоречивостью. Кроме того, стремительное изменение научных представлений относительно тех или иных явлений человеческой жизни приводит к переоценке, казалось бы, бесспорных утверждений.

Не касаясь всего спектра спорных вопросов, возникающих при анализе и применении положений российского гражданского законодательства, хотелось бы остановиться на базовых и наиболее важных отношениях, в которых участвует человек с момента рождения и до смерти.

Жизнь человека многогранна и многоаспектна, что требует внимательного и осмысленного подхода к регулированию отношений, объектом которых она выступает.

При анализе Жизни как нематериального блага и, соответственно, объекта гражданских прав, нельзя не отметить наличие ряда проблем. В частности, как в законодательстве России, так и других государств, содержатся положения, которые защищают интересы человека до его рождения, несмотря на то, что нерожденный ребенок субъектом права не признается. Так, согласно ст. 1116 Гражданского кодекса РФ (*далее ГК РФ*) наследниками могут быть, в том числе, дети наследодателя, зачатые при его жизни и родившиеся живыми после его смерти. Статья 21 Закона Свердловской

* **Елена Сергеевна Резник** – канд. юрид. наук, магистр частного права, замдекана юридического факультета по практике Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

области от 23.10.1995 № 28-ОЗ «О защите прав ребенка», которая носит название «Защита жилищных прав и интересов ребенка», закрепляет правило, в соответствии с которым в случае предоставления семье, вновь получающей жилое помещение в домах государственного и муниципального жилищных фондов по договору найма, учитываются несовершеннолетние дети, а также неродившийся, но зачатый ребенок, начиная с 22-недельного срока беременности матери.

В свою очередь, Уголовный кодекс РФ предусмотрел (ст. 106), что в качестве убийства рассматривается и лишение жизни ребенка уже в процессе родов.

Определение правового статуса эмбриона необходимо также для решения проблем, возникающих при осуществлении искусственного прерывания беременности, суррогатного материнства, клонирования человека и др.

Жизнь должна рассматриваться, прежде всего, как совокупность биохимических процессов, протекающих в организме. При этом, необходимо более четко определить моменты ее начала и окончания.

Что касается начала жизни, то на основе анализа конструкции «правоотношения», а также научных достижений (генетики и эмбриологии) следует прийти к выводу о наличии предпосылок для признания правоспособности за каждым зачатый человеком, лишь бы он родился живым и жизнеспособным.

Целесообразным и своевременным видится закрепление критериев рождения и смерти, а также оснований искусственного прерывания беременности на уровне федерального закона, а не подзаконных актов, что будет способствовать защите обладателя блага от произвольных действий третьих лиц.

Нельзя не согласиться с отраженным в научной литературе утверждением (Л. О. Красавчикова, М. Н. Малеина) о недопустимости отождествления блага и права. В связи с этим, представляется недостаточно оправданным включение в текст п. 1 ст. 150 ГК РФ в качестве однопорядковых явлений «блага» и «права». Человек обладает благом независимо от его законодательного закрепления и подробного описания, то есть «благо» – объективно существующее явление, а наличие права у определенного субъекта зависит от подобного закрепления. При совершенствовании указанной статьи предлагается сохранить открытый перечень нематериальных благ, исключив права, что связано со структурным

расположением рассматриваемой статьи в ГК РФ. Так, п. 8 включена законодателем в подраздел 3, который носит название «Объекты гражданских прав». В свою очередь, ст. 128 содержит перечень объектов, включающий нематериальные блага, но не права.

В целом, обращаясь к естественно-правовой теории, утверждающей идею, что «человек обладает прирожденными правами, которыми он наделяется самой природой и которые только фиксируются в государственных законодательных актах»¹, следует признать, что «независимость» естественного права на Жизнь от законодателя носит условный характер. Идеализировать ситуацию и говорить, например, о том, что в догосударственный период истории человечества существовало право на Жизнь в современном значении, то есть имели место правовые возможности, предполагающие реализацию и охрану Жизни, безосновательно. Соответствующие правовые возможности появляются, когда человечество достигает определенного уровня развития, и, в том числе, когда появляется механизм, позволяющий их реализовать.

Следовательно, право на Жизнь, в отличие от самой Жизни, в большей степени связано с нормативным регулированием, в то время как Жизнь, в понимании совокупности биохимических процессов, с момента возникновения до прекращения самообусловлено и зависит только от определенных внешних факторов, к которым не относится правотворчество в любых формах. При этом, нельзя не согласиться с точкой зрения о том, что право на Жизнь, как и любое другое субъективное право, приобретает ценность только в государстве.

Право на жизнь, в качестве субъективного гражданского права, может быть рассмотрено, как мера свободы индивида определять в своих интересах собственное поведение по сохранению и распоряжению жизнью, составляющая содержание правоотношения, объектом которого является жизнь, а также требовать от третьих лиц определенного поведения или воздержания от него.

Любые правовые возможности следует относить к праву на жизнь только в случае наличия их неразрывной связи с физическим существованием человека, которое выражается в том, что реализация соответствующих возможностей приводит, или с высокой долей вероятности может привести, либо к прекращению жизни,

¹ *Иоффе О. С.* Цивилистическая доктрина промышленного капитализма: Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 83.

либо к ее спасению. В связи с этим следует критически отнестись к рассмотрению в качестве структурных элементов права на жизнь таких правовых возможностей, как право на искусственное оплодотворение, имплантацию эмбриона, искусственное прерывание беременности, стерилизацию. Основанием для подобного вывода является отсутствие возможности наступления негативных или позитивных последствий для физического существования реализующего перечисленные правомочия лица.

Обращаясь к проблематике применения репродуктивных технологий, нельзя не отметить недостаточность правовой регламентации отношений в данной сфере. Например, такому явлению, как суррогатное материнство в Семейном кодексе РФ посвящены только две статьи (абз. 2 п. 4 ст. 51, п. 3 ст. 52), в ФЗ «Об актах гражданского состояния» одна статья (п. 5 ст. 16), остальные акты, касающиеся данного вопроса, – это подзаконные акты уровня Министерства здравоохранения.

К праву на жизнь могут быть отнесены правомочия на сохранение жизни (рождение, использование и спасение жизни) и распоряжение жизнью (поставление жизни в опасное положение, самоубийство и прекращение жизни в форме эвтаназии (пассивной и активной)).

Возможность субъекта самостоятельно определять свое поведение, исходя из собственных интересов, а также требовать соответствующего поведения или воздержания от него третьих лиц позволяет рассматривать правомочия на сохранение и распоряжение жизнью как носящие гражданско-правовой характер.

В свою очередь, анализируя гражданско-правовые аспекты содержания права на жизнь и рассматривая механизм реализации отдельных правомочий, отнесенных к структурным элементам права на жизнь, первоначально необходимо определить критерий, обеспечивающий единообразие подхода к решению вопросов, касающихся правовых возможностей, составляющих право на жизнь. Таким критерием должна выступать воля управомоченного лица. В этой связи о возможности применения эвтаназии должен быть дан положительный ответ в отношении смертельно больного, страдающего лица, решение которого осознано, принято добровольно, на основе полной информации, а также при условии соблюдения определенных требований, предъявляемых к процедуре. В отношении прерывания беременности не по медицинским показаниям во внимание должна приниматься не воля женщины, а разумно понимаемая воля ребенка.

Не вызывает сомнений тот факт, что на данном этапе развития немедленное введение эвтаназии и запрет искусственного прерывания беременности не представляются возможными. Однако в данном случае следует обратить внимание на то, что сложившаяся ситуация представляет собой узаконенное ограничение права человека на жизнь, установленное законодателем, вследствие таким образом понимаемых интересов общества, которое будет снято при достижении определенного уровня развития. История свидетельствует о том, что те явления, которые ранее рассматривались как права, ушли в прошлое, поскольку человечество перешло к более цивилизованным отношениям.

Подводя итог, следует отметить, что Жизнь должна рассматриваться в качестве универсальной, внеотраслевой правовой категории, что предопределяет возможность подвергнуть ее анализу с позиций различных отраслей права. В связи с этим должны быть предложены сущностные характеристики Жизни, позволяющие обеспечить единообразное регулирование сходных отношений, вне зависимости от отраслевой принадлежности.

А. П. Семитко*

Конституционный Совет Франции: предложения комиссии Э. Балладюра по изменению его компетенции¹

Сравнение правовой культуры России с правовыми культурами развитых западных стран нередко говорит не в пользу российской правовой культуры, но бывают ситуации, которые могут быть восприняты иначе. Одну из них мы и рассмотрим в данной статье.

Конституционный контроль, возникший в XIX веке, полностью сформировался и достиг своего расцвета в XX веке. В настоящее время развитие идет по пути включения в круг стран (или федеративных образований), в которых функционирует конституционная юстиция, новых государств (либо субъектов федерации в федеративных государствах), а также по пути расширения и совершенствования их полномочий. Сравнительный анализ компетенции 108 специализированных институтов конституционного контроля – Конституционных судов, проведенный Г. Арутюнян, показывает, что в целом им принадлежит 36 различных функциональных полномочий. По количеству и качеству этих полномочий, сосредоточенных у каждого института конституционного правосудия, то есть по критерию наличия необходимых и достаточных средств для осуществления ими эффективной деятельности по конституционному контролю Г. Арутюнян делит их на три группы. Первая включает институты, имеющие целостную систему необходимых и достаточных полномочий

* **Алексей Павлович Семитко** – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Президент Франции Н. Саркози создал две комиссии для разработки программ реформирования социально-экономической и политико-правовых сфер жизни французского общества: комиссию по вопросам экономики возглавил Ж. Аттали, а комиссию по политическим и правовым вопросам – Э. Балладюр. Материалы их работы опубликованы в печати и выставлены в Интернете. Публикацию результатов работы последней см.: *Une Ve Republique plus democratique*. P.: Fayard, 2008.

для полноценного осуществления конституционного правосудия. Во вторую группу входят институты конституционного правосудия, наделенные 10–15 основными полномочиями, и их функциональные особенности связаны с институциональными особенностями государственной власти в целом. В третью группу входят институты судебного конституционного контроля, не имеющие необходимых и достаточных полномочий для полноценного функционирования и гарантирования верховенства конституции. У них отсутствуют такие полномочия, как разрешение споров, касающихся распределения конституционных полномочий, рассмотрение индивидуальных жалоб, конкретный контроль на основе обращений судов общей юрисдикции, официальное толкование конституции и др. Кроме того, в таких странах круг обращающихся в конституционный суд субъектов всегда сильно ограничен и все это в итоге существенно снижает действенность и эффективность конституционного правосудия².

Нет сомнения, что система конституционного контроля России относится к первой группе, а Франции – к третьей. Если российская система конституционного контроля восприняла все лучшее – все прогрессивные инструменты для осуществления полноценного и эффективного конституционного контроля, то французская система находится практически в зачаточном состоянии. Последнее хорошо понимают политики и юристы Франции, и поэтому предпринимают все усилия для того, чтобы усовершенствовать свою систему в направлении общих прогрессивных тенденций, сложившихся в прошлом веке в мире.

Указанный институт в своей исключительно урезанной, можно сказать даже в весьма убогой форме, был введен во Франции при создании в 1958 г. Пятой (V) республики, хотя, как считают некоторые французские авторы, впервые идея «создания независимого органа, призванного следить за соблюдением Конституции, особенно со стороны законодательной власти... была выдвинута в общих чертах Великой французской революцией»³. Поэтому-то и вызывает сожаление тот факт, что, будучи в данном отношении пионерами в идейном плане, французские государственные институты не восприняли эту традицию в реальной политико-правовой

² См.: Арутюнян Г. Перспективы совершенствования конституционного правосудия // Конституционное правосудие на рубеже веков. М.: Норма, 2002. С. 83–89.

³ Ардан Ф. Франция: государственная система. М., 1994. С. 132.

жизни и не являются сегодня в этом отношении лидерами в мире. Указанную идею пытались осторожно внедрить в IV республике, когда по Конституции 1946 г. был учрежден Конституционный комитет и, наконец, в 1958 г. был создан Конституционный совет Французской Республики (КС ФР).

В то время во Франции, уставшей от неустойчивости парламентских режимов III и IV Республик, под влиянием генерала де Голля разрабатывается новая Конституция, наделившая исполнительную власть реальными средствами управления и в целом серьезно и глубоко реформировавшая политико-правовую систему страны, поставив на место парламентской республики смешанную – парламентско-президентскую – форму правления. Создатели КС ФР видели одно из основных его назначений в противостоянии возможным посягательствам законодательной власти на правительственные prerogatives, и поэтому стремились ограничить его компетенцию. Поэтому основная его задача была сведена к контролю за тем, чтобы парламент не вышел за рамки компетенции, определенной ему статьей 34 Конституции Франции, и не вернул себе с помощью регламентов палат парламента prerogatives, отведенные правительству. К тому же правом обращения в КС ФР были наделены лишь четыре высших органа государственной власти – Президент Республики, Премьер-министр и председатели обеих палат парламента, что не было достаточно эффективным, так как данные лица могли принадлежать и к парламентскому большинству (к одной партии), и тогда они были не заинтересованы в обращении в Совет по поводу закона, получившего одобрение этого большинства. И, действительно, с 1958 по 1974 г. КС ФР вынес всего 10 решений⁴. Эти особенности резко отличают КС ФР от большинства конституционных судов, наделенных всеми необходимыми полномочиями для осуществления эффективного конституционного контроля.

Французские ученые сходятся во мнении, что установление в 1958 г. контроля над конституционностью законов было самой яркой и оригинальной новацией V республики⁵. Был разрушен миф о законе

⁴ Гена И. Конституционное правосудие во Франции: итоги и перспективы // Конституционное правосудие на рубеже веков. С. 65. Ф. Ардан пишет, что ст. 61 Конституции Франции применялась «до 1974 года ... всего девять раз» (Ардан Ф. Указ. соч. С. 140).

⁵ Ардан Ф. Указ. соч. С. 137; Исполнительная власть, законодательная власть и судебная власть во Франции. М.: Посольство Франции в России, МИД Франции, 1996. С. 104.

и его суверенности, существовавший со времен Революции. Сама идея контроля над законом противоречит всей политической истории Франции, так как согласно традиции законодатель, состоящий из представителей суверенного народа, ошибаться не может. Закон как выражение всеобщей воли бесспорен, обладает верховенством. Сент-Жюст в свое время говорил: «Когда закон высказался, совесть должна замолчать»⁶. Наконец, в 1958 г. на смену мифу о суверенности закона пришел принцип верховенства Конституции, который подразумевает подчинение парламента-законодателя учредительной власти народа, выраженной в конституционном акте. Осознавая свою смелость, создатели Конституции 1958 г. очень сильно ограничили компетенцию КС ФР и ввели сложную процедуру превентивного контроля. Однако решением самого Совета от 16.07.1971 г. и конституционной реформой 1974 года компетенция КС ФР была расширена и роль его существенно возросла.

В решении 1971 г. КС ФР не просто защитил свободу ассоциаций, но сослался на Преамбулу Конституции 1958 г., которая провозглашает «приверженность» французского народа положениям Декларации 1789 г. и Преамбуле Конституции 1946 г. Это означало, что помимо собственно текста Конституции 1958 г., законодательная власть должна также соблюдать и указанные документы. Тем самым был значительно расширен «блок конституционности», которым должны соответствовать решения парламента. А поскольку Преамбула Конституции 1946 г. не только признавала социально-экономические права, но и подтверждала свою приверженность «основным, или фундаментальным принципам, признаваемым законами Республики», постольку блок конституционности стал практически не ограничен по своим размерам. В любом случае «блок конституционности» распространяется теперь значительно дальше текста Конституции 1958 года, что дает КС ФР возможность принимать решения, соответствующие эволюции общества и более эффективно защищать права и свободы человека.

В 1974 г. в ходе конституционной реформы право на обращение в Совет было предоставлено членам палат парламента – 60 депутатам и 60 сенаторам. После этого решения парламентское обращение стало часто использоваться как инструмент в руках оппозиции. Указанные группы депутатов или сенаторов могут обратиться в КС с требованием о проверке соответствия Конституции и ее

⁶ Исполнительная власть, законодательная власть... С. 109.

Преамбуле любого закона, окончательно принятого парламентом, но еще не обнародованного. Речь идет, таким образом, о контроле *a priori*, поскольку он осуществляется до обнародования закона, и – о контроле абстрактном, поскольку он не является следствием спора, касающегося применения закона. В количественном плане значение проведенной реформы (возможности обращения в КС парламентариям) выразилось в том, что если с 1958 по 1974 год было вынесено всего 10 решений по вопросам проверки ординарных законов, то есть менее одного решения в год, то с 1975 по 2000 год вынесено 260 решений, то есть в среднем по 10 решений в год⁷.

В 1990 г. была сделана попытка пересмотра Конституции Франции по вопросу расширения доступа к КС ФР. Гражданин мог бы поднять вопрос о неконституционности применяемого в отношении него закона. Судья в случае согласия передавал бы дело соответственно в Кассационный суд или Государственный Совет, которые при необходимости могли бы обратиться в КС ФР в целях признания закона не соответствующим Конституции и его отмены. Однако Сенат отверг эту реформу и она провалилась.

Одним из серьезных препятствий на пути этой реформы является политическая традиция, о которой уже говорилось выше. Превентивный контроль, спрятанный внутрь правотворческой процедуры, до того момента, пока закон не вступил в силу, позволяет сохранить видимость мифа о том, что законодатель никогда не ошибается.

Как писал в 2001 г. бывший Председатель КС Франции И. Гена, контроль законов *a priori*, то есть до их обнародования отвечает французской конституционной традиции и имеет, с его точки зрения, два преимущества: прежде всего ясность, поскольку обсуждение вопроса о соответствии закона Конституции осуществляется до вступления закона в силу и – второе – самое главное – это юридическая безопасность, поскольку обнародованный закон не может более ставиться под сомнение, вне зависимости от того, был он признан Конституционным Советом соответствующим Конституции или не передавался ему на рассмотрение. В современном все усложняющемся обществе, когда число норм увеличивается как на национальном, так и на европейском и международном уровне, юридическая безопасность стала основным элементом качества права⁸.

⁷ Гена И. Указ. соч. С. 65.

⁸ Там же. С. 68.

Думаю, что представленные И. Гена аргументы доказывают скорее прямо противоположное тому, что хотел сказать их автор, ибо до того, пока закон не начнет применяться на практике, невозможно судить окончательно и полноценно о его ясности и понятности. Практика везде и всюду показывает, что именно после начала применения закона всплывают порой такие несуразные и абсурдные следствия, которые, безусловно, должны быть устранены из цивилизованной и демократической правовой системы. Однако они были совершенно не «видимыми» на уровне всех правотворческих рассуждений и любых абстракций, и поэтому проникли в правовую материю. В обсуждаемом тезисе И. Гена в свернутом виде присутствует миф о непогрешимости законодателя. Хотя он опровергается самой практикой КС ФР: из трех переданных на его рассмотрение законов только два признаются соответствующими Конституции⁹. Но известно, что большая часть законов КС ФР не рассматривается вовсе (кроме органических законов, которые подвергаются обязательному контролю до их промульгирования). Если экстраполировать указанную статистику на не подвергнутые конституционному контролю законы, то можно предположить, что среди не прошедших указанную стадию актов могут встречаться акты (их отдельные положения), противоречащие Конституции. Что касается юридической безопасности, то требует уточнения сама постановка этой проблемы: юридическая безопасность чего или кого? Гражданина, права которого иногда нарушает тот или иной закон, или юридическая безопасность мифа о непогрешимости законодателя? Именно это, последнее, и имеет в виду, незаметно для себя, И. Гена. Другой безопасности здесь просто не существует, но наоборот: гражданин, любой иной субъект права, лишенные возможности оспаривать конституционность закона, лишаются тем самым какой-то части своей юридической безопасности.

Предложения комиссии Балладюра представляют, по сути своей, вторую серьезную после 1990 года попытку разрушить миф о непогрешимости законодателя и повысить меру юридической безопасности субъектов французской правовой системы. В предложениях намеренно исключены все технические детали реформы, поскольку предлагается принять специальный органический закон, всесторонне регулирующий деятельность КС ФР (порядок его фор-

⁹ Ардан Ф. Указ. соч. С. 144–145.

мирования, состав, компетенцию и прочее). Указано лишь на необходимость предоставления любым субъектам нового права на «оговорку» о неконституционности примененного или подлежащего применению в их отношении в любой судебной инстанции закона. Оспаривать конституционность закона можно не в любом случае, а лишь тогда, когда речь идет о возможном нарушении законом основных прав и свобод, предусмотренных Конституцией. В этом случае суд, в котором гражданин, другой субъект права в процессе рассмотрения его дела заявляет такую оговорку, обращается с соответствующим запросом в Конституционный Совет. Последний рассматривает данное обращение и выносит свое решение о соответствии или не соответствии закона Конституции Франции. В последнем случае закон (его часть) утрачивает свою силу и не может применяться в любой юридической процедуре (комиссия предложила новую статью 61-1 и новую редакцию ст. 62 Конституции Франции)¹⁰.

Прямого обращения граждан в КС ФР комиссия не предусматривает. Однако и указанное нововведение будет (в случае его принятия) весьма радикальным. Такое предложение потребует пересмотра и самого состава КС ФР, который теперь все больше превращается в конституционный суд: комиссия предложила поэтому не включать более в его состав бывших Президентов Республики. Ибо последние продолжают, как показывает практика, сохранять свою политическую активность и после ухода в отставку, что будет вступать в противоречие с новой ролью КС ФР как не политического, а в большей степени юридического, судебного органа, который должен будет сохранять политический нейтралитет и беспристрастность. Комиссия полагает, что было бы лучше назначить уходящим в отставку Президентам достойную выполняемой ими в прошлом роли пенсии, чем нагружать их юридическими обязанностями члена КС ФР¹¹.

Полагаю, что с введением предложенных комиссией новелл институт конституционного контроля Франции перейдет из третьей классификационной группы во вторую, отставая еще во многом от уровня развития институтов, входящих в первую группу. Сравнение в этой связи двух институтов конституционного контроля – российского и французского – показывает, что в последнем случае

¹⁰ Une Ve Republique plus democratique. P.: Fayard, 2008. P. 173–176.

¹¹ Ibid. P. 174–175.

реформаторы пытаются лишь незначительно приблизить соответствующий институт к минимальным требованиям, вытекающим из признания идеи правового государства и необходимости создания эффективных механизмов защиты прав человека, соответствующим современным представлениям. Правда, необходима серьезная оговорка в том, что сравнению подвергаются лишь документально закрепленные структуры конституционной юстиции в России и Франции, то есть зафиксированные в позитивном праве абстрактные (писанные) модели. Ибо если рассматривать их в реальном измерении (в смысле фактически функционирующего правового порядка в данной сфере), то трудно говорить о каких-либо приоритетах одного института перед другим. Дело в том, что минимальные возможности КС РФ позволяют ему эффективно защищать права и свободы граждан в тех случаях, когда вопрос попадает в его повестку, тогда как максимальные возможности для защиты Конституции РФ не помешали Конституционному суду России подвергнуть полному разрушению закрепленный российской Конституцией политико-правовой порядок и федеративную структуру государства в своем «историческом» решении от 21 декабря 2005 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан». Так, фактически полностью ушла из политико-правовой практики предусмотренная Конституцией РФ возможность парламента преодолеть вето Президента, поскольку теперь половина членов Совета Федерации назначается туда главами субъектов РФ, которые напрямую подчиняются Президенту РФ и которые поэтому в любой момент могут быть сняты со своей должности последним. Теоретически можно представить ситуацию, когда за все время работы Федерального Собрания РФ Президент РФ не позволит ему принять ни одного закона, накладывая на них вето (которое теперь уже невозможно больше преодолеть, так как «преодолевать» его должны будут подчиняющиеся ему практически напрямую чиновники), и в таком случае ему самому придется принимать так называемые нормативные Указы, восполняющие образовавшиеся в связи с этим пробелы в законодательстве. Конституционным судом РФ отменены такие фундаментальные основания конституционного строя, как разделение властей и народовластие: приоритет отдан однажды избранному руководителю

исполнительной ветви власти – Президенту РФ (который теперь, «в новых условиях», обладает такими мощными полномочиями, что сможет легко использовать их, чтобы оставаться у власти под разными наименованиями неопределенно долгое время, в том числе и пожизненно). Ущемление избирательных прав граждан, приоритет закона над Конституцией РФ, умаление самим Конституционным Судом РФ прав человека (что прямо запрещено Конституцией РФ), нарушение принципа «никто не может передать другому прав больше тех, которыми обладает сам» (когда один субъект наделяет другого правами, которыми сам не обладает) и прочие подобные юридические несуразности оправдываются нашим Конституционным Судом новым «духом времени» (аргумент, скорее, из области плохой художественной литературы, но не из круга возможных мотивов при обосновании принятого судебного решения)¹².

Все это подводит нас к не простой дилемме в рамках сравнительного правоведения: что считать более важным, прогрессивным и полезным для общества, когда мы сравниваем различные институты – красиво написанный текст Основного Закона (как это уже было, например, в случае с Конституцией СССР 1936 года), который никем не исполняется (в части, например, юридических возможностей Конституционного Суда РФ признать неконституционными внесенные Президентом РФ неконституционные поправки к закону), либо менее демократичный, но строго соблюдаемый в юридической практике механизм защиты прав и свобод граждан, как это имеет место с рассмотренным институтом конституционного контроля Франции?

¹² Особые мнения судей В. Г. Ярославцева и А. Л. Кононова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

Российская правовая система: проблемы ее понимания и развития в современных условиях

В российской правовой науке сформировалось несколько подходов к пониманию категории правовой системы, вплоть до ее полного отрицания как совпадающей по своему содержанию с общим понятием права¹.

Однако большинство исследователей (С. С. Алексеев, М. И. Байтин, Н. И. Матузов, А. Ф. Черданцев, В. В. Сорокин, Н. А. Богданова, С. Ю. Марочкин и др.) понимают правовую систему как синтезированную категорию, отражающую весь комплекс юридических явлений, сформировавшихся в обществе². Подход к пониманию правовой системы через конструкцию всей совокупности правовых явлений в обществе можно признать господствующим в российской теоретической правовой науке. Так, С. С. Алексеев особо обращает внимание на то, что определение правовой системы призвано не только дать структурную характеристику правовой действительности, ее общую конструкцию, но и отразить генетический аспект системы, в данном случае – роль и соотношение правотворчества и правоприменительной деятельности компетентных органов³.

В коллективной монографии, посвященной рассматриваемой проблеме, В. Н. Кудрявцев, А. М. Васильев, В. П. Казимирчук категорию правовой системы связывают с тем, что она «дает возможность не только охватить собой весь комплекс правовых яв-

* *Михаил Николаевич Семякин* – д-р юрид. наук, профессор, завкафедрой частного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Коммуникативная концепция права: вопросы теории. Обсуждение монографии А. В. Полякова. СПб., 2003. С. 116; *Нерсесян В. С.* Общая теория права и государства: Учебник для вузов. М., 1999. С. 450.

² См., например: *Алексеев С. С.* Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 90; *Байтин М. И.* Сущность права. М., 2005. С. 183; *Сорокин В. В.* Правовая система переходного периода: теоретические проблемы. М., 2003. С. 30–31.

³ *Алексеев С. С.* Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 31.

лений, но и представить в системах связи организацию и взаимодействие всего правового как особого феномена нашей общественной жизни»⁴. В принципе, с таких же широких позиций подходит к пониманию данной категории М. И. Байтин, определяющий ее «как совокупность внутренне организованных и взаимосвязанных, социально однородных и устремленных, в конечном счете, к общим целям, правовых явлений данного общества, каждое из которых выполняет свою специфическую роль в правовом регулировании или выходящем за его пределы правовом воздействии на общественные отношения»⁵.

По мнению французского социолога права Жана Карбонье к понятию «правовая система» прибегают «для того, чтобы охватить весь комплекс юридических явлений...». Развивая эту мысль далее, он писал: «Все юридические явления данного общества, существующие в одно и то же время на одном и том же пространстве, взаимосвязаны отношениями общности, которые и объединяют их в систему»⁶. Образно выражая свою мысль, он говорит «о правовой системе как вместилище, средоточении разнообразных юридических явлений»⁷.

При рассмотрении правовой системы с широких позиций закономерно возникает вопрос: все ли правовые явления жизни общества могут быть включены в содержание данной категории? В частности, охватываются ли рассматриваемым понятием не только положительные, но и отрицательные юридические явления? С методологических позиций ответ на этот вопрос непосредственно связан с поиском критерия относимости тех или иных правовых явлений к содержанию правовой системы.

Исходя из предпосылки о том, что «не все, что находится внутри объекта и тесно с ним связано, является его элементом»; «элемент – это необходимая, функциональная единица системы», В. В. Сорокин сделал вывод о том, «что негативные правовые явления (правонарушения и т. п.) на роль необходимых, функциональных единиц правовой системы явно не подходят»⁸. Уточняя

⁴ Правовая система социализма: В 2 кн. / Отв. ред. А. М. Васильев. М., 1986. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи. С. 32.

⁵ *Байтин М. И.* Указ. соч. С. 183.

⁶ *Карбонье Ж.* Юридическая социология: Пер. с франц. М., 1986. С. 177.

⁷ Там же. С. 197.

⁸ *Сорокин В. В.* Указ. соч. С. 30.

эту мысль, автор далее обращает внимание на то, что «из всего обилия правовых явлений к элементам правовой системы целесообразнее относить то, что необходимо для эффективного процесса правового воздействия на общественную жизнь, для целенаправленного благотворного влияния на сознание и поведение субъектов права»⁹.

Однако, как нам представляется, это положение несколько не согласуется с выводом, сделанным автором ниже, о том, что все же «в объем понятия правовой системы можно включать и негативные юридические явления, но лишь те, которые неотъемлемо характеризуют элемент правовой системы как необходимую, функциональную единицу системы и составляют ее непосредственно содержание»¹⁰. К таким негативным явлениям он, в частности, относит пробельность права, правовой нигилизм и некоторые другие феномены¹¹, которые явно не направлены на повышение «эффективности правового воздействия на общественную жизнь» и не оказывают «благотворного влияния на сознание и поведение субъектов права», то есть тем критериям, в соответствии с которыми те или иные правовые явления, по мнению автора, могут быть отнесены к содержанию правовой системы.

Очевидно, названные критерии нуждаются в некоторых уточнениях и дополнениях. Думается, что в качестве критериев отнесения тех или иных феноменов к содержанию правовой системы, могут выступать, по меньшей мере, два момента:

а) явление должно носить правовой характер, то есть относиться к роду права;

б) наличие тесной, устойчивой связи его с правовой системой, в рамках которой оно выполняет свои определенные, специфические функции.

Современная правовая система – достаточно сложное, динамичное явление социально-правовой действительности, подверженное влиянию различного рода глобализационных процессов – экономических, политических, идеологических и других. И здесь объективно возникает одна из сложных современных проблем – необходимость обеспечения соотношения национальных и универсальных элементов в правовой системе Российской Федерации.

Отвлекаясь в данном случае от конкретных рекомендаций, представляется необходимым заметить, что правильное направление решения данной проблемы связано с необходимостью обеспечения органического, эффективного сочетания обоих указанных элементов, что будет способствовать существенному обогащению нашей правовой системы и позволит ей занять достойное место среди аналогичных цивилизованных правовых систем.

⁹ Сорокин В. В. Указ. соч. С. 30–31.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же.

А. В. Скоробогатов*, И. В. Покидышева**

К вопросу об определении правового статуса национальных меньшинств в законодательстве Российской Федерации***

В настоящее время все большее значение в современной системе правоотношений приобретает определение правового статуса групп и лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Для определения этого понятия необходимо обратиться к категориальному аппарату теории государства и права. Однако в современной теории государства и права существуют различные взгляды на категорию «правовой статус». Среди множества определений правового статуса наиболее распространенным является следующее: под правовым статусом понимается совокупность прав и свобод, обязанностей и ответственности личности, устанавливающих ее правовое положение в обществе.

Наделению национальных меньшинств особым правовым статусом препятствует отсутствие стройной системы понятийно-категориального аппарата в сфере национальных отношений. Современное российское законодательство до сих пор не закрепило четкого определения категории «национальные меньшинства», хотя употребление данного термина в нормативных правовых актах свидетельствует о признании за ним юридической силы. Признавая имплементацию общепризнанных принципов и норм международного права в российскую правовую систему, обратимся для определения данной категории к международному опыту правового регулирования в этой сфере.

* **Андрей Валерьевич Скоробогатов** – д-р истор. наук, доцент, завкафедрой теории и истории государства и права Института экономики, управления и права (г. Казань).

** **Ирина Викторовна Покидышева** – студентка Института экономики, управления и права (г. Казань).

*** Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 07-03-29302а/В.

© А. В. Скоробогатов, И. В. Покидышева, 2008

Международный Пакт «О гражданских и политических правах»¹ закрепляет следующее определение понятия «национальное меньшинство»: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» (ст. 27). Данный документ является основой для многочисленных международных актов, закрепляющих права меньшинств. Нельзя сказать, что данные акты отличаются согласованностью и единообразием, в частности, не все из них признают коллективные права национальных меньшинств.

Подписанная 21 октября 1994 г. в рамках СНГ Конвенция «Об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам»² закрепила в ст. 1, что под национальными меньшинствами понимаются «лица, постоянно проживающие на территории одной Договаривающейся Стороны и имеющие ее гражданство, которые по своему этническому происхождению, языку, культуре, религии или традициям отличаются от основного населения данной Договаривающейся Стороны»³.

Однако международные правовые акты и договоры, на категориальный аппарат которых опирается российский законодатель, не отвечают историко-политической обстановке, в которой находится российское государство. Являясь федеративным государством, оно хотя и имеет в своем составе субъекты федерации – равноправные территориальные единицы (*de facto*), но делится на республики, области, края и т. д., которые по своему этническому составу являются разнообразными как и урегулированность национальных отношений в них (*de jure*). Во-вторых, принятые в международных документах понятия не соответствуют лингвистиче-

¹ Международный Пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5–11.

² Конвенция «Об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» от 21 октября 1994 г. // Дипломатический вестник. 1994 г. № 21–22. С. 43–46.

³ Этот документ является знаковым ввиду того, что он закрепляет законодательное определение в то время, как из остальных международных актов оно выявляется опосредованно. Данная Конвенция не вступила в силу для России, однако Россия была одной из Договаривающихся Сторон.

скому многообразию этно-национальных терминов на русском языке, используемых во внутригосударственном праве, которые отличаются специфическими характеристиками, что приводит к разногласиям при сопоставлении международно-правовых норм (пусть даже сверенных и согласованных с вариантами на других языках) с российскими.

Это обуславливает необходимость определения правового статуса национальных меньшинств через анализ правоотношений в национальной сфере. При этом необходимо учитывать, что субъектами подобных правоотношений являются не только национальные меньшинства, но и коренные малочисленные народы, беженцы, вынужденные переселенцы, мигранты. Поскольку правовое регулирование и защита мигрантов, беженцев, вынужденных переселенцев, коренных малочисленных народов обеспечивается рядом специальных законов, неопределенность правового статуса собственно национальных меньшинств и его законодательная незакреплённость нам видится пробелом законодательства.

Мы категорически не согласны с существующим мнением, что коренные малочисленные народы «составляют небольшую часть национальных меньшинств в нашей стране»⁴. Коренные малочисленные народы составляют самостоятельную категорию граждан России. Данные группы не могут попадать под статус национальных меньшинств, ввиду того, что малочисленные коренные народы проживают на территории своего традиционного обитания. Национальные меньшинства же не проживают на территориях традиционного обитания и находятся в иноэтнической среде с доминантой другого (других) народов.

Поскольку российское законодательство не указывает территориальность при определении национальных меньшинств, нам видится целесообразным говорить о территории субъекта Российской Федерации. Протяжённость территории России не позволяет говорить о недоминировании и меньшинстве какой-либо группы применительно ко всему государству, поскольку данная группа может быть меньшинством в стране и большинством в субъекте, ведя там дискриминационную политику по отношению к фактическому меньшинству субъекта.

⁴ *Крылов Б. С.* Проблемы защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Журнал российского права. 2001. № 8. С. 21.

Важнейшим критерием при определении национальных меньшинств является численность. Хотя нормативно не определено соотношение численности этнической группы к численности титульного или доминирующего этноса, позволяющей отнести ее к национальному меньшинству, на практике к таковым относят группы, составляющие менее 5 % населения субъекта Российской Федерации.

Проведенный авторами анализ международного и российского законодательства (как федерального, так и законодательства субъектов)⁵ позволяет определить дефиницию понятия «национальное меньшинство», дающую возможность раскрыть их правовой статус: под национальными меньшинствами следует понимать лиц или групп лиц, являющихся гражданами Российской Федерации,

⁵ Подробнее см: *Скоробогатов А. В., Титова Т. А.* Регулирование этнолингвистической сферы в Республике Татарстан и защита прав национальных меньшинств // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 2; *Скоробогатов А. В., Титова Т. А., Покидышева И. В.* Правовой статус лиц и групп, относящихся к национальным меньшинствам // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика: Материалы VIII Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2007 г. / Под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2007. Ч. 1; *Покидышева И. В.* К вопросу о понятии «национальные меньшинства» в российском законодательстве // Россия: варианты и сценарии развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов (г. Казань, 21 декабря 2007 г. Казань: Познание, 2007. Т. 1; *Покидышева И. В.* Законодательное закрепление статуса национальных меньшинств в Российской Федерации // Проблемы современного российского общества: содержание и пути решения: Материалы Региональной научно-практической конференции. Казань: Таглитат, 2007; *Покидышева И. В.* Защита прав национальных меньшинств в языковой сфере (опыт Республики Татарстан) // Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе: публичная сфера и повседневность: Сборник работ Восьмого конкурса молодых ученых и студентов памяти Галины Васильевны Старовойтовой «ГАЛАТЕЯ» / Под ред. проф. В. Я. Гельмана. СПб: Норма, 2007; *Покидышева И. В.* Проблемы развития законодательства в сфере определения прав национальных меньшинств // Россия и регионы в XXI в.: Проблемы и перспективы развития законодательства и правоприменительной практики: Материалы II Международной научно-практической конференции / Сост. Р. А. Сакулин, С. А. Алексеев. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2007.

проживающих на территории Российской Федерации, находящихся в недоминирующем положении и значительном меньшинстве к основному населению субъекта Российской Федерации, отличающихся от этого населения культурой, языком, традициями и другими национальными особенностями, являющихся самобытными и признающих себя национальным меньшинством. По нашему мнению, данную дефиницию необходимо закрепить в специальном федеральном конституционном законе.

М. В. Снегирёва*

Ограничение конституционных прав лиц, не имеющих регистрации по месту жительства

Вопросы правовой культуры являются традиционными в научно-исследовательской литературе, находятся в центре острых дискуссий в обществе. Многочисленные реформы последних лет «привили россиянам стойкий иммунитет к всевозможным изменениям и нововведениям, обострив инстинкт самосохранения и апатию к политической сфере» [1. С. 26]. Правовая культура общества, значительной ее части – молодежи, нуждается в системном подходе, рациональном формировании и позитивном социальном развитии.

Российские социологи и политологи давно бьют тревогу по поводу электоральной активности граждан. Причин много. «На снижение общественной активности избирателей и протестное голосование влияют следующие факторы: 1) региональные отделения многих политических партий не имеют своих подразделений в небольших городах и районах, вся работа и актив сосредоточены в административных центрах; 2) у партий на местах нет авторитетных лидеров и конструктивных программ, привлекательных для избирателей; 3) низкий авторитет партий в обществе с учетом исторических реалий, несменяемость их лидеров; 4) негативное отношение части электората к представительной власти, проводящей непопулярные реформы в социальной сфере; 4) невыполнение политиками взятых на себя во время выборов обещаний; 5) «грязные» избирательные технологии, «черный» пиар; 6) использование административного ресурса» [2. С. 156]; 7) отсутствие подлинной политической конкуренции в стране; 8) наличие затруднений при вхождении молодых в политику.

* **Мария Васильевна Снегирёва** – ст. преподаватель кафедры правового и документационного обеспечения управления Института педагогической юриспруденции РГППУ (г. Екатеринбург).

Остается острой проблема пассивности молодежи. Вирус правового нигилизма, зароненный подковерной игрой коррумпированных политиков и чиновников, охватывает молодых. Депутат Госдумы РФ Ю. П. Сентюрин считает: «Ситуация с аполитичностью молодежи – часть общей картины, характерной для нынешнего состояния нашего общества. С той лишь разницей, что в среде молодых людей безразличие к демократическим процедурам носит более выраженный характер. ...Причина в том, что участники выборов зачастую не акцентируют в своих программах внимания на молодежной политике».

Важен первый положительный опыт молодого избирателя. Опрос студентов показал, что некоторые из них были приглашены на избирательные участки открыткой, в день выборов их поздравляли, подарили небольшие сувениры, книги, коробки конфет и т. д. Члены избиркомов постарались сделать этот день особым в жизни молодого человека, помогли почувствовать, что он гражданин страны и от его голоса зависит, кто будет принимать законы и правила, по которым придется жить всей стране или конкретному муниципальному образованию.

У других студентов опыт был менее удачным. В списках избирателей они себя не нашли (следовательно, списки были составлены недобросовестно), разговаривали с ними грубо (отсутствие общей культуры), вопрос о возможности проголосования решался долго (недостаточная подготовленность членов участковых избирательных комиссий, незнание ими избирательного кодекса и избирательного процесса). В следующий раз человек, испытавший равнодушное отношение к себе, на избирательный участок не придет.

В 18 лет на выборы могут не прийти и по другим причинам. Молодые люди едут учиться в крупные города, одни устраиваются в общежитии и регистрируются, другие снимают жилье, но хозяева неохотно регистрируют их пребывание. Процедура затянута по времени, в ней собственник жилья часто не заинтересован. Студенты из провинции, выписавшись из родительского дома, надеются зарегистрировать свое пребывание там, где они получают образование, планируют начать работать. Но это сложно реализовать. Трудовой кодекс разрешает гражданам трудоустройство без «прописки», но практически все рекрутинговые агентства в числе главных условий требуют городскую регистрацию. Региональные газеты и журналы («Свежие объявления», «Работа-Урал», «Из рук в руки» и др.) в своих объявлениях это требование не указывают, но

в первой телефонной беседе, до официального собеседования в отделе кадров, говорят об этом. Большая часть учащейся молодежи «зависает» в полулегальном положении: из родного дома уехали, а нового дома, хотя бы временного, не приобрели. Многие студенты живут так годами. Если их сверстники имеют широкий спектр конституционных прав, то проживающие без регистрации обучающиеся урезаны в них, а именно: 1) не могут участвовать в управлении делами государства; 2) избирать и быть избранными; 3) заниматься предпринимательской деятельностью; 4) выезжать за пределы России; 5) получать корреспонденцию; 6) открывать банковские вклады и брать кредиты; 7) быть поручителями других лиц при осуществлении банковских операций; 8) приобретать в собственность недвижимость; 9) иметь полноценную медицинскую помощь...

Студенты дневных отделений вузов обучаются 5–6 лет (например, студенты-медики имеют удлиненный срок обучения), некоторые из них становятся аспирантами, но продолжают жить в съемных квартирах на птичьих правах. Выборы всех уровней власти проходят 2–3 раза за период их обучения. Молодые избиратели – это потенциально грамотные граждане, хорошо разбирающиеся в федеративном устройстве государства, в функциях и полномочиях всех ветвей власти, в политических процессах и существующих партиях. Но именно они иногда лишены комплекса политических прав, определяющих статус человека как участника общественно-политических отношений. Еще одна категория избирателей – молодые супруги, вынужденные снимать жилье, в этом случае вновь повторяется ситуация, как у студентов. Иногда они живут у родителей одного из супругов, где родственники не всегда готовы зарегистрировать пребывание нового члена семьи. Такая ситуация может длиться годами. Реальная жизнь вносит свои коррективы в электоральные процессы.

Мнение российской гражданки Ирины М. (26 лет): «С мужем живем в съемной квартире в г. Екатеринбурге, голосовала 1 раз в 18 лет, когда жила в общежитии колледжа, потом голосовать не могла, зарегистрирована в области у мамы; у мужа, которому 29 лет, ситуация такая же. Голосовать пошла бы, а то чувствую себя какой-то ненужной, незначительной...»

Особняком стоит такая категория российских граждан – юноши 18–27 лет, осознанно проживающие не по месту своей регистрации либо вовсе не регистрирующие свое пребывание, с целью

скрыться от военных комиссариатов и избежать призыва в ряды российской армии. Бывает, что их фамилии не всегда своевременно вносятся в списки избирателей, сами призывники не являются активными избирателями, часто далеки от политических процессов, происходящих в российском обществе.

Мнение российского гражданина Сергея С. (23 года): «Ни разу не голосовал. С 17 лет учился в университете, проживал в квартире умершей бабушки, родители занимались обменом жилья, поэтому был прописан в поселке по прежнему месту жительства, где состоял на воинском учете. После университета работаю в Екатеринбурге, в городской регистрации не заинтересован, имею отсрочку от армии. К избирательным процессам равнодушен».

К сожалению, молодые избиратели не используют всех возможностей, предоставляемых новым порядком выборов, немалая часть молодежи все еще остается пассивной.

Эффективность избирательных процессов целиком зависит от степени взаимодействия государственных и муниципальных органов с российскими гражданами, а не от силы принуждения, манипулирования или использования административного ресурса. «Современные законотворческие процессы непременно должны опираться на глубокие, серьезные теоретические изыскания, тесно связанные с реалиями российской действительности, с имеющейся международной практикой, при этом ставить во главу угла гражданина, его права и свободы» [2. С. 157].

Избирательный процесс – элемент демократической организации общества, государства; вовлечение и деятельность в нем молодых – залог успешного развития страны в будущем.

Литература

1. Коваленко Е. Н. Вариации на тему политической реформы в России // Политическая, административная и образовательная реформы в РФ: пути взаимовлияния: Международная конференция: Сборник статей / Отв. ред. профессор Б. П. Гуселетов, сост. Ю. В. Идова. – Екатеринбург: УрАГС, 2006. – С. 26–33.

2. Снегирёва М. В. Использование административного ресурса – существенный фактор снижения общественной активности избирателей // Политическая, административная и образовательная реформы в Российской Федерации: пути взаимовлияния: Международная конференция: Сборник статей / Отв. ред. профессор Б. П. Гуселетов, сост. Ю. В. Идова. – Екатеринбург: УрАГС, 2006. – С. 154–157.

Н. Ю. Старикова*

Формирование предправовых представлений в славянской мифологии

Сегодня уже признанным является изучение правовой культуры, основываясь на ее наиболее древних мифологических и обрядовых пластах. Конечно, мифология еще не может предложить нам развитую систему регулирования отношений, однако мифы, будучи синкретичной формой осмысления окружающего мира, формируют образы и мотивы, из которых позднее развиваются регулятивные и охранительные правовые механизмы. Иными словами, мифы образуют так называемое «предправо» – основу будущих правовых институтов.

Используя такой исследовательский подход, можно проследить генезис правовых категорий, их смысловое наполнение, социальное значение. Кроме того, изучение ранних истоков права позволяет объяснить особенности его развития и современного состояния. В связи с этим обоснованным является обращение к анализу предправовых регулятивных и охранительных сюжетов в славянской мифологии. Сразу необходимо отметить, что в славянской мифологической традиции мы не найдем такой развитой системы предправовых сюжетов и представлений, как, например, в шумеро-аккадской, египетской или греческой мифологических традициях, чему есть много причин социального, экономического и политического характера. Вместе с тем, славянская мифологическая и, шире, мифопоэтическая традиция не лишена образов, через которые происходит осознание принципов и правил регулирования взаимодействия между людьми. Этот тезис подтверждает целый ряд ученых. В русской историко-правовой науке досоветского периода были известны работы М. Ф. Владимирского-Буданова, который приводит целый ряд юридических пословиц, «из которых некоторые позднее стали формой закона, а многие уцелели до наших дней со времен древнейших» [2. С.110]. В советский период известность

* **Наталья Юрьевна Старикова** – ст. преподаватель кафедры социально-политических наук УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

получило исследование лингвистов Иванова В. В. и Топорова В. Н., установивших, что праславянская лексика VI в. уже содержала все основные понятия, относящиеся к суду и судопроизводству. Однако наибольшее количество исследований, посвященных мифопоэтическим корням права, проводится в последние годы. Среди них можно назвать работы А. П. Семитко [8, 9], В. В. Кулыгина [4], А. С. Кайсарова, Г. А. Глинки, Б. А. Рыбакова [3], А. И. Асова [1].

Анализ славянской мифопоэтической традиции позволяет выделить две группы объектов, формирующих предправо. Первая группа – это божества – покровительствующие установлению порядка, соблюдению обычаев и правил. Вторая группа – образы и представления, направленные на охрану порядка, на определение оснований ответственности.

Обратимся к славянскому пантеону. Традиционно верховным божеством славянского пантеона считается Перун – бог-громовник, покровитель древнерусской княжеской дружины, с ним связывается соблюдение обычаев поведения, гарантия исполнения соглашений и клятв. Так, Лаврентьевская летопись 971 года свидетельствует, что русские воины, заключая договор с Византией, «по русскому закону клялись оружием своим и Перуном богом своим» [5. С. 15]. Вместе с тем, Перун не был единственным богом, чьи заветы упорядочивали жизнь древних славян. В уже упомянутой нами летописи говорится, что княжеская дружина клялась оружием и Перуном, а «Русь вся» (иначе говоря, народ) – Волосом [5. С. 19]. Богу Волосу (Велесу) поклонялись на всей восточнославянской территории. В Киеве идол Волоса стоял не на княжеском холме, а внизу – в городе, на Подоле. Можно предположить, что такое расположение бога подчеркивало его особую роль в гражданских делах. Действительно, в отличие от Перуна, который царил в верхней части мирового пространства, на небе, Волос властвовал в нижней части [5. С. 19].

Древнерусские источники постоянно называют Волоса «скотным богом». Значит, этот бог покровительствовал хозяйству и, прежде всего, скотоводству. В Древней Руси скот, как и хлеб, был самой жизнью, олицетворением производящих сил, плодородия, богатства, а также важным объектом торговли. Недаром о состоятельности человека судили по количеству скота, которым он владел. Поэтому небезосновательной кажется точка зрения, согласно которой, Волоса можно считать не только богом скотоводов, но и

богом торговли и богатства [5. С. 20]. Естественно, что в этой своей функции Волос не мог не покровительствовать имущественному обороту, а значит и определенным образом его регулировать (например, путем скрепления соглашений, обязательств и т. п.). Однако Волос при всей его значимости для древних славян являлся скорее «практическим богом», так как освящал хозяйственные отношения, благосостояние людей и не был связан с установлением порядка вообще, с сакрализацией тех принципов, которые определяют взаимодействие в социальном коллективе на основе добра, разума, взаимного соблюдения интересов. В связи с этой особенностью интерес представляет фигура еще одного бога – Сварога (Сварожича), который считался покровителем огня. Отношение к огню как к духу, который требует к себе уважения, не терпит небрежения, а в противном случае жестоко мстит, наблюдается на протяжении всего языческого этапа славянской мифопоэтической традиции. У восточных славян имелся даже целый свод предписаний, как обращаться с огнем, чтобы не разгневать его [5. С. 28]. Но речь в данном случае идет не только о поиске расположения божества, от которого зависит тепло, наличие пищи и, в конечном итоге, выживание человека. Сварог-огонь – олицетворение света, благополучия, и, следовательно, нормального течения жизни, ее порядка. Данный тезис поддерживает, например, исследователь «Велесовой книги» академик Ю. К. Бегунов. Он отмечает, что наши языческие предки делили мир на три основные субстанции: Явь, Навь и Правь. Явь – это видимый, материальный мир. Навь – мир нематериальный, потусторонний. Правь (отсюда – правда) – это истина, или законы Сварога, управляющие всем миром и, в первую очередь, Явью [3. С. 250]. А. Асов считает, что следование Пути Прави было сутью древнеславянского вероисповедания, [1. С. 16] и приводит известный мифологический сюжет о поединке Сварога с Черным Змеем (олицетворение беспорядка), в результате которого Земля была поделена на царство Яви и царство Нави [1. С. 26]. Хранительницей же тайны Прави стала великая богиня – небесная мать Мокошь. «Она следит за соблюдением обычаев и обрядов... дает свободу выбора между добром и злом, где добро – суть следование Пути Прави, а зло – отклонение от него» [1. С. 38].

Помимо божеств, покровительствующих регулятивным нормам (обычаям, правилам, обрядам), в славянской мифологии существовал и бог, отвечавший за охрану этих норм, правосудие и наказание нарушителей. Имя этого бога Прове (Прово, Прону).

Свое имя Прове получил от индоевропейского языкового корня «вед» – знание, видение, отсюда и эпитеты бога «про-вещающий», «про-ведающий», «проникающий», «прознающий», «пророчествующий». Прове изображался в облике старца в длинных одеждах с большим числом складок, в которых – тайны мудрых решений и предугадать их никому не дано. На шее у него висела цепь: символ, с одной стороны, причинно-следственных связей и ответственности, следующей за проступками; с другой – процесса расследования с его последовательностью в распутывании деяний, ибо, перебирая одно звено за другим, Прове добирался до истины и виновника. Цепь также демонстрировала последовательность самого бога, который не оставляет ни одного дела незавершенным и всегда наказывает нарушителя. В одной руке Прове держал обломок камня (символ преступления и обвинения), в другой – копье (знак неотвратимости наказания). Еще одна характерная черта облика бога – длинные уши: знак того, что от Прове ничего невозможно скрыть! Символическая характеристика Прове может быть дополнена его описанием, изложенным в «Саксонской хронике»: «В Ольденбурге был бог, именовавшийся Прове, и он стоял на дубовом столбе, и имел в руке красное железо испытаний, и длинные уши, и пару сапог, а под ногой – колокол» [10]. Как видим, связь Прове с охраной и защитой существующих в обществе правил поведения выражена достаточно однозначно: здесь и сапоги, символизирующие вероятно быстроту и вездесущность бога, и колокол – отражающий огласку любого преступления (невозможность его сокрытия), и железо испытаний, подтверждающее неотвратимость расследования и тяжесть наказания.

Интересно также отметить, что вокруг Прове на земле стояли двух-, трех- и четырехликие идолы: они во все глаза должны были следить за поступками людей и особенно за теми, кто нарушал закон и волю бога.

Наконец, еще одна важная деталь: бог стоит на дубовом столбе. Дуб традиционно символизирует власть, крепость, твердость убеждений и благородство, а возвышенное положение (на столбе) – высоту статуса и исполняемой миссии, неучастие в мирской суете. Интересно, что родственное латинскому слову *lex* (закон) слово *illex* означает именно падуб, каменный дуб [11]. Эта последняя деталь очень важна для понимания роли, которую Прове играл в жизни древних славян. Дело в том, что Прове не относится к числу известных богов, более того, считается, что он занимает в пантеоне достаточно скромное место. Рискнем предположить, что это было

не так. Обратим внимание, что Прове стоит именно на дубовом столбе (нередко Прове считали также покровителем дубовых рощ), а дуб всегда отождествлялся с Перуном и его властью, поэтому существует версия, что Прове – ипостась Перуна (Пров – искаженное от *prav* «правый, справедливый» [6. С. 337], «специализирующаяся» на охране порядка. Это предположение подтверждается и тем фактом, что, например, у поморов Прове считался вторым по значимости богом в пантеоне.

Таким образом, в славянской мифологии присутствует целый ряд образов, ответственных за установление порядка, его регулирование и защиту. Как отмечает М. Ф. Владимирский-Буданов, именно эти древнейшие представления, берущие свое начало в фольклорных истоках формируют в будущем категории обычного права такие как «правда», «суд», «ряд», «пошлина» (то, что пошло издавна), «вира», «закон» [2. С. 109; 7. С. 47].

Литература

1. Асов А. И. Златая цепь. Мифы и легенды древних славян. – М., 1998.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995.
3. Кайсаров А. С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А. Мифы древних славян. Велесова книга. – Саратов, 1993.
4. Кулыгин В. В. От Пути Прави к Русской Правде: этапы правовогенеза восточнославянского этноса // Правоведение. – 1999. – № 4.
5. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. – М.: Астрель: АСТ, 2006.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2.
7. Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. – М., 1988.
8. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА: Изд-во Гуманитарного университета, 1996.
9. Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. – 1992. – № 10.
10. Боги правосудия. <http://destiny-375.narod.ru/PRAVO>
11. Прове – славянский бог правосудия. <http://mirnot.narod.ru>

Принципы договора и их возникновение в архаических мифах

Формирование правовых институтов длительный процесс, зависящий от множества экономических, политических, иных факторов. Вместе с тем, ни один правовой институт не может возникнуть без предварительного оформления определенных базовых представлений в сознании людей. Такие представления возникают уже на уровне архаического сознания в тех образах, категориях, правилах, которые упорядочивают жизнедеятельность людей. Так, А. Чебышев-Дмитриев проводит параллели между правом и поэзией народа, которые, «будучи голосом предания, идущего от времен незапамятных», обладали для всего общества и каждого его члена силой «святого завета предков» [4. С. 35–46]. Предания, заветы, в свою очередь, являются элементами более широкой мифологической традиции. Иными словами, основания правовых институтов лежат в глубинных, мифологических пластах менталитета народа.

Одним из примеров такого рода является институт договора (соглашения, обязательства), истоки которого можно обнаружить во многих мифологических системах. Так, уже в рамках одной из наиболее ранних мифологий, шумеро-аккадской, можно обнаружить сюжет, повествующий о значимости договора для регулирования взаимодействия между людьми. В шумерском мифе, рассказывающем о передаче божественных законов *Ме* от бога Энки к покровительнице города Урук Инанне, говорится, что Энки, вначале подарив *Ме*, затем передумал и попытался их отнять. Это встречает сопротивление Инанны, которая бранит Энки за нарушение слова и клятвы и обращается за помощью к своему советнику богу Ниншубуру, что приводит к возвращению *Ме* Инанне. Таким образом, в мифе ясно показано, что соглашение является нерушимым актом и не может быть изменено силовыми действиями одной из сторон.

* *Наталья Юрьевна Старикова* – ст. преподаватель кафедры социально-политических наук УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Важность договора обозначена и в скандинавском мифе, повествующем о спасении Мирового Порядка богом мудрости Тюр. Когда чудовищный волк Фенрир, символизирующий разрушительные силы Хаоса, угрожал разрушить Асгард, крепость богов, и уничтожить последних, боги изготовили магические путы и хотели связать волка, обещая ему, что эти путы он легко сможет сорвать. Но волк, чуя подвох, не соглашался. И тогда Тюр вложил свою правую руку в пасть волка в качестве залога. Волк был связан и, поняв, что не сможет освободиться, откусил руку Тюра. Так боги и мировой Порядок были спасены, но Тюр пожертвовал рукой [2. С. 536]. Как видим, данный миф подчеркивает особую значимость договора как основы миропорядка, при этом его роль в регулировании взаимоотношений настолько существенна, что даже силы Хаоса признают силу соглашения. Однако договор предполагает добрую волю обеих сторон, поэтому Тюр, фактически обманувший Фенрира, понес ущерб. Основываясь на том, что в дальнейшем никаких действий в отношении Фенрира, согласно сюжету мифа, не последовало, можно сделать вывод, что такое «удержание залога» у Тюра архаичным сознанием воспринималось как справедливая мера.

Пожалуй, наиболее полно идея соглашения и взаимного уважения интересов получила развитие в греческой мифологии. Среди множества сюжетов показательным здесь является миф о похищении Персефоны Аидом. Напомним, что согласно гомеровскому гимну, владыка подземного царства Аид, увидев однажды дочь Деметры (покровительницы плодородия), прекрасную Персефону, пленился красотой богини и похитил ее. Деметра, пребывая в горе от разлуки с любимой дочерью, покинула богов. Всякий рост на земле прекратился. Не было плодов в садах, засохли зеленые виноградники, прежде плодородные нивы были пусты. Замерла жизнь на земле. Голод царил всюду. Чтобы уберечь природу и людей от гибели, Зевс повелевает Аиду отпустить Персефону, тот соглашается, но предварительно дает Персефоне проглотить зерно плода граната, символ брака и залог ее возвращения. Персефона с Деметрой вновь восходят на Олимп, и Зевс решает, что две трети года Персефона будет жить с матерью, а на одну треть – возвращаться к мужу своему Аиду [1. С. 365]. Таким образом, пожелания каждой заинтересованной стороны учтены и даже определена длительность полномочий. А скрепление соглашения волей Зевса показывает его нерасторжимость.

С феноменом договора непосредственно связан еще один важный регулятивный элемент – клятва. Известно, что клятва издревле

означала торжественное обещание или уверение [3. С. 279], при этом клятва является нерушимым обязательством, неисполнение которого способно привести к негативным последствиям в отношении как самого нарушителя обета, так и всего социального коллектива.

Идея ценности клятвы и необходимости ее выполнения каждым субъектом также представлена во множестве мифологических сюжетов. Уже в шумеро-аккадской мифологии можно обнаружить, по крайней мере, двух богов-покровителей клятв – аннунаков и Уту-Шамаша. Показательно, что аннунаки относятся к первому поколению богов, еще непосредственно связанных с земными, природными силами, однако даже у них одна из главных функций – скрепление клятв. На основании этого можно предположить, что уже на самых ранних стадиях формирования общества клятва оценивалась как значимый регулятивный инструмент.

Аналогичную функцию гаранта клятвы (как собственно и соглашения) выполняли иранский Митра, индийский Варуна, римский Юпитер, то есть высшие божества своих пантеонов. Важно также отметить, что роль обязательства в некоторых мифологиях оценивается настолько высоко, что даже боги скрепляют свои слова клятвой: например, олимпийские боги клянутся водами подземной реки Стикса, которая выступает символом невозможности возврата, а следовательно, нерушимости обета.

Таким образом, соглашения, обязательства, клятвы трактуются мифологическим сознанием как безусловно значимые регулятивные элементы, о чем и свидетельствуют приведенные нами выше примеры. Освящение верности обязательствам позволяло ограничивать возможный произвол тех индивидов, которые обладали большей силой и могли ущемить интересы своих более слабых соплеменников. К тому же соблюдение обязательств также способствовало ясности и предсказуемости отношений в коллективе. Именно поэтому исполнение обетов и соглашений переходит в ряд обязательных нормативных требований, предъявляемых к человеческому поведению.

Вместе с тем, соблюдение обязательств становится невозможным без одного существенного условия – честности и правдивости сторон.

Негативной оценке обмана, его вредным последствиям также посвящено много мифологических сюжетов. Так, в мифе о царе Тантале помимо прочего рассказывается, как Тантал укрыл у себя похищенную золотую собаку, которая некогда охраняла новорож-

денного Зевса на Крите. Узнав об этом, Зевс посылает к Танталу Гермеса с требованием вернуть собаку. Однако Тантал клянется, что собаки у него нет. В том числе и за этот обман Тантал попадает в Аид [2. С. 493].

Не менее показателен и миф о Сизифе, который в гомеровской «Илиаде» назван самым коварным, хитрым и изворотливым человеком во всей Греции. Дважды смог обмануть Сизиф самого бога смерти Таната и вернуться из царства теней, но на третий раз навсегда отлетела душа Сизифа и несет он тяжкое наказание за все коварства, за все обманы, которые совершил на земле.

Напротив, честность в отношениях получает особую легитимацию и специальное покровительство. В качестве примера можно привести иранское божество Арштат – персонификацию чести и правдивой прямоты в мыслях, словах и делах [1. С. 111], аналогична индийская Сатъя – символизирующая принцип правды и истины, греческая Дике, славянская Правда и т. п.

Итак, приведенные нами примеры позволяют сделать вывод, что уже мифологическое сознание содержит идеи взаимной ответственности, честности и долга. Эти идеи предполагают соблюдение принципов меры, равенства, разумности и справедливости в отношениях между людьми. Постепенно отдельные требования перерастают в более широкую доктрину – доктрину уважения человека, его потребностей и интересов. Так формируется основа для цивилизованных взаимоотношений, предполагающих договор (соглашение) как главную форму взаимодействия, честность и открытость как принцип поведения, благополучие и мир как цель деятельности.

Литература

1. Мифы народов мира. Энциклопедия. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1998.
4. Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. – Казань, 1862. Цит. по: Кулыгин В. В. От Пути Прави к Русской Правде: этапы правогенеза восточнославянского этноса // Правоведение. – 1999. – № 4.

Д. А. Фефелов*

Тенденции развития российской государственности в переходный период: политико-правовые аспекты

Принципиальное значение в современном мире приобретает вопрос о роли государства в различных сферах жизни общества экономической, политической, социальной и культурной, а также характер отношений, складывающихся между экономическими, социальными, политическими и культурными институтами и государством. Взаимоотношения между государственными структурами, основной массой населения и правовыми институтами в настоящее время складываются не в пользу основной части российского общества.

Выявление сущности государственной власти и государственного управления в России переходного периода и определение возможных путей выхода из кризиса предполагает изучение прошлого опыта, касающегося взаимодействия государства, общества и человека, экономических, социокультурных, политических оснований этого взаимодействия и порожденных ими институтов.

В глобальном развитии российского политического процесса основные этапы обозначились как базис властных, социальных, экономических и духовных изменений. Центральное место в них принадлежит властным трансформациям и возрастанию роли властных субъектов, являющихся инициаторами перемен. Российское государство остается институтом, сосредоточивающим основную ресурс политической власти, в котором осуществляется ее организация и оформляется ее деятельность.

До тех пор, пока новые институты и формы сознания и поведения людей не придут в соответствие с потребностями изменя-

* *Денис Александрович Фефелов* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного университета, ведущий юрисконсульт группы судебно-правовой защиты юридического управления ЗАО «Свердловский губернский банк» (г. Екатеринбург).

ющейся системы, будет возникать необходимость в централизованном политическом управлении, которое должно сочетаться с различными формами экономического, социального и культурного управления в организациях и на местах. Задача этого периода – приведение в соответствие различных форм управления.

В правовой сфере основной проблемой является формирование правовой системы, соответствующей переходному периоду, а также подготавливающей этап дальнейших преобразований, обеспечение при помощи правовой базы эффективного осуществления социальных взаимодействий. При этом правовая система переходного периода не может соответствовать той системе, которая устанавливается в правовом государстве, она носит только переходный характер. Это означает противоречивость законодательной системы страны, сохранение Конституции в качестве правового идеала, но не реализующегося основного закона, обеспечение законами сложившейся формы общественных отношений, а не формирование таких социальных отношений, которые бы соответствовали правам и обязанностям, объявленным в основном правовом документе общества. Такой же переходный характер может иметь и формирующаяся государственность. Динамика политического процесса этого периода будет либо выражаться в переходе к подлинно демократическим отношениям, основанным на политических, социально-экономических и социокультурных правах, свободах и обязанностях граждан, либо завершится либерализацией государственной власти и социальных отношений.

Государственное управление переходного периода может выступать как форма государственной власти, устанавливающая не паритетные отношения с обществом и его элементами, а иерархические, в которых участвует профессиональный слой управленцев, имеющих соответствующий статус государственных служащих. Роль этих служащих в обществе, в том случае, если они осуществляют профессиональное и эффективное управление, должна быть приоритетной. Усиление статуса государственных служащих должно происходить при ослаблении роли криминальных управленческих элементов, а затем и исключении их из общественного управления. Достичь этого можно при сохранении государством его функции организованного насилия, направленного на криминальные группы и лидеров.

Десятилетняя практика реформ выявила ряд негативных сторон создающейся модели российской государственности. Среди них можно выделить следующие:

1) стремление политических лидеров пользоваться готовыми моделями, заимствованными из арсеналов западной науки и практики;

2) исключение исторических, социальных, социокультурных, социально-психологических факторов из совокупности факторов, подлежащих учету;

3) снижение уровня научного подхода, замена его конъюнктурными соображениями политических лидеров;

4) криминализация управления в условиях закончившегося раздела собственности между российскими олигархами и начинающегося передела собственности между старыми и «новыми» собственниками;

5) отсутствие внятных программ экономического и социального развития страны, полное исключение основной массы населения из обсуждения перспектив развития, отсутствие соответствующей развернутой информации не только у населения, но и у специалистов;

6) зависимость принимаемых управленческих решений от международных финансовых организаций, в частности МВФ;

7) несогласованность стратегических и тактических действий в процессе государственного управления;

8) доминирование принципа «движение – все, конечная цель – ничто», ориентация на решение частных проблем в ущерб общим.

Новая государственность неизбежно наследует и воспринимает достижения прошлого, а также заимствует наиболее рациональные, оправдавшие себя институты и элементы государственности из мирового опыта. Любой опыт нельзя оценивать только отрицательно. Он несет полезную нагрузку и предостерегает от допущенных ошибок, просчетов, неудач, не оправдавших себя путей и средств решения государственных и общественных проблем.

На характер преобразований существенное влияние также оказывают и условия, в которых проводятся эти преобразования. Для различных государств условия для преобразований неодинаковы и носят не только субъективный, но и объективный характер. В России имеют место: во-первых, наряду с демократическими элементами авторитарные методы и средства; во-вторых, полиэтничность состава общества; в-третьих, длительный период переходного состояния государственности; в-четвертых, активная роль государства в формировании рыночных отношений.

Процесс создания новой модели российской государственности предполагает: 1) укрепление суверенности государственности субъектов Федерации в их исключительной компетенции; 2) внедрение новых социально-экономических и духовно-культурных отношений в развитие общества; 3) формирование гражданского общества и новых демократических институтов государственной власти; 4) установление новых приоритетов во взаимоотношениях государства и личности, в том числе расширение государственных гарантий уважения прав и свобод человека, а также их защиты и охраны.

Сецессия – право народов или крайняя мера?

Основная цель данного исследования заключается в том, чтобы рассмотреть соотношение таких понятий, как право народов на самоопределение и право сецессии; найти ответ на вопрос: сецессия – это составной элемент права народов на самоопределение или это его крайняя и нежелательная мера? Начать надо, прежде всего, с понятия «право народов на самоопределение».

Впервые идея права на самоопределение появилась в эпоху Просвещения. В Европе делались попытки обосновать теоретически суверенитет народа через теорию естественного права. Первая Французская Конституция, принятая 3 сентября 1791 года, содержит положение о том, что источник суверенитета зиждется, по существу, в нации¹. Основатели США при борьбе за независимость североамериканских колоний от Англии закрепили идею самоопределения в Декларации независимости, провозгласив право народа изменять или уничтожать форму правления, если та стала губительной для обеспечения «неотчуждаемых прав», «дарованных Создателем»². В 90-х годах XVIII века идея народного суверенитета стала истолковываться и как право населения определенных территорий решать, под властью какого государства они хотели бы жить. В XIX веке идея народного суверенитета приобретает немного другой оттенок и выступает в форме ирредентизма – объединения разрозненных земель, на которых проживали представители одного народа, в единое государство. Такое толкование народного суверенитета не всегда приводило к положительным результатам. По результатам плебисцитов происходит присоединение Ниццы и Савойи к Франции в 1860 году, Ионических островов к Греции в 1862 году (из-за высоких избирательных цензов нельзя

* *Галина Сергеевна Хайрова* – канд. юрид. наук, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ www.hist.msu.ru

² Там же.

сказать, что это было мнение большинства). Пруссия в 1867 году воспользовалась «правом сильного» и аннексировала Шлезвиг, а в 1871 году присоединила Эльзас и Лотарингию. Сам термин «самоопределение наций» впервые прозвучал на Берлинском конгрессе 1878 года, приблизительно тогда же в оборот вошло и понятие «право наций на самоопределение».

Новое развитие права на самоопределение происходит в 1945 году. Пункт 2 статьи 1 Устава Организации Объединенных Наций закрепляет следующее положение: «Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов...» Но Устав ООН фиксирует данное право как принцип, норму *jus cogens*, а не как право. Вернее сказать, ООН в Уставе не воспринимает самоопределение как естественное право, а определяет его как принцип межгосударственного общения. Более того, применим данный принцип был только к территориям, находящимся под опекой, или несамостоятельным территориям. Можно даже сказать, что в данном контексте право на самоопределение – это право колоний на независимость от метрополии. А адресован данный принцип был независимым государствам. Поэтому это не активное право конкретного субъекта, которое дает возможность совершать какие-либо определенные действия, а принцип пассивного поведения независимых государств – они обязаны его не нарушать.

Но уже через семь лет идея права на самоопределение начинает развиваться. 16 декабря 1952 года Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию № 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение»³. В резолюции говорится, что право наций на самоопределение является предпосылкой для пользования во всей полноте правами человека; каждое государство, являющееся членом ООН, должно уважать и поддерживать это право в соответствии с Уставом ООН; население самоуправляющихся и подопечных территорий имеет право на самоопределение, а государства, отвечающие за управление этими территориями, должны применять практические меры для реализации этого права. Таким образом, самоопределение народов из «принципа» начинает превращаться в «право». А у государств появляются корреспондирующие активные обязанности. В дальнейшем право на самоопределение находит отражение в Договорах о правах человека (на-

³ www.uno.int

пример, Международный пакт о гражданских и политических правах ст. 1), то есть его начинают признавать как естественное коллективное право. И более того, право на самоопределение становится источником и непереносимым условием других прав человека⁴. У права на самоопределение появляются две стороны: внутренняя, дающая возможность самоуправления, и внешняя, предоставляющая народу независимость.

Таким образом, на сегодняшний день право на самоопределение – это не только принцип межгосударственного общения, но в большей степени, право каждого народа (нации). Оно включает в себя свободу устанавливать свой политический статус, осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, а также создавать собственную государственность. Декларация о принципах международного права, принятая в 1970 году, выделяет следующие формы права на самоопределение: создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом⁵.

Сецессионизм (сецессия) – это требование формального выхода из государства, разрыва связей с центральной политической властью со стороны какой-либо части государственного образования на основании стремления к достижению политического статуса суверенной независимости. Если же достижение легитимного суверенитета не ставится самоцелью, то речь идет о сепаратизме. Право сецессии не универсальное право любой группы людей, а особая привилегия, которая дается при наличии определенных обстоятельств⁶.

Можно выделить несколько оснований для сецессии. Первое – восстановление справедливости, ликвидация последствий прошлой несправедливой аннексии. В данном случае проблема заключается в том, что необходимо предоставить доказательства того, что данная территория исторически принадлежала конкретной на-

⁴ Резолюция ГА ООН 637 (VII) от 16. 12. 1952 // www.uno.int

⁵ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24.10. 1970 // www.uno.int

⁶ Соколовский С. В. Права меньшинств: антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 2006. С. 38.

ции и была незаконно, с применением силы или угрозы захвачена, как, например, в случае странами Балтии и СССР, Ираком и Кувейтом.

Второе – дискриминация в распределении ресурсов. В этой ситуации народу при реализации своего права на сецессию необходимо доказать, что государство проводит несправедливую экономическую политику, которая наносит систематический ущерб одним группам людей ради пользы других. Например, южные штаты США, Баско в Испании, Биафра в Нигерии.

Третье основание – это внутренний «колониализм» или геноцид, преступная политика государства, которая приводит к уничтожению целого народа. Причем речь идет не просто об уничтожении культуры, самобытности определенного народа (хотя и этого уже достаточно для возмущения), а об угрозе исчезновения самого народа.

При наличии одного из этих оснований, особенно в последнем случае, народ имеет право начать реализацию своего права на самоопределение, начать борьбу за независимость и справедливость. И не всегда достижение определенной автономии в рамках конкретного государства может привести к желаемым положительным результатам. Право на самоопределение – это возможность односторонних действий. Это право принадлежит народу, а значит народ сам должен выбирать способы борьбы и конечную цель: от получения большей автономии до создания собственной государственности. Конечно, народы должны помнить о том, что право на самоопределение выражает легитимные интересы всех групп.

Сегодня, во времена всеобщей глобальной интеграции, сецессия не всегда вызывает адекватную реакцию, так как сецессия – это процесс, обратный политической интеграции. Но при этом нельзя ставить интересы всеобщие, интересы государственные, выше интересов отдельно взятой нации, апеллируя при этом к международному праву. Международное право – это, прежде всего, право народов. Аргументы противников сецессии сводятся к тому, что сецессия нарушает государственный суверенитет и территориальную целостность государства. Но ведь это не суверенитет ограничивает права человека, а права человека ограничивают государственный суверенитет, вернее, делают его законным. Что же касается территориальной целостности, то это принцип международного права, норма *jus cogens* – принцип межгосударственного общения. И он направлен на защиту территории государства извне, а не на разрешение внутренних противоречий.

Таким образом, сецессия – это составляющий элемент права народов на самоопределение. Сецессия должна быть закреплена в Конституциях государств, но как ограниченное право. Прибегать к нему народы могут только при наличии определенных обстоятельств. Кроме того, сецессия должна выступать как сдерживающий фактор по отношению к дискриминационной политике государства.

На сегодняшний день сецессия закреплена только в Конституции Эфиопии 1994 года. В ней она формулируется как право наций, национальностей и народов Эфиопии, а не как право штатов. Таким образом, осуществляется конституционное признание национального (этнического) суверенитета.

Конституция также устанавливает ряд условий для осуществления этого права. Так, согласно п. 4 ст. 39 право этносов на самоопределение, включая право на отделение, реализуется посредством выдвижения требования сецессии, которое должно быть одобрено большинством членов законодательного совета данного этноса. После этого в течение трех лет федеральное правительство должно организовать референдум на данной территории, где требование сецессии должно быть поддержано абсолютным большинством голосов. Для осуществления сецессии необходимо также произвести законодательно установленную процедуру – разделение материальных средств.

А. В. Чугай*

Публичный порядок как категория теории права

Общемировые тенденции глобализации и усиления межгосударственных экономических связей способствовали активизации мировых рынков, освоение которых – одно из приоритетных направлений внешнеэкономической политики российского государства, открывающее возможности для решения внутренних социально-экономических проблем. Новый курс на интеграцию в мировое сообщество, построение основ рыночной экономики, внедрение в экономической сфере новых форм и методов хозяйствования, обусловил формирование большого количества субъектов экономической деятельности, которые с возрастающей интенсивностью строят свои отношения с зарубежными партнерами.

Юридическое регулирование этих отношений с объективной необходимостью учитывает взаимодействие национальных правовых систем и связь судебных процессов, результатом которых является внешнее проникновение в российское правовое пространство актов иностранных государств.

В результате продолжительного монопольного права государства на внешнеэкономическую деятельность в нашей стране защита публичного порядка долгие годы осуществлялась не правовыми, но скорее политическими методами. Возможно, это обусловило отсутствие интереса к исследованию теоретических аспектов, что отразилось на недостаточной разработанности концепции защиты публичного порядка в отечественной доктрине.

В связи с этим среди российских юристов отсутствует определенность по вопросу понятия публичного порядка, его элементах, роли и места в теории права.

Отмеченные обстоятельства позволяют считать тему настоящей работы весьма актуальной как с теоретической, так и с практической точки зрения.

* **Андрей Валентинович Чугай** – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Причинами появления категории «публичного порядка», с точки зрения С. В. Крохалева, является естественный ход развития общества, государства и права. Можно выделить две основные причины появления института «публичного порядка»:

1. Деление правовой системы на две ветви – частное право и право публичное.

2. Появление гражданско-правовых отношений, осложненных «иностранным элементом».

В зарубежных странах накоплен богатый опыт применения института публичного порядка, имеется ряд серьезных исследований по данной проблеме. Обращаясь непосредственно к истории создания самой нормы ч. 2 ст. 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» читаем: «В признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть также отказано, если компетентная власть страны, в который испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что: признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны». Необходимо отметить следующее: Женевская конвенция 1927 года содержала формулировку: «...противоречит публичному порядку или принципам закона (права) страны, в которой испрашивается приведение в исполнение», то есть у судов было больше возможностей для отказа в экзекватуре. Проект Конвенции ECOSOS 1955 года содержал фразу о «явном противоречии публичному порядку или фундаментальным принципам». Посчитав, что такая формулировка данной нормы не должна давать широкие возможности для интерпретации, третья рабочая группа предложила ограничить ее до «публичного порядка», отбросив остальное.

Европейские исследователи сходятся в том, что невозможно сделать даже попытку изложить все множество доктрин публичного порядка. В работах европейских ученых можно найти интересные выводы, основанные на глубоком изучении данного института.

С позиций настоящего исследования публичный порядок можно определить как основополагающие и продуцирующие целостность социальной общности правила, требования, нормы, имеющие морально – нравственную платформу и рассматриваемые как критерий баланса между частными и публичными интересами социальной общности. Публичный порядок может быть представлен в виде принципов права (негативный вариант) и виде норм, имеющих прямое действие (позитивная концепция публичного порядка).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Существование категории публичного порядка закономерно, обусловлено естественным ходом развития государства, общества и права. Это сфера реализации принципа суверенитета государства.

2. Проблемы в применении возникают в первую очередь из-за отсутствия достаточной ясности, что понимать под публичным порядком. Необходимо сделать формулировку более четкой, конкретизировать само содержание термина «публичный порядок».

3. Очень важно не допустить продолжения практики расширительного толкования категории «публичного порядка».

Коммерческое обозначение в системе гражданского законодательства

Вступившая в силу с 1 января 2008 г. часть четвертая Гражданского кодекса РФ объединила в себе все нормы, относящиеся к объектам интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Этот перечень включает в себя как уже известные, так и некоторые новые объекты, в частности, это касается коммерческого обозначения.

Средства индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий, помимо уже известных (товарный знак, знак обслуживания и место происхождения товара) пополнились таким элементом как коммерческое обозначение.

Исчерпывающий перечень объектов интеллектуальной собственности, которым предоставляется гражданско-правовая охрана, приведен в ст. 1225 ГК РФ.

До вступления в силу части четвертой ГК РФ в законодательстве отсутствовало легальное понятие «коммерческое обозначение». О коммерческом обозначении упоминалось в статьях 1027–1040 Гражданского кодекса РФ, посвященных коммерческой концессии, однако само его понятие не раскрывалось.

Согласно статье 2 ГК РФ отношения по охране и использованию объектов интеллектуальной собственности входят в предмет регулирования Российского гражданского права. Нормы, сосредоточенные в части четвертой ГК РФ, образуют в своей совокупности особую подотрасль Российского гражданского права.

Область общественных отношений, возникающих в связи с правовой охраной и использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, опосредуется специальными нормами, образующими в совокупности ряд институтов гражданского права, в частности, право на

средства индивидуализации. В объективном смысле право на средства индивидуализации представляет собой качественно своеобразную и внутренне упорядоченную совокупность норм, регулирующих отношения, связанные с признанием, использованием и защитой приравненных к результатам интеллектуальной деятельности обозначений, индивидуализирующих юридические лица, производимую участниками гражданского оборота продукцию, выполняемые ими работы или оказываемые услуги.

Создание равных условий хозяйствования для всех хозяйствующих субъектов, внедрение конкурентных начал в их деятельность и повышение ответственности за ее результаты, необходимость насыщения рынка товарами и услугами для удовлетворения потребностей населения обуславливают объективную потребность в правовом механизме, обеспечивающем должную индивидуализацию предприятий и организаций, а также производимых ими товаров и услуг. Такой правовой механизм представлен особым институтом рассматриваемой подотрасли гражданского права, а именно институтом средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции работ, услуг.

Основной функцией рассматриваемого института является обеспечение должной индивидуализации юридических лиц и их товаров, работ и услуг.

Институт средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции, работ, услуг содержит в себе два субинститута. Первый – это право на средства индивидуализации продукции, товарные знаки, знаки обслуживания, а также наименования мест происхождения товаров, работ, услуг, указания происхождения товаров, второй – это право на средства индивидуализации юридических лиц, состоящий из таких средств индивидуализации, как фирменные наименования и коммерческие обозначения, которые используются для индивидуализации предприятия как имущественного комплекса.

Коммерческое обозначение – это знак (словесное, графическое либо комбинированное обозначение), используемый субъектом предпринимательской деятельности с целью индивидуализации предприятия как имущественного комплекса. При этом данный знак не зарегистрирован в качестве фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания).

* *Дмитрий Сергеевич Шистеров* – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Понятие «мера» и перспективы ее использования в сфере права: общая постановка проблемы

Состояние современной российской правовой системы мало кто осмелится определить как устойчивое и нормально развивающееся. Множество примеров свидетельствует, что до устойчивости как всей системы, так и ее отдельных компонентов – от правосознания и правовой культуры общества и индивидов до правотворчества, правоприменения и правотолкования, еще далеко. Причин тому немало, и одной из них, на наш взгляд, является это явно недостаточное внимание к использованию понятия «мера» в правовых исследованиях и правовой практике. Между тем, эта философская категория обладает уникальным аккумулирующим свойством, что дает основания для конструирования реальных перспектив ее эффективного использования в теоретико-правовых (а не только философско-правовых) исследованиях.

Первые представления о понятии меры восходят к античным философам. Однако эти представления обычно не шли далее простой констатации того, что все качественно определенное и количественное измеряется. Платон, в частности, определял меру как «середину между избытком и недостатком»¹. Высшим достижением античной мысли можно считать тезис Аристотеля, что «мера есть то, чем познается количество»². В XIX веке учение о мере получило развитие в работах Гегеля, который утверждал, что «все вещи имеют свою меру, то есть количественную определенность, и для них безразлично, будут ли они более или менее велики; но, вместе с тем, это безразличие также имеет свой предел, при на-

* **Инара Дамировна Ягофарова** – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства, конституционного и международного права Уральского института коммерции и права (г. Екатеринбург).

¹ Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 621.

² Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 155.

рушении которого (при дальнейшем увеличении или уменьшении) вещи перестают быть тем, чем они были»³. Как можно видеть, мера трактуется как диапазон, в пределах которого вещи и явления, изменяясь в силу тех или иных причин, сохраняют, тем не менее, единство своих качественных и количественных параметров, то есть остаются самостождественными. Таким образом, диалектика развития понятия меры выражается в том, что если первоначально мера логически предстает как граница для количества в рамках определенного качества, то позже она определяется уже как непосредственное единство качества и количества⁴.

Следующим шагом в диалектическом познании мерности является принятие понимания меры не просто как единства качества и количества, а как взаимопроникновения качественной и количественной определенности, то есть своего рода синтез этих двух сущностных характеристик. Тот же Гегель отмечал: «Когда изменяется мера вещи, изменяется и сама вещь, и нечто, переходя свою меру, увеличиваясь или уменьшаясь сверх меры, исчезает»⁵. Иными словами, любой предмет предстает перед исследователем как некая мера, более того, весь мир оказывается ничем иным, как множеством специфических мер.

В современной философской литературе предлагается трактовка меры в двух аспектах. Первый аспект (условно называемый *нормативным*) характеризует меру как *со-размерность*, как отношение между различными количественными характеристиками в границах одного и того же качества, удовлетворяющее тем или иным человеческим потребностям. В современной философской литературе мы обнаруживаем иные аспекты и тенденции в трактовке категории меры. Второй аспект определяется как измерительный или *метрический*, в соответствии с которым мера предстает как «*количество-эталон*» для других количеств, а функция меры состоит в из-мерении⁶.

В таком аспектном срезе становится возможным, с точки зрения диалектической логики, говорить о двух видах меры. Первый вид определяется как *имманентная (внутренняя, субстанцио-*

³ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1: Наука логики. С. 216.

⁴ Там же. С. 257.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1971. Т. 2. С. 100.

⁶ См.: Диалектическая логика: Общие проблемы. Категории сферы непосредственного. Алма-Ата, 1986. С. 329.

нальная) мера, которая почерпывается из мира человеческой действительности и является настоящей (истинной) мерой. Познание такой меры есть сложная мыслительная (теоретическая) работа, которая далеко не всегда приводит к позитивному результату. Очевидно, что познание (определение) такой меры носит характер ощущения, а сама она не может быть измерена непосредственно (на языке обыденной, да и профессиональной практики это звучит как «достаточно», «пора остановиться», «может быть перебор» и т. п.).

Второй вид меры есть *мера внешняя*, которая порождается человеческой действительностью, то есть она изобретается субъектом в процессе освоения мерных явлений. Важно подчеркнуть, что при таком толковании внешняя мера, будучи искусственным продуктом, может иметь самые различные количественные и качественные параметры, обуславливаемые в значительной степени субъективными свойствами (потребностями, интересами, целями, желаниями) участников того или иного вида деятельности⁷.

В литературе выделяются также и уровни проявления (и, тем самым, познания) меры. Так, В. П. Кузьмин выделяет и анализирует три уровня проявления меры: *простая (непосредственная) мера, системная (субстанциональная) мера и реальная мера*⁸. Если простая (непосредственная) мера выражает собой различные варианты сочетания количественных и качественных параметров предмета, с которым соотносится данная категория (это находит свое отражение в известных терминах «масштаб», «мерило», «мерность»), то системная (субстанциональная) мера есть выражение сущностной определенности явления, его системности, обнаруживаемое в соотношении с другими системными явлениями и предметами. Иными словами, системная мера есть один из существенных признаков природы познаваемого явления, причем глубина и объективность такого познания зависит от метода и характера сопоставления данного предмета с сущностными параметрами других предметов. Что касается реальной меры, выступающей завершающей стадией познания явления, то она определяется уже не субстанционально (абстрактно), но *конкретно-исторически*, то есть с учетом всей совокупности действующих условий и отношений и опираясь на естественное, причинное объяснение их ка-

⁷ См.: Диалектическая логика: ... С. 329.

⁸ См.: Кузьмин В. П. Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966. С. 44–87.

чественной определенности, их происхождения и тенденций развития. Именно эта конкретная мера предоставляет реальную возможность обнаружить некоторые исходные моменты для определения меры практической деятельности того или иного рода и, тем самым, – конкретных критериев этой меры.

В философско-правовых, теоретико-правовых и отраслевых юридических исследованиях, равно как и в различных сферах юридической практики, тема меры в праве находит свое довольно широкое отражение. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы исследователи, за редким исключением, уделяли бы этой проблематике предметное целенаправленное внимание. Как правило, понятие меры используется при анализе генезиса права и его понятия и раскрытии различных концепций правопонимания, что совершенно обоснованно и необходимо. Это, например, такие, ставшие уже хрестоматийными, концепты, как: «право есть мера свободы» (либо «право как мера несвободы»), «право – мера справедливости», «право мера равенства», «право – равная мера» и т. п. Такой подход к применению понятия меры, несмотря на всю его важность и необходимость при изучении природы и сущности права, представляется все же несколько суженным и недостаточным. Дело в том, что понятие меры – не только уникальный научно-познавательный инструмент, позволяющий проникнуть в природу и сущность права как такового, правовых явлений и процессов. Это понятие может с немалым успехом использоваться в самых разных сферах и компонентах правовой практики, придавая объективно правовой деятельности того или иного рода и вида действительно научно обоснованный характер. В частности, исследование проблем «размера» (пределов) меры так или иначе приводит к понятию оптимума (оптимальности), степень эффективности всякой деятельности – от правотворчества до правоприменительной так же связана, в конечном счете, с тем, учтены ли были субъектами деятельности «мерные» параметры их действий на различных этапах и в различных элементах этой деятельности и т. п.

На наш взгляд, в понятии «мера» удивительным образом органично аккумулируются все основные методы и средства научного познания, принципы (правила), условия и факторы эффективной практической юридической (и не только юридической) деятельности. Раскрытие такой специфики меры в ее правовом приложении есть одна из насущных и весьма перспективных задач общей теории права. Результаты теоретических исследований в

сертации⁴, профессора Русского Юридического Факультета⁵ в Праге с 1927 г.⁶ Кроме РЮФ, он преподавал также в Русском Народном Университете⁷ и в Русском Свободном Университете, состоял членом Русского Исторического Общества⁸ и Славянского института в Праге⁹.

Научные интересы М. В. Шахматова лежали в области истории русского права доимперского периода. Занимался он также историей древнерусской политической идеологии и философии. Стил работ М. В. Шахматова несколько отличается от сухого академизма в сторону возвышенной, даже можно сказать несколько экзальтированной публицистики, на что ему мягко указывал его доброжелательный критик выдающийся русский правовед, эми-

Savický I. Osudovb setkbn. Ielý v Rusku a Rusový v Iechbch. 1914–1938. Praha, 1999; Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции / Ред. М. Г. Вандалковская. М., 2005.

⁴ Ustav dmjnn ummnn Akademie vmd Ieský republiky. Fond Shachmatov (далее – UDU AV IR F. Shachmatov). F. Shachmatov. Фонд обрабатывается, документы не пронумерованы.

⁵ «Русский Юридический Факультет в Праге учрежден с разрешения Министерства Иностранных Дел и Министерства Народного Просвещения Чехословацкой республики, Правлением Союза Русских Академических Организаций за границей на основе Общего Устава Российских Университетов от 23 августа 1884 г. (с последующими изменениями, внесенными в него до октябрьского переворота 1917 года)». См.: Русские в Праге в 1918–1928 гг. / Ред. С. П. Постников. Прага, 1928. С. 83.

⁶ Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918–1938. Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской республике / В. Поданы, Г. Барвикова, кол. авт. Прага, 1995. С. 99.

⁷ «Русский Народный Университет, основанный в 1923 г. представляет собой чешско-русское просветительное учреждение и ведет свою работу на основании устава, зарегистрированного в 1925 г. в Министерстве Внутренних Дел Ч.С.Р.». См.: Русские в Праге в 1918–1928 гг. С. 96.

⁸ Русское Историческое Общество в Праге официально открылось 7 апреля 1925 г., но фактически существует с лета 1923 г. Председателем общества является выдающийся русский историк Е. Ф. Шмурло. См.: Русские в Праге в 1918–1928 гг. С. 50–51.

⁹ Славянский институт начал свою работу в 1928 г. Подробнее об истории института см.: Benka J. Slovanský ústav v letech 1922–1963 // Slovanský ústav v Praze. 70 let iinnosti. Praha, 2000. С. 19–38; *Вмлоъевскѣ* L. Slovanský ústav a ruský emigrace // Ibidem. С. 85–88; *Slódek Z., Beloъevskѣ* L. Dokumenty ... С. 306.

грировавший в Сербию, Ф. В. Тарановский (1875–1936): «Я не отмечаю лирических описаний дворцов, теремов и пр. <очее>, ибо знаю, что Вы от них не откажетесь. Должен однако заявить, что по существу и общему контексту Вашего изложения они совершенно излишни, а основное правило стиля гласит οὐδὲν ἄγαν¹⁰. Затем не могу не предупредить Вас, что недоброжелательные критики используют всю эту «лирику» против Вас»¹¹.

Небольшое эссе в 8 страниц, которое публикуется ниже, было написано в 1926 г. в Праге и издано в Париже в следующем году отдельной брошюрой¹². Можно предположить, что эта работа была завершением серии публикаций по истории древнерусских-политических идей. Сюда же можно отнести еще две его работы¹³ и объемную монографию¹⁴.

Интерес к теме политической идеологии в 20-е годы прошлого века был весьма понятен, так как отсутствие объединяющей идеологии было одной из важнейших предпосылок разгрома белого движения в гражданской войне. Как свидетельствуют материалы архива М. В. Шахматова, он занимался разработкой идеологии белого движения в контексте основных принципов будущего государственного устройства России¹⁵.

Предоставляя читателю самому судить о достоинствах и недостатках работы, написанной более 80 лет назад, все же сочтем своим долгом сделать несколько предворяющих замечаний. Прежде всего, следует заметить, что и в настоящее время отсутствует однозначная дефиниция термина «идеология»¹⁶. Далее, в работе

¹⁰ «Ничего слишком».

¹¹ Письмо Ф. М. Тарановского М. В. Шахматову Болгария, 9.VI. 1934. UDU AV IR. F. Shachmatov.

¹² *Шахматов М. В.* Оправдание богатства: служебные цели богатства (очерк из истории древне-русских политических идей). Париж, 1927.

¹³ *Шахматов М. В.* Подвиг власти (опыт по истории древне-русских политических идей) // Евразийский временник. Прага, 1923. Т. III. С. 55–80; *Шахматов М. В.* Государство правды (опыт по истории древне-русских политических идей) // Евразийский временник. Прага, 1925. Т. IV. С. 55–80.

¹⁴ *Шахматов М. В.* Опыты по истории древнерусских политических идей. Т. I: Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Кн. I: Начало соборности. Кн. II: Начало единоличной власти. Прага, 1927.

¹⁵ UDU AV IR. F. Shachmatov.

¹⁶ *Romberg R., Dierse U.* Idiologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Freiburg, 1971. Bd. 4. S. 158–180.

М. В. Шахматова не проведено четкого разграничения между религией и идеологией, хотя их тождество не является доказанным фактом¹⁷.

В целом, представления М. В. Шахматова об идеологии звучным тем, что традиционно развивает американская социология. В этой традиции идеология воспринимается как система идей, представлений, суждений, мнений, установок, которые позволяют придать легитимность собственным политическим действиям и отрицать законность таковых у оппонента или конкурента. Для отдельного человека идеология опосредует социализацию и является ее главным инструментом. Успешная социализация (индивидуальная карьера) зависит от того, в какой степени индивид разделяет господствующие в обществе идеологические установки, готов принять их как свои собственные и проводить их в жизнь не задумываясь¹⁸.

Однако, несмотря на приведенные замечания, добротное исследование выдающегося русского историка права, опирающееся на солидную источниковую базу, не потеряло свое и актуальности для всех интересующихся историей русского права и правовой культурой России¹⁹.

¹⁷ Об отношении религии к идеологии см., например: Гаген С. Я. Было ли христианство идеологией Византии // *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 4. Интеллектуальная история. Екатеринбург, 2006. Вып. 2. С. 183–195.

¹⁸ См., например: Gross F. *European Ideologies*. New York, 1948; Parsons T. *The Social System*. New York, 1951; Sutton F. X., Harris S. *The American Business Greed*. Cambr., 1956; Boulding K. E. *Conflict and Defense*. New York, 1962.

¹⁹ В этой связи см., например, Бочаров В. В. Обычное право собственности и «криминальное государство» в России (опыт юридику-антропологического анализа) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. М., 2004. Т. VIII. № 4. С. 173–199.

М. В. Шахматов

Оправдание богатства: служебные цели богатства (очерк из истории древнерусских политических идей)

Древняя Русь признавала возможным два вида человеческого поведения: 1) стремящиеся быть совершенными должны были продать имение свое и раздать нищим, оставаться безбрачными, отречься от всяких благ света сего – это монашествующие, черноризцы, подвижники²⁰; 2) не могущим вместить всего, мирянам разрешалось пользоваться земными благами, хотя и с известными ограничениями и в отношении брака²¹, и в отношении богатства²²; и брак и богатство созданы Богом и потому не могут подлежать абсолютному осуждению; Кормчая Книга приемлет от мирских вещей «с чистотою и благочестием бывающее», постановляя: «женитвы сожитие чистое чтем и богатства с правдою и добротворением не уничижаем» (здесь и далее разрядка. – М. В. Шахматова)²³; в нравоучительных сборниках встречаются даже изречения, наставляющие об уважении к богатству [I]: «всякому богату плаву свою поклоняй смирения ради»²⁴.

²⁰ Остромирово Евангелие, Мф. 19, 11–12, 21. (Мф. 19, 11–12: Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые сделали себя сами скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит. Мф. 21: Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. – Прим. С. Я. Гаген).

²¹ Мф. 19, 3–10, и многочисленные правила по этому вопросу Кормчих Книг.

²² Мф. 20, 25–28; Лк. 22, 24–27.

²³ Гангрского собора послание к епископам Армении // *Древне-славянская Кормчая XIV титулов без толкований* / В. Н. Бенешевич. СПб., 1906. Т. I. С. 249.

²⁴ Стослов Геннадия // В. Шимановский. Сборник Святослава 1076 г. Варшава, 1894. С. 31а и сл., 456 и сл.

Что же такое богатство с правдою, которое допускалось по древнерусскому мировоззрению? Это богатство, служащее не только удовлетворению личных потребностей его обладателей, но и являющееся для него средством служения обществу [III]. Идея служилого богатства ярче всего выражена в Евангельских словах: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом»²⁵. Та же идея подробно развивается в «Наказании богатым»: «Если ты сподобился получить от Бога великие блага, великое богатство, то еще больше ты должен воздавать Ему, отверзая уши свои страждущему в нищете; если ты хочешь от всех честь иметь, будь всем благодетель общий; если ты хочешь учинить управу всем сущим под твоею властью; то поощряй добротворящих и удерживай злотворящих; имей таких друзей и советников, которое не все глаголемое тобой хвалят, но стараются отвечать тебе по праведному рассуждению; судьям подобает разумно выслушать прения на суде, ибо не удобно изобретать правду и наскоро решать дела; разумеи твердо, что «спасение твоего хранилища», заключается в том, чтобы никогда людина не обидеть; будь своим должникам «повинникам» страшен сана ради и «любезен» подаянием милости; если силою ты превыше всех, тогда и в делах добрых подобает тебе подвизаться паче всех; желая прощения своих грехов, прощай и сам пред тобой согрешающих, — прощающий рабов своих, свободен бывает от божьего гнева; тогда наречется кто-либо истинный властелин, когда сам собою обладает и темным похотям не работает; смерти, гонения и всякие беды твоих ближних да будут пред очами твоими, во все дни и часы, поступай так с рабами твоими, как ты хотел бы, чтобы Бог поступил с тобою; не оправдай неправедного, хотя бы он был тебе другом, не обижай праведного, хотя бы он был тебе врагом; не достоин слушаться клеветника, сладко тебе глаголющего против ближнего твоего, да не изгубишь любви Божьей и Царства Небесного»²⁶.

²⁵ Мф. 20, 26–27; Лк. 22, 26. Ср. также в первом послании Св. Ап. Павла к Тимофею: Богатым в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога Живого, дающего нам все обильно для наслаждения; чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны (разрядка. — М. В. Шахматова), собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни. (Тф. 4, 17–19).

²⁶ Наказание богатым // В. Шимановский. Сборник Святослава 1076 г. С. 246 и сл.

В этом наставлении богатым, как видно из изложенного его содержания, обнаруживаются две наиболее замечательных особенности:

1) Наставление полагает, что богатство не только сопряжено для его обладателя с правами на вещи и действия других лиц, но одновременно налагает на него обязанности и в отношении к себе, и в отношении к обществу (ближним). Богатый гораздо строже обыкновенных людей должен соблюдать заповеди о стремлении к нравственному совершенству [III], для него богатство должно быть преимущественно своего рода формой общественного служения, способом для исправления общественных недостатков и бедствий.

2) Наставление не отличает в этом отношении государственной власти от частной собственности или владения: и то и другое сливаются в одном синтетическом понятии «богатства», предстваяя собою лишь его разновидности [IV].

Обе особенности свойственны не только изложенному «Наказанию богатым», но и многим другим произведениям древнерусской переводной и самобытной письменности.

Отсутствие точного разграничения в Древней Руси между понятиями власти и частной собственности было одним из проявлений недифференцированности публичного и частного права. Она замечается при рассмотрении понятий духовных и договорных грамот великих и удельных князей²⁷, системы Русской правды, договоров с Греками и Немцами, Судебников, рассуждений летописцев и записанных в летописях княжеских слов. Поэтому древнерусские идеи о служебном значении власти и служебных целях частной собственности (владения) взаимно разъясняют друг друга.

I. О служебном значении власти много говорит Владимир Мономах в своем «Поучении», а летописцы провозглашают князя, так думающего, высшим идеалом правителя, добрым страдальцем за землю Русскую²⁸. Лучшим князем считался тот, кто полагал главной целью своей власти благо Русской земли и христиан²⁹.

Идея служебного значения власти продолжает жить и в Московской Руси. В «Житии и преставлении великого князя Дмитрия

²⁷ Ср. Чичерин Б. Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Опыты по истории русского права. М., 1858.

²⁸ Ипатьевская летопись. 6634.

²⁹ «Русские деля земля и христьянь деля». Ипат. <ьевская> Лет. <етопись> 6656.

Ивановича, царя Русского» подробно перечисляются служебные цели власти и следование им вменяется в обязанность всем князьям: «...да, се слышащее царие и князе научитеся тако творити»³⁰. «Послание архиепископа Ростовского Васиана к в. князю Ивану Васильевичу всея Руси самодержцу на Югрю о храбрском подвиге противу безбожных Татар за православное христианство Богом дарованные ему державы Русского царствия» считает царя «пастырем добрым», обязанным во всех отношениях, духовных и мирских пеших о врученном ему от Бога словесном стаде Христовых овец и о своем отечестве земле Русской³¹. Согласно «Приговору царскому о кормлениях и о службе», царь тшится порученное ему государство соблюсти и устроить во всем правду, оборонить от бусурман и латын, промышляет о душах своих овец, об их пище и одежде³².

II. Идея служебных целей частной собственности и частного владения развивается в Московской письменности применительно к служилому землевладению. Оно изображается ни как нечто приходящее, соответствующее временным условиям тогдашней жизни, а как нечто идеальное, соответствующее абсолютной правде. В приговоре царском о кормлениях и о службе осуждаются те вельможи и войны, которые многими землями завладели, а службою оскудели, которых служба не соответствует величине их собственных вотчин и государево жалование «поместий». Здесь царю вменяется в заслугу, что он учинил с вотчин и поместий «уложеную службу», то есть организовал служилое землевладение. Издавший этот закон властелин объявляется «царем правде», истинным и добрым пастырем, его действия – соответствующими правде нелицемерной. Царь тшил в своих делах, порученные ему от Бога государства соблюсти и устроить, как подобает по справедливости, «и все государь строяше», как бы строение воинство и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду»³³.

То есть царь, по мнению излагателя приговора, вводил меру, соответствующую абсолютному идеалу, для него служилая вотчина и поместье были наиболее желательными формами собственности и владения.

³⁰ Древн. летописи 6894/1389 г. // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 108–113.

³¹ Ник. <оновская> лет. <опись> 1481/6989 г. // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 200–203.

³² Ник. лет. 1556/7064 г. // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII. С. 267–268.

³³ Там же.

Так древнерусская письменность стремилось оправдать вышними началами факт существования богатства и подыскать наиболее подходящие формы его нравственного и правового конструирования. Такое оправдание Древняя Русь видела в служебных целях богатства, а лучшими формами его устройства в действовавшем тогда строе считала:

1) для власти – образ правителя – доброго пастыря, пекущегося об овцах своих, доброго страдальца за землю Русскую³⁴;

2) для частной собственности и владения – служилое землевладение в виде служилой вотчины, ограниченного размера и мелкого поместного владения³⁵.

Подобное идеалотворчество шло, вероятно, навстречу: 1) религиозным размышлениям над мирскими делами, 2) народному стремлению к усовершенствованию государственного строя [V], 3) общественному протесту против крайностей слишком ригористического проведения в жизни начал эгоистической частной собственности³⁶.

Прага. 1926.

Примечания С. Я. Гагена к тексту:

I. Как свидетельствуют дореволюционные этнографические материалы: «...богатство являлось способом для возвышения. Внешние его признаки: одежда, порода лошади. Возвысившийся пользовался уважением: к нему идут за советом, при встрече отвечают глубокий поклон, величают по имени-отчеству. Почет соединяется с общественной должностью». См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического

³⁴ См. также мою статью «Подвиг власти». (*Шахматов М.В. Подвиг власти (опыт по истории древне-русских политических идей)* // *Евразийский временник*. Прага, 1923. Т. III. С. 55–80. – Прим. С. Я. Гаген).

³⁵ Об ограничении размеров служилого землевладения см. «Приговор», который осуждает завладение «многими землями»: всякий должен получить «комуждо что достойно», «по достоянию», «против их трудов» (по заслугам), «по их отечеству и службе», «вправду», т.е. по лестнице родовитости и заслуг, преизлишки должны быть разделены неимущим.

³⁶ «И вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели изо многих лет презрев страх Божий и государские уставы и много злокозненных дел на них учиниша ...» (Приговор).

бюро князя В. Н. Тенешева. На примере Владимирской губернии. СПб., 1993. С. 89. Цит. по: *Бочаров В. В.* Указ. соч. – С. 185.

II. В. В. Бочаров видит в этих практиках «пережитки» более древних отношений, так как «обычно-правовая ментальность» не признает обратной связи, она обязана иметь материальное воплощение. Ибо «отдавая людям материальные блага», вождь, князь, царь, император, генсек. и проч. «тем самым делился частью своей «харизмы», удачи, счастья. Поэтому считалось особенно почетным получить дары непосредственно из рук вождя» См.: *Бочаров В. В.* Указ. соч. – С. 186, 194.

III. Обычно-правовая ментальность, по мнению В. В. Бочарова, увязывает любое обогащение, даже произведенное собственным трудом с происками «нечистой силы». См.: *Бочаров В. В.* Указ. соч. – С. 189.

IV. В. В. Бочаров на многих примерах обращает внимание читателя на то, что и современная «постсоветское» чиновничество не изжило «искренней и глубокой убежденности» в том, что «богатство» неотделимо от «власти» и по своей сути является просто другим именем власти. С данной обычно-правовой ментальностью указанный автор связывает и то, что «коррупция стала нормой российской жизни» См.: *Бочаров В. В.* Указ. соч. – С. 187–189.

V. «Богатство власти, имевшее статус коллективной собственности по обычному праву, приобретало легитимность в глазах подданных, если использовалось в их интересах. Если же этого не происходило, то нарастало ощущение попранной справедливости, что провоцировало людей на действия по ее восстановлению». См.: *Бочаров В. В.* Указ. соч. – С. 194.

Раздел второй

Современная Россия в мировом образовательном пространстве: обретения и потери

С. В. Архипова*

Преемственность в образовании и Болонский процесс

К 2010 году должен завершиться грандиозный проект по созданию единого европейского образовательного пространства в сфере высшего образования (так называемый Болонский процесс). Основными целями этого процесса являются: формирование и укрепление интеллектуального, культурного, социального и научно-технического потенциала Европы; достижение большей совместимости и сравнимости национальных систем высшего образования; повышение качества образования; построение европейской зоны высшего образования как ключевого направления развития мобильности граждан с возможностью трудоустройства и т. д.¹ С 1 сентября 2009 года Российская система высшего образования будет реформирована в соответствии с требованиями Болонского процесса. Обязательные параметры реформирования: двухступенчатая система высшего образования – бакалавриат и магистратура; академические кредиты ECTS; академическая мобильность студентов, преподавателей и административного персонала вузов; европейское приложение к диплому; контроль качества высшего образования; создание единого европейского исследовательского пространства.

У Болонского процесса имеются как сторонники, так и противники (причем и в России, и в Европе). Безусловно, идея создания трансъевропейского образовательного пространства не однозначна, она имеет свои положительные и отрицательные стороны.

К числу основных положительных моментов можно отнести следующие:

- автономность вузов – право формировать стратегию своего развития, разрабатывать программы обучения, выбирать приоритетные для себя направления научных исследований и т. д.;

* **Светлана Владимировна Архипова** – аспирант, преподаватель кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Гладков Г. И.* Болонский процесс [Электронный ресурс] // <http://www.bologna.mgimo.ru/files/spravka.doc>

- конкуренция вузов (что не исключает сотрудничества), которая будет поддерживать качество образования на должном уровне и стимулировать его повышение;

- ответственность образования перед обществом;

- активная вовлеченность студентов в образовательный процесс. Болонская декларация предполагает, что студенты являются равноправными субъектами, имеющими право и возможность активно участвовать в трансформациях системы образования;

- образование в течение всей жизни;

- нелинейные траектории обучения студентов;

- академическая мобильность студентов и преподавателей.

Мобильность позволит, например, знакомиться с современными исследованиями в той области, которую выбрал учащийся.

Представляется, что включение России в данный процесс (при всех указанных выше преимуществах) является преждевременным. Важно не просто механически подогнать отечественную систему образования под предлагаемый европейский стандарт, а качественно изменить ее, органично соединяя достоинства «старой» российской системы с единой европейской. Условий для этого пока не создано. Нет адекватных капиталовложений в образование, стремительно стареют научно-исторические кадры, не обновляется вовремя научно-техническое оборудование. Но одним из важнейших условий создания подобного пространства, дальнейшего его эффективного функционирования и успешного вхождения в него России является преемственность в образовании.

Преемственность в образовании – это процессы взаимодействия института и системы образования с другими социальными институтами и системами; процессы взаимодействия уровней образования; процессы взаимодействия социальных общностей, включенных в сферу образования. Институт и система образования в России сегодня не обладают достаточно высокой степенью преемственности ни во внутренних взаимосвязях (между уровнями), ни во внешних (между образованием и другими социальными институтами, между российской системой образования и системами других стран).

Для полноценного вхождения нашей страны в Болонский процесс должна быть установлена, прежде всего, учебно-содержательная преемственность, институциональная, организационная, преемственность образа жизни, общностная и др.

Учебно-содержательная преемственность заключается в создании согласованных, не противоречащих друг другу учебных планов, программ, взаимно признаваемых стандартов. Преемственность программ позволит плавно и гибко «входить» и «выходить» из них. Это означает, например, что студент, изучающий социологию в российском вузе, имеет возможность продолжить ее изучение в Европе. Именно продолжить, а не учить заново или повторять уже освоенный материал. На сегодняшний день здесь имеются противоречия. Во-первых, не осуществляется разработка единых планов и программ (за оставшуюся пару лет вряд ли удастся это полноценно сделать). Во-вторых, российский студент должен будет проучиться в зарубежном вузе семестр или учебный год. Соответственно, ему будут необходимы такие знания, навыки и умения, которые позволят ему органично войти, быстро и эффективно адаптироваться к учебному процессу в новом для него западноевропейском вузе. Обучаться и сдавать текущие и итоговые испытания студент обязан на языке страны пребывания или на английском языке. Для немецкого или итальянского студента – это не проблема, так как они уже из школы приходят со знанием двух иностранных языков. Лишь небольшая часть российских учащихся владеет иностранным языком на должном уровне.

В связи с мобильностью студентов возникает вопрос о преемственности образа жизни. Как бы Россия не тяготела к Европе, все-таки образ жизни европейца и россиянина отличаются. Это значит, что наш студент затратит значительное время на усвоение ценностей, способов поведения, принятых в той среде, куда он собирается войти. Следовательно, период адаптации к новым условиям затянется, а это, в свою очередь, скажется на учебной деятельности.

Институциональная преемственность – взаимовлияние и взаимодействие института образования с другими социальными институтами. Например, наличие преемственных связей образования и производства предполагает, что требования института производства будут отражены в образовательных программах. Какой работник необходим российскому и европейскому рынку труда, пока не совсем ясно.

Организационная преемственность – это закономерное управление образовательным процессом, то есть взаимосвязь, взаимная поддержка и непротиворечивая деятельность различных образовательных учреждений и органов управления образованием. Если

речь идет о едином образовательном пространстве, то должны появиться органы, способные совместно вырабатывать системы оценки, контроля и сертификации качества образования. Сегодня европейская высшая школа ориентируется на такие показатели качества образования, как компетентность, обучаемость. Для отечественного высшего образования по-прежнему важно нормированное содержание.

Общностная преемственность предполагает взаимодействие социальных общностей, включенных прямо или косвенно в процессы образования. Общности российских студентов, преподавателей, управленцев, родителей должны не только виртуально, но и лицом к лицу взаимодействовать с подобными европейскими общностями. Здесь возможности также пока ограничены.

Современная Россия в мировом образовательном пространстве

В последнее время в России резко обозначилась тенденция к заимствованию идей в области образования из разных стран. Как правило, это приносит положительные результаты. Интеграция предполагает объединение идей, их взаимопроникновение, из которого рождаются новые идеи, применимые уже к конкретным условиям.

Сравнивая образовательные системы Европы, Америки и России, анализируя и сопоставляя основные тенденции и характерные черты, нельзя упускать из виду политические, экономические и культурные различия между государствами.

Как известно, 18–19 сентября 2003 года на Берлинской конференции министр образования Российской Федерации В. М. Филиппов подписал Болонскую декларацию. Это решение закрепило за Россией статус полноправного члена европейского образовательного сообщества, тем самым обозначив направление образовательной политики. Основные положения декларации известны всем: внедрение единого приложения к диплому, двухцикловое обучение «бакалавр – магистр», европейская система зачетных единиц (студенческие кредиты ECTS), развитие мобильности учащихся, содействие сотрудничеству в обеспечении качества образования и интеграции в области развития учебных планов, межинституциональное сотрудничество.

Академическое образовательное сообщество очень настороженно относится к идее модернизации российского образования по болонской модели. Это сообщество условно разделилось на тех, кто «за» и тех, кто «против». Нет смысла перечислять все проблемные моменты и разногласия по этому поводу. Но можно заметить, что критики в отношении «Болони» намного больше и она выдвигает более конкретные аргументы, нежели те, кто «за».

* **Виктор Викторович Астафьев** – студент 5-го курса философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Нельзя также забывать, что и в Европе оценка «Болони» носит неоднозначный характер. Например, элитарные вузы (Кембридж, Парижский институт политических наук и т. д.) отказались участвовать в этом процессе.

Как мне кажется, Болонский процесс можно любить или не любить, однако его нельзя игнорировать – к нему нужно приспособиться. Процесс уже начался и набрал достаточные обороты. Весь вопрос – как?

В любой образовательной системе существуют основополагающие принципы. Главными ценностями западной системы считаются поощрение поиска, познание учащимися себя и своего места во внешнем мире, в развитии индивидуальной ответственности, соблюдении неформальных, демократических отношений между преподавателями и студентами. Как правило, учащиеся получают знания в большей степени из литературных источников и из Интернета, нежели от преподавателя. При этом ответственность за объем и уровень усваиваемого материала фактически целиком перекладывается на студента, а преподаватель выполняет функции контроля и коррекции.

По некоторым компонентам российская система выглядит мощнее. Но и западная имеет ряд достоинств, важных для построения гражданского общества. Система среднего и высшего образования там построена таким образом, чтобы обеспечивать государству приток квалифицированных рабочих кадров. Будущих бизнесменов, например, уже со 2-го курса обучают ораторскому искусству. Они должны самостоятельно проводить собрания, выступать перед сокурсниками, участвовать в деловых играх и проектах и т. п.

Есть опасение, что современный мир имеет тенденцию к узкой специализации, и эта тенденция с каждым годом только усиливается. Это, в принципе, неплохо, но некоторые вузы, к сожалению, забывают о том, что любому образованному человеку требуется фундамент общих знаний и умений. Если вуз не ставит перед собой цель построить такой общечеловеческий фундамент, то от этого страдают студенты.

Советская система образования, если не принимать во внимание идеологический уклон, была фундаментальной. В СССР преподаватель был ядром образовательной системы, достойным и уважаемым человеком. К счастью, достоинство учительский корпус России сохранил и до настоящего времени, но вот окружающие условия изменились.

Вследствие различных трудностей – в основном экономического плана – процесс внедрения современных информационных технологий в повседневную жизнь студента идет медленно (бесплатный Интернет, компьютеризация, библиотеки с электронными системами учета). Российский учащийся имеет меньше возможностей для самостоятельного обучения, и основным источником знаний для него остается преподаватель.

Однако последнее обстоятельство западные эксперты считают несомненным преимуществом российской системы: учитель – это не только кладёз информации, но, самое главное, – путеводитель по жизни. Настоящий педагог не ограничивается сообщением сведений по предмету, а делится со студентами своими взглядами на политику, экономику, религию, тем самым давая подготовку в общечеловеческом плане.

Некоторые черты жизни российской высшей школы являются удивительными для всего мира. Как, например, университетам удается продвигать науку, когда в научных лабораториях используется устаревшее оборудование?

Русские студенты всегда несколько страдали от собственной инфантильности. Если в американской высшей школе вопрос: «Кто виноват?» предполагает ответ: «Студент», то в соответствии с российской традицией он будет противоположным: «Преподаватель».

Российские образовательные традиции признаются и ценятся во всем мире. Из опыта России следует, например, что, развивая фундаментальные науки, не стоит игнорировать иностранные языки и изучение других культур.

Для России же самое главное сейчас – четко расставить приоритеты, определить, какие ценности являются ведущими, обеспечить хорошее финансирование образовательной сферы. Так, например, государственные и частные затраты на образование составили в США в 2007 г. 594 млрд долл. – 7 % ВВП (расходы США на военные цели – 3,3 % ВВП). Можно смело утверждать, что образование является ведущей сферой американской экономики. Ведь за сегодняшними студентами – будущее страны. Чтобы построить гражданское общество, недостаточно просто переписать законы. Нужны другие отношения между гражданином и государством, другое восприятие человека в государстве.

Несомненным плюсом США является то, что правительство видит в сфере образования, подготовки и повышения квалификации человека – главную производительную силу общества. Если и заим-

ствовать что-либо из западной системы ВО, то в первую очередь – развитие материально-ресурсной, информационной базы с целью обеспечения доступа студентов к информации в широком плане. Ни в коем случае не стоит лишать преподавателя активной роли в образовательном процессе.

Что касается бизнес образования, то первый вице-премьер Дмитрий Медведев считает, что российские бизнес-школы должны войти в 50, а потом в десятку мирового рейтинга. По его словам, бизнес-школы должны быть такими, чтобы в них хотели учиться граждане из других стран. По его мнению, бизнес-школы должны помимо бизнесменов готовить также менеджеров для государственного управления.

В целом же мировое образование становится более прагматичным и все больше ориентируется на рынок труда.

Я думаю, что в процессе интеграции Запада и России нужно стремиться не просто к сближению образовательных систем, а к уважительному восприятию друг друга, признанию и использованию самого лучшего, что у них есть. Именно это – наиболее перспективный путь развития образования в XXI веке.

Проблемы музыкального образования и воспитания молодежи в России

Музыкальные потребности молодежи формируются посредством усвоения норм и ценностей референтной группы, поэтому на первый план выходит проблема социализации личности. В рамках этой проблемы изучаются действующие в обществе механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению. Одним из наиболее значимых институтов социализации является образование, в том числе музыкальное.

Вопрос о музыкальном образовании и воспитании является актуальным неслучайно. На протяжении многих веков в мире проблема музыкального образования и воспитания считалась проблемой государственной. Всегда учитывалась социальная направленность музыки, ее многогранное воздействие на человека. Произведения искусства, в том числе музыкальные, очень мощно воздействуют на эмоциональную сферу личности, рождая в ней отклик, пробуждая ответные чувства, подвигают человека на определенные поступки, формируют у него определенные ценности и установки. Об этом знали еще в античности (например, Аристотель считал необходимым приобщение человека к музыке с детства, для чего предлагал ежедневные уроки музыки в школе). В Европе к началу XIX века, помимо действовавших консерваторий, где получали *профессиональное* музыкальное образование, было широко распространено движение *любительского* музицирования (например, в Германии многочисленные *Liedertafel* объединяли любителей хорового пения). В России впервые о серьезности воздействия музыки на человека встал вопрос в период правления Петра I. Царь своим Указом создал Придворную певческую капеллу, выписав заграничных музыкантов (в основном, из Италии) и обязав подданных посещать концерты. Необходимо отметить, что до этого события музыкальные традиции в России развивались только в

* **Ольга Васильевна Брагина** – зам. директора Уральского музыкального колледжа (г. Екатеринбург).

лоне церкви, а также в народном творчестве. Постепенно европейские традиции стали все глубже проникать в культуру России: обучение музыке было неотъемлемой частью общего образования в дворянском обществе. Открылись первые консерватории, благодаря деятельности меценатов создавались бесплатные музыкальные классы, целью которых было привлечение к музыкальному искусству более широких слоев населения. В то же время активно распространялись и любительские общества – в основном это было салонное музицирование (ансамблевое пение и игра на музыкальных инструментах).

После Октябрьской революции 1917 года на первый план выходит художественная самодеятельность: открываются клубы, дома и дворцы культуры. Стали предлагать свои услуги музыкальные салоны и кружки, в которых, в отличие от музыкальных школ, появилась возможность обучаться музицированию не только детям, но и рабочей молодежи. Художественная самодеятельность к концу 70-х годов XX в. превратилась в хорошо развитую систему с устоявшимися традициями. Самодеятельность стала неотъемлемой частью учебных заведений и производства. Основной целью самодеятельности (помимо развития способностей молодежи) являлась передача молодому поколению норм и ценностей, организация культурного досуга. Что касается музыкального образования, то в 50–70-е годы XX в. было престижным обучаться в музыкальной школе (ДМШ). Родители настойчиво отдавали детей в ДМШ, а педагоги-музыканты были уважаемыми людьми.

С переходом России к рыночной экономике многие добрые традиции исчезли. Профессия музыканта обесценилась. Теперь уже родители неохотно обучают детей музыке: даже если ребенок имеет яркие способности, родители, желая лучшей доли для ребенка, стараются дать ему более престижное образование (например, обучение иностранному языку, информатике, экономике).

На сегодняшний день в России функционирует 44 музыкальных вуза, 257 средних профессиональных учебных заведений и около 60 000 ДМШ. Несмотря на то что музыкальные школы являются учреждениями *дополнительного образования*, они работают (как и учреждения среднего и высшего профессионального образования) по утвержденному образовательному стандарту. В этом кроется проблема: ребенок, желающий овладеть игрой на инструменте, зачастую не имеет желания изучать другие музыкальные предметы (являющиеся обязательными). Поэтому многие дети прерывают

свое обучение, отказываясь наотрез ходить на нелюбимые предметы. (В этой связи любопытен опыт многих европейских государств: приходя в школу, родители с ребенком сами выбирают предметы и режим обучения, а педагог с каждым учеником работает по индивидуальному плану, учитывая потребности и возможности ребенка). Но наблюдается и другая крайность: многие молодые люди, достигнув юношеского возраста, вдруг начинают испытывать острую потребность в обучении игре на инструменте, в изучении истории музыки и т. п. Они сталкиваются с серьезной проблемой – ДМШ в редких случаях имеют вечерние отделения, а музыкальных студий крайне мало. Правда, в последние годы в качестве эксперимента стали открывать музыкальные курсы для взрослых при музыкальных училищах. Так, уже 2 года подобные курсы работают в Свердловском областном музыкальном училище им. П. И. Чайковского. На занятия приходят студенты университетов и рабочая молодежь. Педагоги отмечают, что эти ученики проявляют серьезную заинтересованность в познании законов музыки.

Для возрождения ценности музыкального образования в России необходимо принять ряд неотложных мер. Первые шаги в этом направлении уже делаются. В мае 2007 года в Москве была проведена Международная конференция по проблемам музыкального образования, где впервые было громко заявлено о том, что без музыкального образования невозможно полноценное становление личности.

Важно помнить, что музыка может играть различные роли в становлении личности: это и роль воспитательная, гедонистическая, но иногда – и роль разрушительная, деструктурирующая личность. Поэтому так важно предлагать юношеству знакомство с мировой сокровищницей музыкального искусства, учить отличать истинное искусство от дешевых продуктов массовой культуры. Многие ученые проявляют интерес к изучению того, какие грани личности развивает музыка. В результате многочисленных исследований выявлено, что музыка способствует развитию:

- ассоциативного мышления;
- структурного мышления;
- способностей к усвоению иностранных языков;
- коммуникативных способностей;
- многоканального мышления (которым должен обладать современный человек, особенно руководитель).

Во многих странах вопрос о музыкальном образовании и воспитании ставится на самом высоком уровне. Так, к настоящему моменту созданы Международные музыкальные советы в Австралии, Германии, Финляндии, Испании. Главной функцией этих советов является создание специальных программ музыкального воспитания граждан. Западный опыт очень полезен для решения этого вопроса в России. Например, в Австралии, для того чтобы заострить внимание всего населения на этой проблеме, был объявлен *День без музыки* по всей стране. По телевидению, радио все передачи шли без музыкального сопровождения (даже рекламные ролики!), были отменены все концерты, фильмы демонстрировались без единого музыкального звука. Эта акция вызвала бурную реакцию общественности. А на Филиппинах решают проблему музыкального воспитания своих граждан очень действенным способом: еженедельно по воскресеньям под открытым небом для пяти-тысячной аудитории (бесплатно) проходят концерты выдающихся музыкантов. И, надо сказать, ни разу не было свободных мест.

Отношение к музыке в России должно приобрести принципиально иное значение. Необходимо возвести проблему музыкального образования и воспитания в ранг первейших государственных проблем в рамках развития культуры нации.

Г. В. Вельтищева*

Проблема взаимодействия академического и бизнес-образования в России

Университетское образование существует на протяжении многих веков, а целостная система обучения бизнесу и менеджменту сформировалась лишь в середине XX века. Зачастую речь идет о признании университетским образованием своего младшего брата. Одновременно наблюдается объективный процесс размежевания деятельности, а следовательно, и констатация существования объективных отличий академического и бизнес-образования по целям и задачам, клиентам, содержанию программ, методам обучения, составу преподавателей, социальной ориентации, рейтингам, стандартам, аккредитационным принципам и т. п. Постепенно растет взаимное уважение между этими двумя направлениями в образовании и понимание того важнее факта, что бизнес-образование дополняет университетское и никоим образом не может и не должно рассматриваться как его альтернатива.

Характерным в этом плане является процесс постепенной двусторонней эволюции системы британского образования. Здесь, с одной стороны, наблюдается постепенная трансформация политехнических колледжей (занимавшихся прикладным образованием) в классические университеты, в рамках которых в качестве обособленной структуры функционирует бизнес-школа. С другой стороны, ведущие классические университеты, на протяжении десятилетий «не замечавшие» бизнес-образования, создают новые структурные подразделения, ориентированные на бизнес, и устремляются в погоню за лидерами бизнес-образования.

Аналогичные процессы в последние годы прослеживаются и в нашей стране. Но если в Европе и США размежевание сфер деятельности университетского и бизнес-образования находится

в завершающей стадии и стороны из фазы анализа движутся к фазе синтеза, то в России необходимость процесса размежевания перед объединением пока осознается лишь абсолютным меньшинством академического сообщества. Для большинства же, судя по многочисленным репликам и замечаниям на образовательных конференциях и форумах, бизнес-образование – «терра инкогнита». И, что хуже, – развитие бизнес-образования в этой связи зачастую рассматривается как угроза достижениям советской высшей школы, как подрыв основ, как покушение на социальные завоевания страны. Используя термины бизнес-анализа, можно сказать, что новая парадигма образовательной деятельности оценивается с позиций win-lose (если один выигрывает, другой – проигрывает), тогда как мировой опыт свидетельствует в пользу подхода win-win (выигрывают обе стороны).

В целом в образовательном сообществе постоянно присутствуют две неверные посылки:

- все различия между академическим образованием и бизнес-образованием надуманы (или, что еще хуже, некритически импортируются из-за рубежа без учета российской специфики);
- развитие бизнес-образования создает угрозу сложившейся национальной системе образования.

Подобные заблуждения становятся тормозом развития бизнес-образования. Это выражается не только в отсутствии признания новых организационных форм: как известно, термины «бизнес-образование», «бизнес-школа» и т. д. до сих пор официально не конституированы и с юридической точки зрения не существуют. Более того, принятые за последний период подзаконные акты по образовательной деятельности в значительной мере «вталкивают» бизнес-образование в прокрустово ложе университетской системы.

Широкая мода на бизнес-программы, охватившая страну, – не меньшая угроза бизнес-образованию, чем его непризнание. Это угроза радикального падения качества и дискредитации самой идеи бизнес-образования. Слабые программы, преподаваемые титулованными профессорами-теоретиками и осененные брендом известного вуза или университета, сегодня несложно продать на рынке, что зачастую и происходит. Но очень плохо, что по этим программам начинают судить о бизнес-образовании в целом, что эти программы создают у бизнес-элиты страны представление о теоретичности и ненужности российского бизнес-образования, его низком уровне.

Сегодня на руководящих постах в российской экономике и бизнес-образовании находятся выпускники советских вузов. Зарож-

* **Галина Вячеславовна Вельтищева** – бизнес-тренер Центра корпоративного обучения и консалтинга «Свободный выбор» (г. Екатеринбург).

дение российского бизнес-образования тесно связано с советской (российской) академической школой. Оно вышло из этой школы, освоив новый, ранее не существовавший в стране сегмент образовательного рынка. И сегодня оно может дополнить и дополняет классическую школу рядом новых моментов и характеристик, необходимых для работы в условиях рынка. Корни всех ведущих бизнес-школ страны, включая работающие в негосударственном секторе, уходят в то или иное академическое учреждение страны: университет, академию, институт, НИИ.

Одновременно нельзя не согласиться и с тем фактом, что большое число квалифицированных выпускников советских вузов не нашло себе достойного места в рыночной экономике. Полученные этими людьми теоретические знания в изменившихся условиях оказались невостребованными, либо сами выпускники не знали, как их приложить в новых условиях.

Переход к рынку сделал ситуацию намного острее. Требовалось дополнить традиционную образовательную парадигму новыми подходами. Классическое образование всегда ориентировалось на передачу учащимся фундаментальных знаний (запоминание), правил и законов (систематизация). На этой основе студента учили, как применить эти знания в более или менее статичной среде (навыки), а иногда – как сделать однозначный (или единственно правильный) вывод.

Рыночная реформа привела к повышению спроса на другую модель специалиста. В ней профессиональные знания (квалификация) должны были быть дополнены инициативностью, готовностью принимать решения, брать на себя ответственность и т. д. Возникла острая необходимость в подготовке специалистов новой квалификации – менеджеров-профессионалов. Взамен акцента на усвоение знаний и правил требовалось сконцентрировать внимание на обучении тому, как учиться, на отработке техники подготовки (анализ изменяющейся среды бизнеса) и принятия управленческих решений.

Поэтому в арсенале всех ведущих бизнес-школ мира широко используются интерактивные методики (мозговые штурмы, тренинги, ролевые имитации, разбор проблемных ситуаций или «кейс-стади», компьютерные симуляции и т. д.).

Университетское академическое образование в своей основной массе должно оставаться доступным, если мы не хотим интеллектуального вырождения нации. Что касается бизнес-образования, то оно по своей сути должно ориентироваться исключительно на удачу, успех и готовить эффективных менеджеров и предпринимателей.

С. Ю. Вишневский*, Ю. Р. Вишневский,
В. Т. Шапко*****

Установки на перспективу российского студенчества¹

Путь к миру и путь к себе воплощаются в развитой гражданской культуре человека.

С точки зрения развития культуры гражданственности молодежи и студенчества формирование у молодого человека установки на перспективу является важной задачей. Здесь важно учесть и сложность, противоречивость, неоднозначность самих перспектив, и порочность навязывавшейся ориентации на «светлое будущее», и драматизм ноувиистских (сиюминутных) настроений, когда человек не очень задумывается или вообще не задумывается о своем будущем. Обратим внимание на наиболее важные черты перспективы.

• **Перспектива – реальность.** Речь идет о характере взаимосвязи между нынешней современной реальной ситуацией и перспективами развития. Связующим звеном здесь выступает то, что тенденции будущего развития объективно вызревают в настоящем. Это же относится и к разрешению в перспективе тех противоречий, проблем, которые возникают и обостряются уже сегодня. Связь перспектив с социальной диагностикой, трезвым анализом настоящего состояния, выявлением наиболее вероятных тенденций развития превращается в одну из важнейших задач. Ее реализация во

* **Сергей Юрьевич Вишневский** – д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

** **Юрий Рудольфович Вишневский** – д-р филос. наук, профессор, завкафедрой социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

*** **Валерий Трофимович Шапко** – д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

¹ По материалам Федерального исследования РОС «Гражданская культура современного российского студенчества (2006/2007 гг.).

многом затруднена. Прежде всего, нельзя не видеть, что заедает текучка, злоба дня. Когда основными проблемами становятся сугубо жизненные, бытовые вопросы (выжить бы), может показаться, что обращение к перспективам – непозволительная роскошь, напрасная потеря времени и сил. К сожалению, в жизни нередко именно так и бывает, что еще более психологически усиливает подобное настроение и установки. У многих просто не хватает сил в этой ситуации вырваться из пут повседневности и реальных тягот сегодняшнего дня. Важно понять, что противоречия, разрешение которых, даже на перспективу, откладывается, загоняется на второй, третий план (как несвоевременное) и чем дальше, тем больше обостряются. Поэтому теоретический анализ, выявление противоречий и рассмотрение путей их разрешения приобретают практический, прагматический характер. Футурологические исследования, социальная прогностика рассматриваются в развитых странах как чрезвычайно прибыльное дело.

• **Перспектива – идеал – утопия.** Противоречивость перспективы проявляется уже в том, что она всегда так или иначе является «предвидимым будущим». В такой предвидимости уже заложен элемент «нереальности» плана, прогноза, проекта, то есть того, что еще лишь должно стать. Другой аспект перспективы как идеала – это ориентация на желаемое будущее, на совершенство, образец. Серьезную проблему здесь представляет способность (или неспособность) людей трезво оценить и реальную ситуацию и вероятность тех или иных перспектив. Возникает опасность заменить желаемым действительно возможное. Ситуация тем более осложняется, когда это желание приобретает позитивную оценку в общественном мнении и потому нередко становится модой. Чем более происходит разрыв желаемого и возможного, тем более приближается перспектива к утопии. Утопии приобретают особенно угрожающий характер, когда они – как это было в нашем обществе – сбываются. Примечательна оценка Н. А. Бердяевым послеоктябрьской России: «Утопии оказались гораздо более осуществимыми, и теперь стоит другой вопрос, как избежать окончательного их осуществления». Осуществимость утопий (и противоположных им антиутопий) заставляет рассматривать их не как причудливые фантазии, но и гораздо глубже – научно – как определенные социокультурные феномены.

• **Перспектива – ломка – сохранение – созидание.** В данном аспекте определяющим выступает характер, способ осуще-

ствления перспективных задач: отношение к старому и создание, созидание нового. Революционные устремления нашего общества в целом способствовали утверждению и на психологическом уровне установок на приоритет ломки, обновления, переделки и т. д. Даже в современных условиях, к сожалению, ориентация на реформу часто сопровождается акцентом на их радикальный характер, решительность в проведении – на «шоковую терапию» и т. д. Подобная установка «ломать – не строить» порождает у одних стремление к постоянному, нередко, неоправданному экспериментированию, псевдоноваторству, а у других – страх перед любым изменением. Конечно, при любом развитии элементы ломки, разрушения неизбежны. Но очень важно найти оптимальную меру разрушения и созидания, традиций, преемственности и новаторства, причем меру не абстрактную, на все случаи обновления, а конкретную. Особенно важным, но и особенно сложным является поиск такой меры в переходные периоды. Для этих периодов характерно ускорение и расширение масштабов ломки старых подходов, форм работы, социальных институтов. И одновременно – достаточно медленное, нередко путем проб и ошибок, становление новых. Поэтому часто смещаются акценты в оценках новаторства и традиционализма, консерватизма. Первое, независимо от результативности по одной лишь установке на инновацию однозначно начинает оцениваться как лучшее. В ориентациях сегодня важно утвердить более взвешенный подход к консерватизму и традиционализму, преодолеть зуд постоянного обновления. Одновременно нужно видеть и реальное нежелание кого-то идти на какие-то перемены, нежелание, зачастую прикрываемое ссылками на традиции, прошлый опыт или неудачи в инновациях.

• **Перспектива – стимул.** В данном аспекте проблемы обращается внимание на субъективную, социально-психологическую сторону дела. Речь идет именно об установке личности, коллектива на перспективу. Здесь особенно значимо, насколько эта перспектива оценивается людьми как сильная и одновременно как побуждающая, определяющая стремление что-то изменить, обновить. Посильность тоже внутренне противоречива. Одна ее сторона – «по силам» – ориентирует на трезвость, реализм в постановке целей, в выборе средств, темпов обновления. Другая – ориентирует на «экономии сил», исходит из желания не очень утруждаться. Важно учесть, что и эта ориентация имеет соответствующие социально-психологические предпосылки. Там и тогда, когда речь идет о не-

обходимости каких-то инноваций, люди как бы примеряют их на себя, оценивают необходимость самим меняться, осваивать что-то новое. Если учесть, что череда различных изменений, инноваций идет в последние годы сплошным потоком, что это не может не вызывать у многих «инновационную усталость», внутреннее сопротивление переменам, то распространение таких настроений вполне понятно. Негативный опыт порождает сомнения в целесообразности усилий. Но перспектива как бы задает тонус, заставляет не останавливаться на достигнутом, искать новое.

• **Перспектива – ноуви́зм.** Здесь реализуются разные оценки перспективы по линии «прошлое – будущее» и в диапазоне «оптимизм – пессимизм». Ноуви́стские настроения, ориентация «здесь и сейчас» особенно затронули молодежь. Ноуви́стские настроения в нашем обществе имеют немалые основания. Кризис социалистической идеи, в конечном счете, означал и провал основной установки воспитания на скорое светлое будущее. Одновременно с этим происходит и переосмысление прошлого, ломка традиционных идеалов и ориентиров. Молодежь фактически подталкивается к ориентации на настоящее. Более того – подобная ориентация все сильнее усваивается и взрослыми. Здесь важно видеть негативную сторону ноуви́стских ориентации. Они вообще принижают перспективу, в лучшем случае – ориентируют лишь на ближайшую перспективу. Стимулирующее воздействие перспективы недооценивается. Существенно и то, что сиюминутным становится во многих случаях выбор тех или иных жизненных ориентиров. Это накладывает отпечаток на любую ситуацию выбора – выбор профессии, типа учебного заведения, будущего супруга и т. д. Но в том то и дело, что сегодняшний выбор многими нитями неразрывно связан и нередко предопределяет будущее человека, его жизненный путь. За случайность такого выбора приходится иногда дорого платить. Гуманистическая направленность установки на перспективу может быть и проявляется наиболее зримо в стремлении помочь человеку избежать таких издержек.

• **Конкретность перспективы.** Прежде всего, речь идет о сроках реализации перспективных задач. Соответственно, о ближней и дальней перспективе. Имеет значимость, особенно для молодых, чей жизненный путь еще начинается, выделение узловых точек перспективы, выбор которых определяет ту или иную перспективу на более или менее длительный срок. Очень важна и конкретная адресность в определении перспективы – для кого эта

перспектива? Здесь надо предвидеть возможные и далеко не редкие расхождения в установках на перспективу между старшим и молодым поколениями. Установка на перспективу оказывается в данном отношении наиболее связанной с социальным партнерством как основой межпоколенческих отношений. Взаимоуважение, взаимопонимание и сотрудничество поколений предполагают уважение к выбору молодого человека – в соответствии с его склонностями и возможностями. Важно и научить его делать правильный выбор самостоятельно, отвечать за этот выбор, предвидеть во всей полноте его возможные последствия.

• **Перспектива – план.** Возникает проблема достаточно общая в целом для теории управления: можно ли жестко, с большой долей точности и детализации планировать будущее? Годами не без влияния плановой экономики утверждалось представление о возможности и необходимости такого планирования всех сторон жизни коллектива и отдельного человека. Характерна практика разработки планов социального развития коллективов, жизненных планов молодежи. У этой практики было несомненное достоинство, которое и должно получить дальнейшее развитие в установке на перспективу. Потеря жизненных ориентиров и перспектив представляет собой негативный фактор для общества, группы, человека. Но абсолютизация возможности планирования – «с точностью до...» – фактически игнорирует сложность и многоплановость жизненного пути человека. Пренебрежение случайностями придает таким перспективам характер заданности, фатальности, казарменности. Вольно или невольно – право личности и коллектива на самостоятельный выбор (и, следовательно, на свободу) ограничивается. Более того, само выполнение плана становится самоцелью, нормой: «План – закон». А отсюда рукой подать до формулы «План любой ценой», а значит – цель оправдывает средства. Сегодня на смену самоуверенной убежденности в безграничных возможностях управлять всем и вся должно прийти разумное понимание границ управляемости.

Процесс формирования прогностической ориентации студенчества идет сложно и противоречиво, что связано с противоречивостью социокультурной ситуации в обществе в целом. Характерна оценка В. Н. Стегния: «С начала 1990-х гг. в России столкнулись и наложились друг на друга две идеологии будущего – коммунистическая и либеральная, две культуры. Причем одна насаждается государством сверху, а другая, за которую голосует большинство избирателей, – снизу. В 90-е годы началось наложение одной куль-

туры на другую, одна начала проникать в другую на неподготовленное место. Наступление будущего сверху в 90-е годы шло быстро, без осознания последствий и перспектив массами, поэтому люди ждали одно, а получили, как всегда, другое»².

Отношение к будущему, выявленное с помощью конкретно-социологического исследования, может дать важную информацию о гражданской культуре различных социальных субъектов, в том числе молодежи, студенчества.

Теперь о тенденции нарастания атомизации, разрушающей чувство общности и тем самым устои социальной солидарности россиян. В настоящее время основная масса населения страны вынуждена существовать в режиме индивидуального выживания, что накладывает сильный отпечаток и на сознание, и на поведение наших сограждан. В основном они погружены в круг проблем, связанных с личным благополучием, внутри которого и сосредоточиваются ныне их основные интересы. Может ли все же объединить атомизирующее российское общество что-либо, помимо реальных или воображаемых угроз? Существуют ли «большие идеи», способные увлечь если не всех, то хотя бы значительное большинство россиян? Соответствующие вопросы относительно общенациональных целей развития, которых придерживаются россияне, предлагались респондентам в 1998 г. и 2004 г. Исследователи выявили, что в качестве «национальной идеи» на первый план выдвигается повышение уровня и качества жизни. На него в ходе опроса указали без малого две трети россиян (61 %). Приоритетность данной задачи была очевидна уже в середине 90-х годов, и актуальность ее с тех пор не только не снизилась, но даже возросла примерно на 7 %. Второй по значению задачей россияне считают наведение порядка во всех сферах жизни. Но в данном случае динамика соответствующего показателя оказалась противоположной: по-видимому, меры, предпринятые в этом отношении администрацией В. Путина, несколько ослабили остроту вопроса. Наконец, на 3-е место россияне поставили создание равных возможностей для всех (32 % ответов в 1998 и 37 % в 2004 г.)³.

² Стегний В. Н. Проблема формирования прогностической ориентации личности // Система воспитания инженеров и специалистов в условиях модернизации образования: опыт, проблемы, перспективы. Пермь. 2003. С. 9. См. также: Стегний В. Н. Личность и будущее. Красноярск. 1990; Стегний В. Н. Теория и методология социального прогнозирования. Пермь, 2001.

³ Граждане России: кем они себя чувствуют и в каком обществе хотели бы жить (1998–2004 гг.). М., 2004. С. 43.

Гражданское сознание молодежи многослойно по ряду параметров, и возможны разные аспекты его анализа. Один из них – «**идеал – реальность**». Используем результаты исследований социологов Сибири⁴. В массовом сознании молодежи были выявлены четыре комплекса представлений об идеальном устройстве общества:

- Условие для самореализации личности. Характерные ценности: свобода, социальная справедливость, достоинство. Они распространяются и закрепляются по мере становления посттоталитарного общества и ускоряют процесс индивидуализации личности.
- Стремление к сохранению социального равновесия на всех уровнях (от межличностного до межгосударственного). Ценности – мир, коллективизм.
- Ценности – труд, гуманизм.
- Стремление к высокому уровню и качеству жизни. Ценности – благосостояние, здоровая окружающая среда.

Эмпирические замеры позволили социологам прийти к серьезным выводам: противоречивость ориентаций молодежи; существование сильного авторитарно-консервативного синдрома в массовом сознании молодежи; распространенность утопических представлений.

Другой возможный ряд анализа: **прошлое – настоящее – будущее**. **Прошлое** определяет стереотипы молодежного сознания, их устойчивость. И не случаен интерес юнологов к этим проблемам, их стремление выявить, как болезненно происходит ломка таких стереотипов. **Обузданное** многое говорят уже рассмотренные социальные идеалы молодых. Однако в центре внимания социологов – **настоящее**. Но для студентов безразлично будущее страны:

Таблица 1
Что, на Ваш взгляд, может обеспечить успешное развитие России?

Значения	Σ
Если сильный лидер, руководствуясь законом, наведет порядок в стране	46
Если люди смогут объединиться и научатся решать свои проблемы демократическим путем	36
Нужно на время отказаться от представительной демократии	18

⁴ Немировский В. Красные, зеленые, белые... Заметки о политическом сознании молодежи // Человек. 1992. № 3. С. 70.

Характерно соотношение демократических и авторитарных ориентаций применительно к развитию России, к будущему – почти 2:1 в пользу авторитарных ориентаций. Именно это обстоятельство по большому счету определяет современную политическую ситуацию, ничтожную поддержку политических партий и объединений, позиционирующих себя как демократические, а вовсе не какие-то их тактические просчеты, неудачные избирательные кампании и т. д. В более широком смысле мы задали сходный вопрос участникам Федерального исследования РОС:

Таблица 2
Каковы условия процветания российского общества?

Значения	Σ
Увеличение размера зарплаты, стипендий, пособий	58
Реальные гарантии прав и свобод граждан	55
Моральное оздоровление общества на основе добра и справедливости	43
Ответственность государства, его открытость и прозрачность	39
Рост профессионализма граждан и, особенно, чиновников	38
Усиление власти Президента	8
Усиление контроля государства за поведением граждан	7
Развитие сети независимых СМИ	7
Укрепление вертикали власти	6
Расширение полномочий органов правопорядка и спецслужб	4
Усиление роли партий и общественных организаций	3
Придание православию статуса государственной идеологии	2
Расширение полномочий государства	2
Сужение полномочий государства	2
Усиление влияния церкви на государство, образование	2

В целом молодые люди продемонстрировали комплексное видение перспектив развития российского общества, включая в число необходимых факторов экономические, политические и социокультурные.

Долгое время россияне, как и советские люди, рассматривали общество через призму соотношения капитализм – социализм, оценивая, какая из формаций (моделей) более прогрессивна, эффективна, совершенна. И сегодня вопрос о сравнении социализма и капитализма, в соревновании двух общественных моделей решается россиянами неоднозначно. Хотя вряд ли большинство рес-

пондентов могло бы на рациональном уровне четко сформулировать сущностные характеристики этих моделей. Невольно вспоминается диссидентское определение двух формаций: «Капитализм – это эксплуатация человека человеком, а социализм – наоборот». По-прежнему каждый третий респондент отдает предпочтение социализму (чтобы под этим не понималось), а каждый пятый – капитализму. Довольно устойчива доля тех, кто хотел бы найти некий другой, «третий» вариант общественного развития. Вероятно, усложнение процессов в современном обществе приводит к увеличению доли затрудняющихся ответить на вопрос о предпочтениях.

А. В. Гаук*

Изменение условий обучения в ходе реализации национального проекта «Образование»

В 2005–2006 учебном году по инициативе Президента Российской Федерации В. В. Путина стартовал принципиально новый для сферы отечественного образования национальный проект, сразу же получивший определение приоритетного. Если кратко сформулировать его основные критерии, то это широкомасштабность в сочетании с адресностью при поощрении инновационной деятельности.

Первостепенными задачами национального проекта «Образование» являются:

- стимулирование инновационных программ;
- информатизация образования;
- поддержка инновационной, способной, талантливой молодежи;
- повышение значимости и качества воспитательной работы со школьниками;
- поощрение на конкурсной основе лучших учителей.

Остановимся на рассмотрении процессов информатизации, в том числе выявим, как повлияло данное направление проекта на учителей и учащихся. В качестве объекта для исследования выступило МОУ СОШ № 79 города Екатеринбурга. Кабинет информатики в этой общеобразовательной школе существовал с 1991 года, но использовался непосредственно только для уроков информатики, а компьютерное и программное обеспечение было на низком уровне. Кроме этого, компьютеры были установлены у секретаря и директора школы. Никто из педагогического состава не владел навыками работы на ПК, на уроках в качестве дидактического материала использовались традиционные картонные таблицы.

* **Анастасия Викторовна Гаук** – ст. преподаватель кафедры социологии и СТУ УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

С начала реализации национального проекта «Образование», школа, получив необходимые средства, смогла приобрести достаточное количество компьютеров и периферийных устройств, а также телевизоры, DVD, аудиоаппаратуру. Был создан компьютеризированный методический кабинет. У педагогов появился стимул к освоению данной техники, использованию ее в работе.

Сейчас в школе 81,2 % учителей работают на ПК, из них прошли курсы 21,8 %, самостоятельно изучили работу ПК 25 %, пришли в школу с умением работы на ПК 34,3 % учителей.

Проанализировав результаты исследования, можно выявить причины, по которым оставшиеся 18,8 % не освоили работу на ПК. 6,3 % учителей отказались от прохождения курсов по состоянию здоровья ссылаясь на свой возраст (учителям 70 лет), 12,5 % – педагоги дополнительного образования, которые не видят в этом необходимости.

В результате введения инновационных технологий в процесс обучения (психологическая поддержка педагогов, родителей и учеников; использование на уроках современной техники, оборудования и наглядных пособий, кардинально отличающихся от прежних; использование при подготовке к урокам ресурсов Интернет; увеличение доли исследовательской работы и т. д.) за последние два года повысилось количество школьников, обучающихся на «4» и «5». Отслеживая результаты успеваемости учащихся 11 классов за три последних года, можно увидеть, что количество обучающихся на «4» и «5» в 2004 – 2005 учебном году составило 27 %, в 2005 – 2006 учебном году – 26 %, в 2006 – 2007 учебном году – 27,5 %, на I полугодие 2007–2008 учебного года – 45 %.

В настоящее время в связи с развитием СМИ и Интернет у детей ведущей является визуальная форма восприятия. Дети не воспринимают серые изображения, плакаты, они требуют потока информации в виде меняющихся слайдов, видеороликов, проекций, движущихся моделей, современной подачи информации. Изменился язык общения молодых, и дети часто не понимают, что говорят пожилые люди, преподаватели. Следовательно, необходима перестройка образовательной среды, процесса обучения и технологий, нужен приток молодых, современных педагогов в школу.

С переходом на новый уровень технологий обучения с использованием современной техники и оборудования, повышением квалификации учителей, притоком молодых специалистов, прекрасно владеющих новыми информационными технологиями, в школе

понижился процент неуспевающих детей, появилась возможность составления для ребенка индивидуальных планов обучения и выработки педагогического подхода к конкретному ребенку. При этом главную роль в обучении играет компьютер.

Пока дети воспринимают компьютер, в основном, как игрушку и средство общения, и здесь важно их увлечение компьютерными играми умело перевести в обучающий процесс. Молодым учителям с помощью старших педагогов это удастся, благодаря совмещению многолетнего опыта старших с собственными навыками и умениями.

Изменилось качество взаимоотношений педагога и учащихся, они стали более неформальными, дети помогают учителю в обращении с современной техникой, а значит, чувствуют себя нужными, психологический микроклимат в школе становится более теплым и доверительным.

Н. А. Гончарова*

Тенденции в современном образовании

Высшее образование является важнейшим социальным институтом, функционирующим с целью удовлетворения общественных потребностей, и потому живо реагирующим на все общественные изменения и процессы. Рост международной открытости национальных культур, основные мировые тенденции развития человеческой цивилизации своеобразно преломляются в системе образования. В частности, постоянно возрастающие по объему и все более разносторонние по содержанию мировые хозяйственные связи формируют потребность в универсальных кадрах, получающих профессиональную подготовку в национальных университетах. Это приводит к тому, что содержание национальных систем высшего образования естественно стремится к так называемым «мировым стандартам», вырабатываемым мировой наукой и техникой.

Мировую систему высшего образования можно охарактеризовать как открытую социальную систему с нежесткой связью между элементами, системностью самих элементов и вариативностью нормативной регуляции. Вместе с тем, она отвечает основным признакам системности.

Во-первых, мировое высшее образование представляет собой множественность взаимосвязанных элементов разного уровня и характера. К ним следует отнести образовательные учреждения, которые устанавливают прочные связи с зарубежными партнерами и организациями, отдельные национальные и региональные системы, вырабатывающие общую стратегию развития для всего мира под эгидой ЮНЕСКО и ООН, и различные международные образовательные организации и ассоциации, способствующие объединению мирового высшего образования в единую систему.

Безусловно, все учреждения и организации высшего образования административно автономны. Занимая свое специфическое

* **Наталья Алексеевна Гончарова** – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

место на рынке образовательных услуг, они взаимодействуют в форме сотрудничества или соперничества, вырабатывая основные ориентиры этого рынка.

Пока международный аспект – не главный, не доминирующий в деятельности образовательных организаций, но он латентно присутствует как ориентир, некий стандарт для решения региональных и национальных задач, решаемых высшим образованием.

Во-вторых, в мировом высшем образовании появляются признаки целостности, автономности по отношению к экономическим, политическим и другим мировым социальным системам. Базой для этих процессов становится наличие универсальных норм академической свободы и демократии, традиционно регулирующих деятельность классических университетов, и приобретающие все большее нормативное значение для национальных образовательных систем международные конвенции, всемирные декларации, принимаемые на международных форумах, определяющие перспективы развития высшего образования и добровольно принимаемые к исполнению всеми присоединившимися странами.

Этот тип нормативной регуляции, безусловно, не имеет ничего общего с административным управлением. Формируется мировая система высшего образования ассоциативного типа, административно не регулирующая, но идеологически определяющая парадигму развития всех образовательных систем – национальных, региональных, международных.

В-третьих, мировая система высшего образования обладает таким признаком системности, как устойчивость, достигающаяся вследствие постоянного воспроизводства своих структурных элементов, кадров и норм, регулирующих ее функционирование. Причем, устойчивость предполагает постоянное развитие системы высшего образования, ее приспособление к меняющимся условиям современного мира. В этой связи кризис высшего образования, о котором много пишут и говорят, есть ни что иное, как сигнал к необходимости реформирования его содержания, форм и задач в ответ на «вызов эпохи». Успешное преодоление кризиса, следует заметить, возможно лишь при объединении национальных сил и ресурсов, при условии международной солидарности, взаимопомощи и поддержки. Кризис усиливает потребность в международной интеграции высшего образования.

Международное сотрудничество является мощным рычагом развития мировой системы высшего образования. Оно призвано решать ряд актуальных задач, таких как

- соблюдение адекватности содержания и уровня высшего образования потребностям экономики, политики, социокультурной сферы общества;

- выравнивание уровней подготовки специалистов в разных странах и регионах;

- укрепление международной солидарности и партнерства в сфере высшего образования;

- совместное использование знаний и навыков в разных странах и на разных континентах;

- содействие развитию высших учебных заведений, особенно в развивающихся странах, в том числе с помощью финансирования из международных фондов;

- координация деятельности образовательных учреждений в целях развития высшего образования;

- стимулирование общего повышения гибкости, охвата и качества высшего образования, способствующего устранению причин «утечки умов»;

- поощрение конкуренции научных школ и образовательных систем в сочетании с академической солидарностью и взаимопомощью.

Международное сотрудничество меняет свои формы и виды деятельности, накапливая потенциал для решения триединой задачи: достижения такого уровня высшего образования, который соответствовал бы потребностям современного международного социума; выравнивания уровня национальных образовательных систем; подготовки квалифицированных кадров для национальной экономики. В этих условиях возрастает роль и значение международных организаций, фондов и программ в области образования и науки.

В Европейском Союзе уже в течение нескольких десятилетий разрабатывается и осуществляется целостная политика в области высшего образования, формируются наднациональные институты координации и управления. Подготовлены и приняты 7 конвенций по взаимному признанию документов об окончании средних учебных заведений, учебных курсов и периодов обучения, дипломов о высшем образовании, ученых степеней, создающих нормативную основу интеграционного процесса в сфере высшего образования ЕС.

Причем важным условием интеграции высшей школы России в мировое образовательное пространство должно быть сохранение национального опыта, традиций, упрочение и развитие ее несомненных достоинств, к которым прежде всего, по мнению ректора МГУ

академика В. А. Садовниченко, относится научность образования, его фундаментальность, его энциклопедичность.

Необходимо найти оптимальные варианты последовательной интеграции высшей школы России в мировую систему высшего образования, сохранить все ценное, что имеет российская высшая школа, в то же время осуществить, с учетом международного опыта, востребованные временем изменения, которые позволят обеспечить перспективы развития России в новом столетии.

Г. Е. Зборовский*, **Е. А. Шуклина****,
Е. А. Широкова***, **А. Р. Кантор******

Образовательный потенциал телевидения в оценках экспертов

В рамках разработки и обоснования концепции создаваемого в Свердловской области регионального образовательного телевизионного канала было осуществлено социологическое исследование, направленное на изучение социального заказа на развитие телевизионного образования и оценку степени готовности целевой аудитории к реализации проекта образовательного ТВ канала.

В качестве экспертов выступили представители систем образования области, городов, районов, директора школ города и области, управленцы разных уровней, ответственные за принятие решений в рамках основного и дополнительного образования, представители Министерства общего и профессионального образования Свердловской области, Института развития регионального образования, организаторы медиасферы, журналисты, представители науки, культуры.

Эксперты констатировали наличие выраженной потребности в создании регионального телевизионного образовательного канала. Оценивая в целом образовательный потенциал телевидения, эксперты напрямую связывали его с особенностями телевидения как средства массовой информации. Телевидение как медиа, по оценкам экспертов, имеет свою специфику, позволяя передавать со-

* **Гарольд Ефимович Зборовский** – д-р филос. наук, профессор, декан социологического факультета Гуманитарного университета, заслуженный деятель науки РФ (г. Екатеринбург).

** **Елена Анатольевна Шуклина** – д-р социол. наук, профессор, директор Центра социологических и маркетинговых исследований Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

*** **Елена Александровна Широкова** – канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

**** **Анна Рувимовна Кантор** – директор регионального Центра медиаобразования (г. Екатеринбург).

общения как в визуальной, так и в аудиальной форме, одновременно транслировать как образы, так и текст, который может быть представлен как в виде аудиофайла, так и в виде строки на экране, что обеспечивает создание емких сообщений, насыщенных как рационально, так и эмоционально.

Опрошенные нами эксперты, отмечая специфику образовательного потенциала телевидения, подчеркивали, прежде всего, психоэмоциональную сторону взаимодействия с аудиторией, его способность увлечь зрителей, воодушевить эмоционально, пробудить интерес к какой-либо теме или виду деятельности. Эксперты отмечали, что телевидение – это тип медиа, встраивающий информационные потоки общества в его интимный, повседневный мир. Потенциал этого типа СМИ высок, потому что позволяет человеку сделать «общественную» информацию обыденной, повседневной и «своей». Таким образом, человек может постоянно существовать в виртуальном медиамире, подчиняясь его законам, но до конца не осознавая, как нужно действовать в этом пространстве. «Приватный» характер телевидения предполагает, что человек обращается к нему для повседневного, а возможно, и дружеского общения, поэтому популярные телевизионные передачи, по мнению некоторых экспертов, направлены на реализацию коммуникативной функции.

По мнению экспертов, телевидение обладает целым рядом преимуществ, позволяющих организовать образование и просвещение. Это доступное для широкой аудитории средство массовой информации; оно выступает мощным фактором формирования общественного сознания; по своим характеристикам хорошо приспособлено для реализации просветительских целей; имеет потенциальную возможность стать средством формирования единого образовательного пространства; имеет выраженное социализирующее воздействие на аудиторию; способно оказывать воздействие как на массовую аудиторию, так и на отдельные социальные группы; позволяет реализовать на деле государственно-общественный характер управления системой образования; способно формировать потребности, интересы субъектов образовательной деятельности; оказывает воздействие на формирование статусов отдельных субъектов и социальных групп; способно проблемно выстроить образовательный процесс; позволяет создать коммуникативную среду для взаимодействия различных субъектов образовательного процесса; может быть интерактивным, интегрируясь с другими медиа; является средством, оперативно стимулирующим предметную коммуникацию вне медиасреды.

Вместе с тем, по мнению экспертов, существует ряд ограничений телевидения как средства массовой информации, которые могут существенно повлиять на достижение образовательных и просветительских целей. Так, телевидение само по себе не является высокоэффективным средством обучения; аудитория воспринимает информацию с телевизионных экранов не рационально, а скорее эмоционально, через систему информационных фильтров; медиaprостранство в целом противостоит традиционным механизмам социализации молодого поколения.

Перечисленные выше ограничения, по мнению экспертов, существенно снижают степень эффективности телевидения как агента образовательного процесса. Это обстоятельство существенно сужает спектр целей, которые можно реализовать с его помощью.

Для большинства экспертов телевизионное образование – это значимый фактор оптимизации образовательной деятельности учащихся, условие развития дополнительного и способ реализации основного образования. Эксперты, оценивая роль телевизионного образования в развитии личности, рассматривают его как важнейшее средство формирования информационной, коммуникативной среды; считают, что оно станет серьезным фактором развития всей образовательной сферы, а также элементом социального контроля за деятельностью массмедиа.

Часть экспертов считает, что телевизионное образование должно давать учащимся знания о массовой коммуникации и особенностях ее функционирования в социуме, обеспечивать знание того, как 1) анализировать, критически осмысливать и создавать медиатексты; 2) определять источники медиатекстов, их политические, социальные, коммерческие и/или культурные интересы, их контекст; 3) интерпретировать медиатексты и ценности, распространяемые медиа; 4) отбирать соответствующие медиа для создания и распространения своих собственных медиатекстов и обретения заинтересованной в них аудитории; 5) получить возможность свободного доступа к медиа.

Вместе с тем, по мнению экспертов, образовательный потенциал телевидения в данный момент недооценен и, несмотря на огромные возможности, используется не в полной мере, характеризуется дисфункциональностью. Современный уровень телевизионного образования эксперты оценивают как крайне низкий, перспективы его развития связывают с переосмыслением потенциала, накопленного отечественным образованием, а также освоением технологического и методического опыта западных стран.

Г. Е. Зборовский*, Е. А. Шуклина**

Национальное образование как социокультурный фактор этнонациональной идентификации молодежи

Анализ социокультурного воздействия национального образования на процессы этнонациональной идентификации еврейской молодежи осуществлялся нами на базе эмпирических данных конкретно-социологического исследования, проведенного в г. Екатеринбурге в 2006 г.

Объектом исследования выступили: представители еврейского населения Екатеринбурга; родители детей еврейских дошкольных образовательных учреждений и их педагоги (детский сад «Мотек», детский сад при гимназии Ор Авнер, школа развития при общинном центре «Менора», программа «Мазл Тов»); родители, педагоги, старшеклассники гимназии Ор Авнер; родители, педагоги и учащиеся воскресной школы, потребители образовательных программ еврейского общинного центра «Менора», «Дома Торы», «Гилеля», СОЕК «Атиква»; эксперты (руководители вышеперечисленных организаций). Общий объем выборки составил 499 человек¹.

* **Гарольд Ефимович Зборовский** – д-р филос. наук, профессор, декан социологического факультета Гуманитарного университета, заслуженный деятель науки РФ (г. Екатеринбург).

** **Елена Анатольевна Шуклина** – д-р социолог. наук, профессор, директор Центра социологических и маркетинговых исследований Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Исследование отдельных элементов объекта предполагало следующие виды отбора единиц наблюдения. Для представителей еврейского населения Екатеринбурга была использована квотная выборка объемом 250 чел. с основными квотными признаками – пол, возраст респондента. Процесс отбора осуществлялся методом снежного кома. Для изучения педагогов дошкольных образовательных учреждений и педагогов школы был применен сплошной отбор единиц наблюдения (39 чел). Учащиеся гимназии Ор Авнер и воскресной школы при общинном центре «Менора» обследо-

В обширной литературе, посвященной этой проблеме, рассмотрен и обоснован факт отсутствия универсальной модели национально-этнической идентичности². Идентификационные процессы еврейского населения, проживающего в крупном мегаполисе и выступающего объектом нашего исследования, также имеют свою специфику, обусловленную совокупностью факторов, среди которых одним из значимых является национальное образование³.

Обратимся к рассмотрению суждений о критериях приобщенности к еврейству групп респондентов, различающихся своим отношением к национальному образованию.

Результаты анализа суждений показывают, что прямая и косвенная включенность в сферу национального образования (у групп учащихся и их родителей) трансформирует индивидуальный выбор респондентом этнообразующих признаков, обеспечивающих его включенность в этнонациональную общность. Корреляционный анализ данных подтверждает наличие связи между степенью включенности респондентов в образовательную сферу и их представлениями о базовых признаках еврейства как общности.

Так, если для еврейского населения, не включенного в сферу национального образования, доминантным этноинтегрирующим признаком выступает еврейское происхождение (53,8 %), то группы учащихся и их родителей выдвигают два базовых вполне равноправных критерия еврейской самоидентификации – причастность к национальной культуре (42,1 %; 52,1 % соответственно) и критерий происхождения (36,8 %; 52,9 %).

Факт появления культурной доминанты в формировании этнической идентичности у отдельных групп населения и молодежи, в

лись посредством квотной выборки (57 чел.). Родители (142 чел.) были обследованы в рамках 50 % квотной выборки (квотные признаки – пол, класс ребенка). Для отбора экспертов применена целевая выборка типичных представителей (11 чел.).

² Рыбкина Р. Как живут евреи в России. М.: Параллели, 2005; Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Национальное самосознание российских евреев. М.: Диаспоры, 2003. С. 46–94.

³ Общепринятыми идентификационными критериями в литературе, как правило, признаются: 1) официальный российский критерий – еврейство по документам; 2) традиционный русский этнический критерий – еврейство по отцу; 3) еврейский галахический критерий – еврейство по матери; 4) официальный израильский критерий – «Закон о возвращении»; 5) религиозный критерий; 6) еврейство по самоотождествлению; 7) еврейство по иноотождествлению.

частности, свидетельствует о влиянии национального образования на социокультурное развитие личности и еврейской общности.

Данные выводы подтверждаются суждениями респондентов о том, кого, с их точки зрения, можно считать евреем (см. табл. 1). Учащиеся и их родители выделяют в качестве одного из базовых показателей «приобщенность к национальной культуре, национальным ценностям, образу жизни». По этой позиции их число в 1,5–2 раза превышает количество тех, кто находится вне институционального воздействия национального образования.

Таблица 1
Мнения респондентов о том, кого можно считать евреем
(% к числу ответивших)

Кого можно считать евреем	Население, не вовлеченное в сферу национального образования	Родители учащихся гимназии, воскресной школы	Ученики гимназии, воскресной школы	В целом по массиву
Человека, имеющего еврейское происхождение	60,7	66,4	38,6	58,7
Любого, считающего себя евреем, ощущающего принадлежность к еврейскому народу	48,8	38,6	63,2	45,9
Глубоко верующего, религиозного, преданного иудаизму	22,2	20,7	33,3	24,5
Человека, приобщенного к национальной культуре, национальным ценностям, образу жизни	26,6	55,0	33,0	49,0

В ходе исследования на базе эмпирических обобщений, реализованных с помощью кластерного анализа, нами была выявлена типология еврейского населения, которая характеризует его с точки зрения основных этнодифференцирующих критериев и отношения к национальной культуре и национальному образованию.

Первый кластер характеризуется тем, что включает в себя лиц, основным этнодифференцирующим признаком которых является еврейское происхождение. Он самый большой по объему и составляет 43 % всей совокупности опрошенных.

В нем явно выражены доминантные отклонения от усредненных данных по массиву в целом по следующим социально-демографическим параметрам респондентов:

1. пол	• мужчины
2. возраст	• возрастные группы с 18 до 30 лет
3. уровень образования	• среднее и среднее профессиональное
4. статус	• рабочие, служащие, технические работники
5. доход	• ниже среднего
6. отношение к национальному образованию	• невовлеченное в систему еврейского образования население

Второй кластер включает в себя лиц, для которых значимым этнодифференцирующим критерием выступает комплекс факторов: причастность к национальной культуре, приобщенность к национальным традициям, выработанные народом нравственные нормы, еврейское происхождение, общие межличностные контакты, взаимопомощь, еврейство по самоотождествлению (еврей – любой, считающий себя евреем), приобщенность к национальной культуре и образу жизни.

Размер кластера – 20 % от всех опрошенных. По сравнению с усредненными данными в целом по массиву в нем доминируют следующие категории лиц:

1. пол	• женщины
2. возраст	• 31–45 лет и свыше 61 года
3. уровень образования	• высшее
4. статус	• пенсионеры, домохозяйки, специалисты, руководители
5. доход	• средний
6. отношение к национальному образованию	• родители учащихся гимназии и воскресной школы

Третий кластер включает лиц, для которых базовый этнодифференцирующий критерий – самоотождествление с еврейством (еврей – любой, считающий себя евреем).

Объем кластера – 37 % от опрошенных. Специфические характеристики кластера, отличающие его от усредненных данных по массиву в целом, можно проследить по таким социально-демографическим параметрам, как

1. пол	• мужчины
2. возраст	• возрастные группы 14-17 и 46-60 лет
3. уровень образования	• среднее (учащиеся школы)
4. статус	• школьник, студент
5. доход	• выше среднего
6. отношение к национальному образованию	• учащиеся гимназии и воскресной школы;
невовлеченное в систему еврейского образования население

Интересно, что кластеры, сформированные по большой совокупности признаков, тем не менее, отчетливо выявили этнонациональные самоидентификационные характеристики трех социальных групп еврейства, по-разному относящихся к национальному образованию: невовлеченного в систему национального образования населения, еврейской молодежи (учащихся гимназии) и их родителей.

Анализ полученных нами данных показал, что национальное образование как фактор социокультурной идентификации в большей мере связано со сферой желаемого (особенно с потребностями родителей в области этнонациональной социализации ребенка), чем действительного (то есть уровнем укорененности социокультурных ценностей в сознании молодежи).

Целесообразно предположить, что возлагаемые на национальное образование надежды будут все же оправданы и идеальный образ образования как социокультурного фактора этнонациональной идентификации найдет реальное воплощение в системе национального образования. Пока же необходимо отметить наличие различий в представлениях о роли образования у родителей и их детей, заключающихся в том, что для последних значимость еврейской национальной культуры в становлении национальной общности не однозначна.

Вместе с тем, особенностью учащихся (группы, реально включенной в национальное образование) является то, что даже несмотря на отбор в учебное заведение по галахическому признаку, они демократичны в выборе идентификационных критериев еврейства. В этой группе больше, чем в любой другой, считается допустимым самоотождествление себя с еврейством в качестве базового фактора приобщенности к национальной общности. Самоотождествление у учащихся в большей степени характеризуется не столько когнитивной, рациональной сферой, сколько сферой эмоционального и базируется на ощущении принадлежности к еврейству, чувстве причастности к еврейскому народу, национальной гордости и др.

О. С. Иванова*, Т. Н. Пестова**

Педагогическая технология «Дебаты» и обучение будущих социологов

Первый семестр обучения в Гуманитарном университете показал: студенты пока не владеют многим из того арсенала навыков, которыми должен обладать настоящий социолог. Важнейшим для профессионала-социолога является умение ставить вопросы и защищать свое мнение, предварительно четко его сформулировав. Четкость формулировок предполагает жестко заданную конкретику, базирующуюся на фактах и межпредметных связях. Начать учиться этому помогли студентам дебаты.

Заданная тема «Информационное насилие допустимо» и форма дебатов потребовали от студентов, и особенно «спикеров», серьезной подготовки к защите дискуссионной позиции своей команды. Доводы оппонентов были серьезными и они основывались на утверждениях о необходимости рекламы для развития общества, о проблемах продвижения продукта на рынок при отсутствии полной информации, о значимости информации для развития личности, о свободе слова, гарантированной ст. 29 Конституции РФ.

В ответ студенты не могли не сказать о бесконечном дублировании информации в СМИ и пагубности влияния неконтролируемой по своему содержанию рекламы на психику и сознание многих людей. Особенно это касается недобросовестной рекламы низкокачественных товаров, формирования чувства ущербности у тех, кто не может воспользоваться навязываемыми благами. Это формирует у людей массу комплексов, неуверенность в себе, толкает на противоправные действия. Люди становятся завистливыми, алчными, агрессивными. Рост криминала и есть следствие навязывания стереотипов потребления средствами рекламы.

* **Ольга Сергеевна Иванова** – студентка 1-го курса социологического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** **Татьяна Николаевна Пестова** – студентка 1-го курса социологического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Свобода слова нужна, но этим словом следует пользоваться очень осторожно. А пока мы видим, насколько безнаказанно оскорбляют друг друга противники в выборных кампаниях, слышим обещания, которые никогда не будут реализованы, и ощущаем дискомфорт от того, что пока никак не можем повлиять на сложившуюся ситуацию, «вписаться» в поле заданных внешними условиями установок.

С правовой и экономической точек зрения, информация, которую большое число субъектов считают рациональной, должна существовать и имеет на это право. С социологической точки зрения, неконтролируемое обилие информации низкого нравственного потенциала можно рассматривать как насилие над личностью и фактор дестабилизации общества. Не всякая информация, «хорошая» с позиции сиюминутной выгоды, социально полезна и имеет «право на жизнь». Критерием здесь должны стать морально-этические принципы и задачи сохранения духовной культуры, нравственной атмосферы в обществе. Об этом говорили некоторые студенты, доказывая, что пропагандируемый и навязываемый сегодня СМИ «жесткий натурализм» никому не нужен: ни молодежи, ни старшему поколению.

В дебатах победила более организованная и подготовленная команда. Но в целом, студенты обеих команд выиграли. И выигрыш заключался в новых навыках и умениях, которые студенты начали обретать; в понимании того, чему еще надо научиться для активной жизни в новых социальных условиях, сложившихся в стране.

Играя, студенты учились из огромного массива информации выбирать главное, то есть вести нужную для студенческой жизни селекцию материала. Они начали понимать, как правильно слушать оппонентов, видеть их просчеты и обращать их в свою пользу, не «отступать» даже в самой безвыходной ситуации и одновременно оставаться внимательными, сдержанными, не «переходить на личности», уважать мнение тех, кто думает иначе.

Участники и «болельщики», наблюдавшие за игрой, оказались единодушны: дебаты должны стать неотъемлемой частью образовательного процесса. Студенты считают, что новая методика и технология работы помогает многосторонне рассматривать ту или иную проблему, оценивать чужую точку зрения так, как это принято в настоящей науке. Студенты учились искать аргументы для спора, правильно отбирая необходимые и «отбрасывая» ненужные; начали понимать, что факт социальной жизни нельзя оценивать поверхно-

стно и категорично, что не стоит бояться представлять свое мнение аудитории и преподавателю.

Еще одним важным «открытием» стало то, что можно анализировать реалии социума, используя литературу, средства Интернет, публикации в научных журналах и личные наблюдения. Студенты осознали не только «переключку» всех сфер социально-гуманитарных наук, но и то, что сближает, современную молодежь и людей старшего поколения. Но главной для многих стала возможность почувствовать себя увереннее, понять, что студенты сами могут достраивать свое собственное «Я», работать в команде, чаще высказывать свою точку зрения не только по поводу проблем, стоящих перед страной, но и перед самим собой.

Из сказанного можно сделать вывод: педагогическая технология «Дебаты» должна стать неотъемлемой частью профессионального обучения будущих социологов и развития умения учиться у всех студентов. Дебаты буквально «встряхнули» студентов и показали, как надо учиться в новых условиях по-новому.

О профессионально-педагогическом образовании в современной России

Педагогическое образование в очередной раз попало в немилость российских властей. Общественное мнение большей частью тоже на стороне начальства: к старому «ума нет — иди в пед» добавилось «выпускники педвузов в подавляющем большинстве трудоустраиваются не по специальности» (как будто это зависит только от выпускников и учреждений образования!) и т. п. Особенно «достаётся» профессионально-педагогическому образованию, которое обывательски чаще мыслится как сумма профессиональной и педагогической подготовки; а сумма, как известно, от перемены мест слагаемых не меняется.

Однако профессиональная педагогика не может быть простой спецификацией общей педагогики. Здесь приходится делать оговорку об устоявшихся терминах, принятых и понятных в среде специалистов, но заведомо вводящих в заблуждение непосвященную публику. «Профессиональную педагогику» легко можно воспринять не как «педагогику вхождения в профессию», а как «нестихийную, недоморощенную». «Общая педагогика» может легко быть воспринята и как «общий знаменатель всех педагогических отраслей», и как «педагогика общего образования». Так вот, педагогика вхождения в профессию не может быть частным случаем педагогики общего образования. Она обладает всеми конституирующими признаками профессии, один из которых заслуживает первостепенного внимания: профессия — это всегда особый дискурс (выраженное, прежде всего, в языке¹, а также и в деятельности, и

* Александр Геннадьевич Кислов — д-р филос. наук, профессор, зам. директора по учебной и научной работе РГППУ, институт педагогической юриспруденции (г. Екатеринбург).

¹ «Нам нетрудно представить себе образование по аналогии с языком, когда мы говорим о развитии маленького ребенка. Собственно, для него освоение языка и есть образование. На первых этапах жизни «словарный запас» — естественный показатель образованности... коррелят образования.

взаимоотношениях с миром мышление), а значит, обособленная группа его носителей. Обособленность эта не установлена искусственно. Здесь имеет место естественный и неизбежный эзотеризм, обусловленный спецификой определенной социальной ниши. Определенность же данной ниши мало того что подвижна, как все в этом мире, так еще и определяема только изнутри, из самой ниши, то есть, говоря языком эзотериков, «посвященными». Речь идет не о мистификации профессии, хотя все исторически устойчивые мистификации возникли не на пустом месте. Мистификация — негодный, а значит не единственный способ толкования. Речь о посвящении в особую профессию, которую не свести ни к какой формуле, ни к какой сумме, ни к какому общему знаменателю², которую долго постигают, внутри которой становятся профессионалами, признанными в качестве таковых в первую очередь коллегами и только во вторую — иной публикой. Цеха, гильдии, консилиумы, ученые или диссертационные советы — примеры институционализации профессиональных групп, фигуральным лозунгом каждой из которых

Однако значит ли это, что «родовое сходство» образования и языка заканчивается с последним написанным в школе сочинением? Отнюдь нет. **Профессиональное образование еще в большей степени требует обращения к лингвистической метафоре.**

Кстати, и «работодатели практически никогда не могут четко и операционально (то есть на уровне алгоритма) выразить свои требования к кандидату. Однако в подавляющем большинстве случаев отбор и последующее продвижение происходит не по формальным критериям, а по «общности языка». Общность устанавливается в первые же минуты собеседования: по словам-маркерам, часто ничего не говорящим постороннему, и используемым оборотам речи, которые действуют как пароль («Мы с тобой одной крови, ты и я»). То, что традиционно именуется «личными качествами» претендента, порой не имеет никакого отношения к его личности — это качества **языка**, которым он овладел (и который овладел им). Именно поэтому специалисты кадровых агентств также имеют все основания называть себя «переводчиками»» (Вахитайн В. Код образования // Платное образование. 2006. № 10. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.platobraz.ru/text10-2006/nomer10-2006kod.shtml>).

² Так и «метафора «образование как язык» отнюдь не претендует на универсальность. Освоенный язык остается лишь одним из многих коррелятов образованности» (там же), «язык остается видимым, но не замечаемым — прозрачным и непроблематичным медиумом, посредником между образованием и его коррелятами (социальным успехом, компетенциями, психологическими способностями etc.)» (Вахитайн В. Указ. соч.).

может оставаться легендарное «Не геометр да не войдет!» Продолжая содержащуюся в нем интенцию, можно сказать «Педагог общего образования да не войдет в профессиональную педагогику!», ибо вхождение в таком случае будет не просто «подковкой», но «перековкой», что всегда труднее, нежели подготовка «с нуля»³.

Разрушение системы профессионально-педагогического образования будет сильно способствовать ликвидации соответствующего профессионального сообщества, а значит, и той социальной ниши, которая возникла опять же не искусственно и рано или поздно воссоздастся в силу объективной ее целесообразности. Но отбросить к кустаршине профессиональное образование довольно легко, трудно же будет из нее выбираться. Поэтому сегодня, к сожалению, актуален не уместный, прежде всего, в узкопрофессиональной среде разговор о совершенствовании профессионально-педагогического образования, а борьба за сохранение профессионально-педагогического образования как решающего условия сохранения и развития всего профессионального образования. Эта борьба происходит на открытой политической площадке и в кулуарах органов управления, она требует особых качеств ее участников. Будем надеяться, что среди педагогов «профобра» найдутся и эффективные политики, которым неизбежно придется консолидироваться с теми, кто к «профобру» имеет внешнее, даже случайное отношение, но кто поможет его спасению от разгрома. А педагогам необходимо продумывать ясную и приемлемую политиками и общественностью концептуальную апологию профессионально-педагогического образования.

³ «Теперь проясняется тезис о принципиальной замкнутости образования как “языковой системы” в целом и каждого отдельного профессионального “диалекта” в частности. То, что представимо в одном пространстве координат, непредставимо в другом, смыслы, легко выражаемые языком управленческой команды, порой совершенно недоступны носителю языка научного исследования и наоборот. В некоторых языках-образованиях сама идея образования как языка непредставима» (*Вахитайн В.* Указ. соч).

И. К. Кощеева*

Европейское окно возможностей в российском интерьере

Начало Болонскому процессу в России положено. В октябре 2007 г. приняты изменения, внесенные в два основных российских закона об образовании: высшая школа переходит на двухуровневую систему образования «бакалавр-магистр» (по формуле 4 + 2). Моноуровневая подготовка «специалист» (не менее 5 лет) останется для тех специальностей, перечень которых будет определен Правительством. «Де юре» – переходим на двухуровневую систему с 1 сентября 2009 г. «Де факто» – с 1 сентября 2010 г.¹

Россия подтвердила свою готовность действовать в направлении интернациональной гармонизации образовательных систем и рынков труда. Вектор реформирования национальной системы профессионального образования лежит в плоскости концептуальных и методологических идей, разработанных совместно странами-участницами Болонского процесса, и направлен на обеспечение качества образования на институциональном, национальном, европейском уровнях.

Происходит смена образовательной парадигмы. Методологической основой перехода на двухуровневую систему является компетентностный подход: требования к результатам обучения – это требования к общим и профессиональным компетенциям, которыми должен владеть выпускник и которые соответствуют уровню квалификации. Описание уровней квалификации строится на описании различий в уровнях компетенций, которые в свою очередь описываются через степень развития уровней ответственности, самостоятельности в управлении обучением и самой деятельностью в более сложных ситуациях и контекстах.

* *Ирина Константиновна Кощеева* – канд. социол. наук, проректор по учебной работе Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Студенты набора 2009 г. очной формы будут учиться по стандартам II поколения вплоть до 2014 г., студенты очно-заочной и заочной форм обучения – до 2015 г.

Другими нормативно-ценностными характеристиками Болонского процесса являются мобильность, свобода выбора образовательных траекторий, сопоставимость результатов обучения и академических степеней, признание дипломов, открытость (прозрачность) образовательной системы. Чем выше степень соответствия данным критериям, тем эффективнее процессы развития и взаимодействия различных систем высшего образования европейских стран, тем выше степень удовлетворения потребности рынков труда в высококвалифицированных работниках, способных качественно выполнять свои обязанности сразу после окончания обучения.

Для России открывается «окно возможностей». Вхождение в европейское (и шире – мировое) образовательное пространство – это возможность вести политический диалог, а международное сотрудничество в этой области – инструмент повышения конкурентоспособности национальной системы высшего профессионального образования. Будучи самым крупным сегментом мирового образования, российское высшее образование на мировом рынке образовательных услуг представлено ничтожно малой долей – 0,3 % (ср.: США – 30 %, Объединенная Европа – 30 %). Увеличение доли возможно за счет роста объемов экспорта образовательных услуг и роста численности иностранных студентов, обучающихся в российских вузах.

Переход на двухуровневую систему даст возможность повышения эффективности расходования бюджетных средств. В настоящее время только 20 % специалистов, пятилетняя подготовка которых профинансирована государством, идут работать по специальности.

Следствием растущей рассогласованности сфер труда и образования (беспрецедентна скорость обновления технологий, увеличения объема информации, старения знаниевого продукта²) становится высокая степень неудовлетворенности работодателей качеством подготовки кадров для рынка труда. В этой связи государство поставило задачу привлечения бизнеса как заказчика-потребителя результатов высшего образования к формулированию характеристик профессиональной деятельности, целей-результатов профессионального образования, к формированию нового содержания образования. В условиях острого недофинансирования вы-

² По мнению Я. Кузьмина, ректора ГУ-ВШЭ, «период полураспада» знаниевого продукта – 2–2,5 года.

сшей школы сверхзначимой является задача привлечения бизнеса в качестве инвестора образовательных программ, преимущественно второго уровня, то есть, магистерских программ.

Сокращение сроков обучения по программам I уровня высшего профессионального образования сэкономит не только бюджетные деньги, но и деньги основных плательщиков – студентов (более 60 % студентов высшей школы обучаются на платной основе), которые в большинстве своем уже на 3 курсе устраиваются на работу. По оценкам экспертов, 80 % из числа обучающихся «будут удовлетворены» дипломом бакалавра и только 20 % продолжат образование в магистратуре.

Возможности государства и общества обеспечивать устойчивое экономическое развитие, сохранять стабильность социального организма, создавать условия для повышения социальной мобильности и статусных позиций отдельного человека тем вероятнее, чем больше доля работоспособного населения с высшим образованием в социально-профессиональной структуре общества. Высшее образование во всем мире становится массовым. В западных экономиках значительно снижается спрос на низкоквалифицированный труд. Российский работодатель также демонстрирует высокую степень заинтересованности в найме работников с высшим образованием, причем даже в тех случаях, когда для выполнения работ такой уровень не требуется. Преимущество высшего образования в данном случае проявляется в степени сформированности таких качеств выпускника, как творческий подход к деятельности, быстрота обучаемости, готовность быть лидером, умение работать в команде, владение коммуникативными навыками.

Открытость системы образования дает государству возможность привлекать иностранную квалифицированную рабочую силу без затрат на ее подготовку; обществу – возможность обмена культурами и формирования у граждан открытого, толерантного сознания, возможность усиления социальной и культурной взаимосвязанности; отдельному человеку – академическую мобильность не только внутри государства, но и за его пределами, возможность сравнения и свободного осознанного выбора, обучения сразу в нескольких учебных заведениях, невзирая на границы.

Цели Болонского процесса известны. Понятно, какие результаты необходимо обеспечить, опираясь на общие для всех стран-участниц критерии и методологию. Очевидно, что реформирование национальной системы профессионального образования возможно

при условии конструктивного взаимодействия, достижения консенсуса между государством, обществом, бизнесом, образованием. Можно обрисовать те перспективы, которые открываются перед всеми участниками процесса реформирования системы высшего образования на основе идей Болонского процесса.

Анализ мнений, которые высказываются академическим сообществом на страницах профессиональных периодических изданий, при оценке перемен, происходящих в российской системе образования, свидетельствует о негативном, в большинстве своем, отношении, которое выражается вошедшими в академический обиход окказионализмами: «болонизация», «оболонивание», «макдонализация образования».

Конкурентоспособность образования зависит от конкурентоспособности экономики, которую это образование обслуживает. В рейтинге конкурентоспособности экономик стран Россия занимает 43 место (2007 г.). Для сравнения: США – 1 место, страны Евросоюза: Люксембург – 4 место, Дания – 5 место, Германия – 16, Великобритания – 20.

Доля ВВП, идущая на высшее образование, составляет в России – 0,7 %, в США – 2,7 %, странах Евросоюза – в среднем 1,3 %. На обучение одного студента в странах ЕЭС тратится в год 12 тыс. долларов, в России около 5 тыс. долларов.

Государство планирует увеличить расходы на образование на 11 % в 2008–2010 гг., но инфляция в этот период, по прогнозам многих экономистов, будет вдвое выше. Следовательно, реально расходы уменьшатся примерно на 15–16 %.

В сфере информационных технологий в США занято 10,3 % трудового населения, в странах Евросоюза – 2,5 %, в России – 1,5 %.

В докладе Общественной палаты «Готова ли Россия инвестировать свое будущее?» говорится о том, что заработная плата вузовского преподавателя должна быть не менее 50 тыс. рублей. Достижению этого будет способствовать, по мнению докладчиков, переход на четырехлетний бакалавриат, исчезновение многих вузов (в период, известный под названием «демографическая яма», студентов на всех не хватит), а также «исчезновение» абитуриентов с низкими результатами ЕГЭ³. Государство предполагает увели-

³ Авторы предлагают запретить поступать в вузы (как государственные, так и негосударственные) абитуриентам, набравшим на ЕГЭ ниже 40 баллов. Комментируя данное предложение, президент Пятигорского государственного лингвистического университета Ю. Давыдов, говорит, что при таких условиях в 2007 г. в вузы не был бы допущен каждый третий абитуриент.

чить заработную плату преподавателей в 2008–2010 гг. на 20 %, то есть настолько, насколько вырастет инфляция.

По оценке директора Центра экономики непрерывного образования Академии народного хозяйства при Правительстве РФ Татьяны Клячко и доктора экономических наук Владимира Александровича Мау, большинство российских вузов не имеют стимулов к «переходу». Мобильность российских студентов (как внутри страны, так и вне ее) будет сдерживаться экономическими причинами; а приток иностранных студентов к нам – социальными (языковыми проблемами и условиями проживания). В настоящее время в двух ведущих российских вузах МГУ и СПбГУ, попавших в академический рейтинг университетов мира Шанхайского университета в пятый кластер с 301–400, доля иностранных студентов составляет 5 % и 12,5 % соответственно (ср.: Гарвард – 19 %, Стэнфорд – 21 %, Кембридж – 18 %).

С введением двухуровневой системы возрастают риски снижения статуса многих вузов: тех, которые не смогут реализовать магистерские программы. Наконец, переход потребует от преподавательского корпуса огромных усилий по изменению учебных планов, программ, педагогических технологий, а средний возраст ППС близок к пенсионному.

Ректор МГУ В. А. Садовничий считает, что введение двухуровневой системы понизит качество образования, что «ломать свое и кидаться с головой в новое – ошибка». Руководители многих ведущих вузов страны высказываются за сохранение «национального своеобразия» и сложившихся в отечественной высшей школе академических традиций. Отстаивая свою позицию, ректоры говорят о значительном количестве выпускников российских вузов, успешно работающих за рубежом, и этот факт, по их мнению, свидетельствует о высоком качестве образования. Приводится в пример и осторожное поведение консервативной Европы: из 48 стран-участниц только 23 реализовали полностью идею двухуровневого образования. Ссылаются и на 15-летний опыт реализации программ подготовки бакалавров и магистров, который не вполне удачен. Из Национального доклада Российской Федерации, представленного на Лондонском совещании министров образования стран-участниц Болонского процесса в мае 2007 г., следует, что из 7511 тыс. студентов, обучающихся в российских вузах, только 7 % обучается на бакалавриате и 0,6 % – в магистратуре⁴. Идут рабо-

⁴ Для сравнения: доля студентов магистратуры и аспирантуры составляет в Гарварде – 59 %, Стэнфорде – 64 %, Массачусетском технологическом институте – 60 %, Оксфорде – 37 %, Кембридже – 35 %.

тать, получив диплом бакалавра, 2–3 % выпускников. Большинство руководителей вузов, реализующих программы бакалавриата, сетуют на то, что работодатель не воспринимает бакалавров, считая бакалавриат «неполноценным высшим образованием». По исследованиям Государственного университета – Высшей школы экономики, большинство студентов думает, что диплом бакалавра не будет востребован рынком труда.

В представлениях ректоров вузов результаты высшего образования выглядят более привлекательно, чем в оценках бизнеса – потребителя этих результатов. Расхождения в оценках современного состояния, ближайших и долгосрочных перспектив развития российской системы высшего образования являются свидетельством существенного несовпадения ценностно-нормативных структур представлений государства (власти) и академического сообщества о качестве образования на институциональном, национальном, европейском уровнях.

Основным фактором обострения этого потенциального конфликта является дальнейшее внедрение рыночных отношений с императивами эффективности и конкурентоспособности.

Ориентация государственной политики на реализацию идей Болонского процесса в России предполагает учет острых и противоречивых мнений участников процесса реформирования, поиск условий реализации их интересов и потребностей, формирование правовых, институциональных, организационных, управленческих механизмов создания таких условий.

Литература

1. *Аржанова И. В.* Россия в Болонском процессе // Аккредитация в образовании. – 2007. – № 13. – С. 20–22.
2. *Аржанова И. В.* География и арифметика Болонского процесса // Аккредитация в образовании. – М., 2007. – № 18. – С. 40–45.
3. *Блинов В.* Национальная рамка квалификаций в Российской Федерации // Высшее образование в России. – 2007. – № 1. – С. 44–51.
4. *Горли Б.* Болонский процесс в глобальном контексте: потенциальные возможности и угрозы для Европейского сектора высшего образования // Вопросы образования. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – № 2. – С. 6–13.
5. *Давыдов Ю.* Понять происходящее // Alma mater: Вестник

высшей школы. – 2007. – № 9. – С. 7–10.

6. *Зернов В.* Высшее образование как ресурс инновационного развития России // Высшее образование в России. – 2007. – № 1. – С. 12–22.

7. *Клячко Т. Л., Мау В. А.* Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вопросы образования. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – № 2. – С. 46–65.

8. *Салми Д., Фруммин И. Д.* Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Вопросы образования. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – № 2. – С. 5–46.

9. *Суслова Д. В.* Болонский процесс в России // Аккредитация в образовании. – 2007. – № 13. – С. 20–22.

Роль образования в творческом развитии молодежи

Современный, динамичный, стремительно развивающийся мир предъявляет к людям строгие требования. Человек для своего успешного развития должен быть мобильным и активным, уметь адекватно реагировать на изменения в мире, обладать творческим подходом к жизни и способностью к конструктивной преобразовательной деятельности.

Творческий потенциал человека в той или иной степени проявляется во всех сферах его жизнедеятельности. И одним из ярчайших примеров его раскрытия является сфера науки. Большой интерес представляют высказывания ученых-первооткрывателей, проявивших выдающиеся творческие способности, о творческой одаренности, роли творчества в жизни общества, о воспитании и развитии творческого потенциала людей, молодежи. Ограничимся высказываниями в основном ученых-физиков, во-первых, потому что физика является базой современного естествознания и основой бурного развития современной техники и технологии, во-вторых, потому что прошлый век, особенно первая его половина, был периодом бурного развития самой физики и временем формирования новых революционных идей и теорий, в этот период ярко проявила себя блестящая плеяда высокоодаренных талантливых молодых ученых, творческий путь которых является весьма поучительным.

Из воспоминаний о творчестве крупных ученых-физиков можно выделить ряд характерных черт и признаков их творчества:

- самостоятельность, самобытность;
- продуктивное, оригинальное мышление;
- независимость и свобода мышления, преодоление стереотипов и общепринятых представлений, способность генерировать новые гипотезы, идеи;
- богатая интуиция, творческое воображение, научная фантазия;

* *Екатерина Александровна Левина* – аспирант кафедры социологии Гуманитарного университета, психолог ПБ № 6 (г. Екатеринбург).

• увлеченность творческим процессом, инициатива, настойчивость, упорство, работоспособность, темперамент.

Также значительную, а порой и важнейшую, роль играет и элемент наставничества. Выдающийся ученый академик П. Л. Капица так вспоминает о своем учителе Резерфорде: «...Резерфорд всегда заботился о том, чтобы все, что у человека было свое, было отмечено», «... студенты должны думать сами, должны сами задавать вопросы, задача преподавателя заключается не столько в том, чтобы давать ответы на вопросы, сколько в том, чтобы стимулировать самостоятельную работу»¹. У академика Л. Д. Ландау также была целая система воспитания учеников – он не давал им тем для работы, заставляя ученика «перескочить» через порог самостоятельности. Ученик оказывался на другом уровне, и это определяло его дальнейшую жизнь в науке².

Как показывают различные психологические и психофизиологические исследования, основное развитие интеллекта человека происходит в первые 20 лет жизни, наиболее интенсивно – от 2-х до 12-ти лет, достигает максимума к 19–20 годам, фаза стабилизации приходится на период до 30–34 лет, затем идет спад интеллектуальных функций³. Это объясняет тот факт из истории науки, что крупнейшие открытия в науке совершались молодыми людьми. «Из сказанного ясно, – заключает И. К. Кикоин, – что человек, решивший посвятить себя научной работе, должен начинать ее как можно раньше – еще в студенческие годы, а лучше даже в школьные годы»⁴.

Можно привести множество примеров и доказательств того, как внешние социокультурные факторы оказывают существенное, а подчас и определяющее влияние на творческий потенциал людей, благоприятные условия способствуют расцвету творческой активности в разных областях жизни людей и общества в целом. Очень важно для прогресса науки создание благоприятных условий для развития природных талантов ученого; для этого надо делать творческую работу привлекательной.

¹ Резерфорд – ученый и учитель: Сборник / Под ред. П. Л. Капицы. М., 1973. С. 36, 71.

² Воспоминания о Л. Д. Ландау: Сборник / Под ред. О. Н. Халатникова. М., 1988. С. 34.

³ Дружин В. Н. Психология общих способностей. М., 1999. С. 104.

⁴ Кикоин И. К. Рассказы о физике и физиках. М., 1986. С. 117.

Эти утверждения не потеряли со временем своей значимости и актуальности. И в наше время можно с уверенностью сказать, что одаренный ученик, безусловно, требует к себе внимания наставника, учителя, создания благоприятных условий, для того чтобы одаренность еще не определившегося полностью в своих интеллектуальных интересах, не созревшего характером и убеждениями юноши не стерлась, не затерялась в перипетиях жизненных ситуаций, что происходит в наши дни повсеместно, а общество теряет потенциальных «ньютонов» и «эйнштейнов». Поэтому процессу развития творческого потенциала школьников нельзя давать развиваться стихийно, а нужно научиться им управлять, создавая благоприятные условия для развития будущего нашего общества.

В. П. Лимушин*

К вопросу преемственности (гармонизации) педагогических парадигм в преподавании экономики

Одним из завоеваний перестроечных процессов 80-х годов XX в., закрепленных законом «Об образовании» (1992 г.), стали личностно-ориентированные цели и методы учебно-воспитательного процесса, его известная гуманизация и гуманитаризация, определенный простор для творческой инновационной деятельности, закрепившиеся в личностной и культурологической педагогических парадигмах. Сказанное характеризовалось переходом от господства монологической формы осуществления учебно-воспитательного процесса к диалогической, заменой субъект-объектных отношений субъект-субъектными в сферах общения субъектов образования, базирующихся на антропологической модели педагогического сознания.

С 2003 года Минобрнауки РФ (не без, как нам представляется, лоббирования работодателей) однозначно определилось, что «первой среди равных» педагогических парадигм в образовательном пространстве средней (полной) общеобразовательной школы и среднего профессионального обучения должна стать компетентностная парадигма. Ее сторонники настаивают на том, что ожидаемым результатом образовательного процесса является не система знаний, умений и навыков (ЗУН), а набор **заявленных государством ключевых компетентностей**, без которых невозможно на деятельность современного человека в интеллектуальной, общественно-политической, коммуникационной, информационной и прочих сферах. Другими словами, компетентностная парадигма нацелена на усиление практической ориентации и инструментальной направленности общего среднего образования, стремится подготовить человека умелого и мобильного, владеющего набором не

* **Виктор Павлович Лимушин** – доцент, СУНЦ УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

фактов и умением их интерпретировать, а способами технологического их получения.

К каким последствиям может привести «возвышение» компетентностной парадигмы по отношению к личностной и культурологической – завоеваниям отечественной педагогической системы 60–90-х гг. XX в., можно проследить на примере анализа структуры и содержания учебников/учебных пособий по экономике, рекомендованных Минобрнауки РФ в качестве базовых для общеобразовательных и средних профессиональных образовательных учреждений [1].

Ориентируясь на учебник для американских колледжей и вузов «Экономикс» К. Р. Макконнелла, С. Л. Брю (впервые переведенным и напечатанным в России в 1992 г.), данные издания:

- иллюстрируют полное игнорирование философии хозяйствования (экономической онтологии, гносеологии, морфологии, праксеологии, аксеологии) как методологии экономической теории [2]. Как следствие, в основе методологии общения с обучающимися лежат не свойственный им позитивизм и прагматизм;

- не актуализируют методологию анализа иерархии экономических законов в силу отсутствия философского подхода и замены его функциональным, прикладным подходом. Как следствие, увлечение математикой, графиками, микроэкономическим анализом, калькуляцией доходов и расходов приводит к вивисекции экономического мышления у обучающихся;

- нарушают причинно-следственные связи экономики с другими сферами жизнедеятельности общества и человека, предлагая оценивание и понимание всех явлений общественной жизни исключительно с позиций хозяйственной рациональности, материальной продуктивности и производственной эффективности. Однако со всей определенностью следует подчеркнуть, что хозяйственные потребности сориентированы на человека, но никак не наоборот. Кроме того, данный подход вступает в противоречие с содержанием курса «Обществознание», благодаря которому обучающиеся познают, что экономическая сфера общества включена в связи и отношения с духовной, политической, правовой и другими сферами жизнедеятельности общества и человека.

Сказанное позволяет сделать вывод, что пришло время вернуть предмету экономика его гуманный смысл [3]. По нашему мнению, *предметом курса «Экономика», следует считать изучение общественных условий, человеческих отношений,*

а также характера, способа и форм их осуществления в процессах хозяйственно-экономической жизни. Другими словами, *в центре экономической теории должна находиться антропология*, учение о самом человеке. Весь спектр философских проблем находит свое преломление, развитие и, в определенной мере, завершение в хозяйственно-экономической деятельности человека и общества. В наиболее концентрированном виде они фокусируются по осевой линии философского осмысления основополагающих экономических проявлений хозяйствующего субъекта. Как следствие, ключевыми моментами философско-экономического анализа выступают: «человек – труд – собственность – богатство – свобода – культура». Именно эти важнейшие аспекты и составляют предмет философии хозяйства, которая выступает теоретико-методологической основой самой экономической теории.

Экономическое сознание в виде отдельных идей и представлений, переживаний, чувств и эмоций человека теснейшим образом связано и переплетено невидимыми нитями с нравственным, правовым, политическим и всеми другими формами сознания. Главным критерием целостности, системности, полноты экономического сознания выступает его социально-преобразующая функция. Когда человек становится способным преобразовывать хозяйственную деятельность, улучшать и совершенствовать ее, мы вправе говорить о полноте и целостности его экономического сознания.

Литература

1. Любимов Л., Раннева Н. А. Основы экономических знаний: Учебник для 10–11 классов. – М.: Вита-Пресс, 1997; Андриянов В. П., Щегрова Ф. В. Основы экономической теории: Учеб. пособ. для сред. проф. уч. зав. / Под ред. Н. В. Сумцовой. – М., 2001.
2. Стожко К. П. Экономическая теория: Учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. – Т. I. – С. 36–57.
3. В области менеджмента тому есть прекрасные образцы: см.: Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: Учебник. – М.: Гардарики, 1999; Менеджмент (современный российский менеджмент): Учебник / Под ред. Ф. М. Русинова, М. Л. Разу. – М.: ФБК–ПРЕСС, 1999.

Развитие невербального потенциала личности средствами и методами физической культуры

На современном этапе человечество вступает в такой период развития производительных сил, когда опредмечиванию подлежат функции обслуживания и управления машиной. Работник вступает в процесс производства уже в качестве программиста, наладчика, оператора, технолога, инженера-конструктора и, наконец, ученого – исследователя. В связи с такого рода перераспределением функций решающую роль в самом материальном производстве начинают играть не мускульные и двигательные усилия человека, не затраты физической энергии, а его способности решать сложные эвристические задачи, искать и находить оптимальные варианты технологических процессов и организационных структур, управлять ими. А в этом случае от работника требуются, в первую очередь, разносторонние технические и научные знания, умение творчески мыслить и действовать.

Как отмечает С. В. Дмитриев, техническая цивилизация постепенно приводит к «технизации духа». Из «живой машины» человек превращается в «живой придаток» машины. Имеет место ограниченность рабочего пространства, нарастание нервной и эмоциональной напряженности труда, углубление условий гиподинамии. Однако человек переживает и познает реальность мира только через собственное тело. Ведь поведение, в том числе и профессиональное, реализуется в системе большого количества умений, позволяющих использовать свое тело как инструмент экспрессии «языка человеческих чувств», передачи своих переживаний другим людям, информирования их о своем отношении к явлениям, объектам. При этом все многообразие нюансов невербального по-

* **Вера Степановна Макеева** – завкафедрой физического воспитания, д-р педагог. наук, профессор Орловского государственного технического университета (г. Орел).

ведения человека является профессиональным инструментом для лиц многих профессий.

Недостаточное развитие «языка тела» может быть следствием функциональных расстройств или структурных органических нарушений и заболеваний, и это может проявляться своеобразной мышечной слабостью, отражающей дезорганизацию нейромышечного обеспечения и регуляции системы обеспечения. Так, в результате профессионального перенапряжения мышц и гиподинамии могут возникать заболевания мышечно-связочного аппарата, так называемые «переигрывания рук», и нарушения работы нижних конечностей и позвоночника. В частности, нарушение осанки в нижнем отделе позвоночника – лордоз (перегиб) выглядит неэстетично и отрицательно влияет на работу внутренних органов (почек, мочеполовой системы). Нарушение осанки в грудном отделе позвоночника проявляется в сутулости или в сильном перегибе, что вызывает нарушение деятельности легких и сердца, желудочно-кишечного тракта. Нарушение осанки в шейном отделе позвоночника, как правило, выражается в сильно выдвинутой вперед области шеи, что является причиной воспалительных процессов в горле, ведет к нарушениям сердечно-сосудистой системы.

Таким образом, недостаточный потенциал здоровья, низкая физическая подготовленность, сниженная общая работоспособность становятся серьезным препятствием на пути к профессиональному совершенствованию. Ведь использование в трудовом процессе современных средств труда не освобождает работника от физических усилий, преимущественно проявляющихся в виде мелкой моторики рук и длительном сохранении одних и тех же рабочих поз. И, несмотря на то, что в целом полезность занятий физическими упражнениями никем не оспаривается, даже и в наше время многие исследователи не связывают профессиональное мастерство и его совершенство с физическим развитием, физической подготовленностью или с физической работоспособностью.

Как показал анализ литературных источников, различные «школы движений» уделяют огромное внимание формированию правильной осанки, тренингу походки и положению тела. Это объясняется тем, что внутренняя картина движения или внутренняя моторика, складывающаяся в процессе специального тренинга, придает движению определенную пристрастность, направленность, отражая внутреннее отношение человека к тому, что он делает. В целом весь процесс учения требует овладения навыками, которые

связаны с освоением движений мышц. У Э. Золя встречаем: «Кто сказал, что думают одним мозгом!.. – Всем телом думаешь». Поэтому стремление иметь красивую подтянутую фигуру похвально не только с эстетической, но и с медицинской, профессиональной точек зрения. Хорошая осанка и развитые мышцы туловища – залог крепкого здоровья, хорошего самочувствия и профессиональной успешности.

В своем исследовании мы предположили, что для повышения эффективности профессиональной подготовки и профилактики заболеваний мышечно-связочного и опорно-двигательного аппарата следует обратить внимание на возможность и целесообразность использования специального комплекса физических упражнений, массажа и методов релаксации. Такое предположение связано с тем, что средства и методы, наработанные в пространстве физической культуры, дают широкие возможности формирования невербального поведения на основе развития физических качеств и двигательных умений из арсенала различных видов спорта и систем физических упражнений, особенно ритмической и пластической гимнастики, спортивной гимнастики и танцев, акробатики и др.

Основной идеей разработанной системы педагогического воздействия «Хорошо настроенное тело» является строго индивидуальный подход, опирающийся на комплексы физических упражнений для мышц плечевого пояса, спины и шеи, позвоночника, предплечья, запястий, кисти, стопы, колена и т. д. в сочетании с музыкальным сопровождением.

В исследовании принимали участие студентки технических специальностей, занимающиеся на добровольной основе в группах спортивных танцев и фитнес-аэробики. Добровольные занятия в указанных секциях психологически более подвижны, гораздо менее регламентированы, чем учебный процесс, разнообразны, синтетичны, создают ситуации свободного выбора.

В процессе педагогических наблюдений проводился анализ позы, ходьбы, объема движений, осуществлялась статическая и динамическая пальпация мышц нижних и верхних конечностей с использованием стандартизированных диагностик в оценке физического состояния.

На основании проведенного исследования и накопленного многолетнего опыта мы считаем, что занятия спортивными танцами, фитнес-аэробикой играют огромную роль не только в формировании походки, осанки, манере держаться и прочих невербальных

признаков, но, в целом, носят человекотворческий характер, ориентированы на студентов, на всестороннее раскрытие их личностного потенциала, обеспечивают психическое и физическое здоровье личности. В результате занятий формируется личность, обладающая: определенными суждениями, готовностью к действию; самой системой деятельности, которая закрепляется знаниями, пониманием и умением действовать; самоидентичностью и социальной идентичностью, которые дают возможность получать удовлетворение от своих действий.

Студентку технического вуза как субъект образовательного пространства физической культуры отличает: избирательность поведения (отношение личности к тем объектам, ради которых разворачивается деятельность); профессиональная ориентация; совершенствование контактирования с другими людьми.

Факторами, обуславливающими успешную динамику результатов, являются положительные изменения в показателях физических качеств, состоянии здоровья, умственной и физической работоспособности, изменения в личностных особенностях (мотивах, умениях, самооценке, эмоциональных состояниях, общении и стиле общения, знания действий профессиональной практики в различных сочетаниях и прочее).

Юридические факты как основания образовательных правоотношений: теоретико-правовой аспект исследования

Проблема юридических фактов в сфере образования практически не привлекала внимания теоретиков права¹. Однако данная тема имеет исключительно большое значение как в теоретико-правовом и отраслевом юридическом отношении, так и с точки зрения образовательно-правовой практики. Помимо прочего, это связано с тем, что сами отношения, складывающиеся в сфере образования, обладают такой спецификой, которая для немалого числа исследователей является основанием для выделения – прямо или косвенно (с оговорками) – образовательного права в качестве комплексной (или сложносоставной) отрасли российской системы права². Очевидно, такая специфика во многом обусловлена и особенностями социальных и юридических фактов, лежащих в основе таких отношений, причем особенностями, которые достаточно четко отличают эти факты от фактов в других сферах жизнедеятельности. Кроме того, объективно обусловленное ассимилирование образовательной системой России принципов и норм «Болонского процесса» закономерно предполагает обращение как к теории юридических фактов, так и к анализу особенностей последних с учетом специфики возникающих новых и трансформации

* О. А. Овчинникова – директор Нижнетагильского филиала Международного юридического института при Министерстве юстиции РФ (г. Н. Тагил).

¹ Речь идет, главным образом, о работах В. М. Сырых и В. И. Шкатуллы (см.: Сырых В. И. Введение в теорию образовательного права. М., 2002; Шкатулла В. И. Образовательное законодательство: теоретические и практические проблемы. Общая часть. М., 1996).

² См., например, помимо указанных работ В. М. Сырых и В. И. Шкатуллы, работы Е. С. Кананькиной, С. В. Курова, В. В. Спасской, М. Ю. Федоровой, Д. А. Ягофарова и др.

существующих правоотношений международного и национального характера.

Юридические факты в традиционной для отечественной правовой теории трактовке определяются как обстоятельства, с которыми закон (и шире – нормы права) связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений³. Очевидно, что применительно к сфере образования речь идет о таких обстоятельствах, возникающих (складывающихся) в этой сфере, которые предусматриваются нормами образовательного законодательства и в соответствии с которыми (нормами) возникают правовые отношения между участниками образовательных отношений. Вместе с тем возникает ряд вопросов, ответы на которые могут высветить как особенности самих правоотношений в сфере образования, так и самих юридических фактов как оснований этих правоотношений. В данном случае обратим внимание только на два из них.

Первый вопрос касается самого понятия образовательных правоотношений. В образовательно-правовой литературе сложилось несколько подходов к трактовке образовательных правоотношений. В свою очередь, эти подходы детерминированы неоднозначностью толкования исходного понятия – понятия образовательных отношений (или отношений в сфере образования). Так, один из первых исследователей в области образовательного законодательства В. И. Шкатулла полагает, что образовательными отношениями, в широком смысле, являются все отношения, складывающиеся в сфере образования, в узком же смысле – только отношения, имеющие педагогический характер, то есть педагогические отношения по обучению и воспитанию⁴. И те, и другие выступают предметом правового регулирования, то есть образовательного права. Один из ведущих теоретиков права, посвятивший значительное внимание образовательно-правовым проблемам, В. М. Сырых под образовательными отношениями понимает лишь отношения, складывающиеся в процессе обучения и воспитания, то есть то же, что и В. И. Шкатулла в узком смысле⁵. По мнению В. М. Сырых, все

³ См.: Гоїман-Калиновский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права: Учеб. пособие для вузов / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. М., 2003. С. 370; Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 6.

⁴ Шкатулла В. И. Указ. соч. С. 95.

⁵ См.: Сырых В. И. Указ. соч. С. 111.

отношения, подлежащие правовому регулированию в сфере образования, являются «отношениями в сфере образовательного права», а помимо входящих в этот массив «образовательных отношений» в его трактовке, входят также «комплексные отношения», находящиеся на стыке образовательного права и других отраслей права и «отношения, которые сопутствуют образовательным отношениям»⁶.

Трудно не заметить, что такие разночтения во многом связаны с различным истолкованием самого термина «образовательный» (применительно к понятию «общественные отношения»). В прикладном плане (с точки зрения практики употребления терминологии) такое положение не способствует облегчению понимания не только исследователей – юристов и эдукологов, но и многочисленного корпуса практических управленческих и педагогических работников системы образования. В этом плане представляется более удачным предлагаемый Д. А. Ягофаровым подход, согласно которому все отношения, возникающие в сфере образования, являются «отношениями в сфере образования», которые на наш взгляд, все же уместнее было бы назвать просто «образовательными правоотношениями». Те образовательные отношения, которые непосредственно связаны с процессами обучения (учения, научения, организации образовательного процесса, методики его осуществления) целесообразно обозначить как преципионные отношения (от лат. *praecipue* – преимущественно, особенно), а те отношения, которые сопровождают (обеспечивают поддержание и осуществление предыдущих, – комиторными образовательными отношениями (от лат. *comitor* – сопровождать)⁷. По крайней мере, такая дифференциация содействует более четкому пониманию не только особенностей отношений складывающихся в сфере образования, но и специфики правового регулирования образовательной сферы. По крайней мере, становится более понятной природа и особенности правоотношений, складывающихся в связи и по по-

⁶ См.: Сырых В. И. Указ. соч. С. 111. Точку зрения В. М. Сырых разделяет и В. В. Спасская, полагая при этом, что термин «педагогические отношения» (как и термин «педагогический процесс») в силу ряда причин исчерпал свой познавательный потенциал и должен быть заменен термином «образовательные отношения» («образовательный процесс» (См.: Спасская В. В. Образовательные правоотношения: вопросы теории. М., 2005. С. 33).

⁷ См.: Ягофаров Д. А. Нормативно-правовое обеспечение образования. Правовое регулирование системы образования: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям. М., 2008. С. 55–60.

воду содержания, организации и осуществления собственного образовательного процесса (преципионные правоотношения) и отношений, складывающихся в связи с необходимостью правового обеспечения (комиторные правоотношения).

Второй вопрос связан с видами и особенностями юридических фактов как оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношений, складывающихся в сфере образования. В литературе наиболее полная на настоящий момент характеристика системы юридических фактов в сфере образования представлена В. М. Сырых⁸. По его мнению, «система юридических фактов, которая выступает объективной основой для возникновения и динамики образовательных отношений, является достаточно сложной и включает в себя практически все виды известных теории права юридических фактов: события, правомерные действия, правонарушения, индивидуальные и правоприменительные акты»⁹. В то же время тема юридических фактов в образовательно-правовой литературе остается недостаточно раскрытой. В частности, без внимания остаются такие важные вопросы, как отнесение к системе юридических фактов состояний субъектов преципионных и комиторных образовательных правоотношений. Кроме того, в сфере образования большое значение имеют различного рода и длительности сроки, правовая роль которых как юридических фактов велика. Наконец, в контексте необходимости исполнения Россией обязательств, взятых ею в связи с вступлением в европейское образовательное пространство, статус юридических фактов, обуславливающих возникновение, изменение и прекращение образовательных правоотношений, приобретают как международные соглашения и договоры, под которыми российское государство поставило свою подпись, так и сами факты такой подписи.

Таким образом, проблематика юридических фактов в сфере образования, содержание и характер которой обусловлены действительно специфическими чертами образовательных отношений, требует, безусловно, своего целенаправленного и системного исследования. Это даст новый импульс теоретико-правовым исследованиям в области образовательного права и одновременно обогатит общую теорию юридических фактов.

⁸ Сырых В. М. Указ соч. С. 117–132.

⁹ Там же. С. 131.

Дистанционное образование как фактор включения России в мировое образовательное пространство

XXI век принес в мир перемены, вызванные усилением процесса глобализации. В образовательной сфере этот процесс проявляется как вступление государств в Болонский процесс, когда мировое образовательное пространство становится доступным для российских граждан. Сфера современного образования базируется на двух основополагающих принципах, выдвинутых ООН и ЮНЕСКО: «образование для всех» и «образование через всю жизнь». Реализация этих принципов в России, где население распределено на огромной площади, требует дополнить их еще одним принципом: «образование по месту проживания»¹, поскольку в условиях России экономически нецелесообразно собирать людей для обучения в столичных вузах. Также нельзя не учитывать интересы развития регионов, которые нуждаются в качественном образовании «здесь и сейчас», и где люди готовы платить за это образование. Обучение по месту проживания и работы становится возможным при использовании информационно-компьютерных технологий, на которых базируется дистанционное образование (ДО).

Технологические особенности дистанционного образования позволяют реализовать принцип социального равенства: представители различных социальных слоев и групп имеют равные возможности получения образования независимо от места проживания, состояния здоровья, элитарности и материальной обеспеченности обучаемого. Гибкость и модульность дистанционного образования позволяет заниматься в удобное время, в удобном месте и темпе,

* *Елена Павловна Пьянзина* – ст. преподаватель, зам. завкафедрой информационных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Карпенко М. П.* Глобализация образования: возможности и перспективы. <http://www.c-society.ru>

сформировав собственный учебный план, отвечающий индивидуальным или групповым потребностям. Для людей, повышающих квалификацию, важна возможность обучения без отрыва от производства, параллельно с профессиональной деятельностью.

Для дистанционного образования характерен широкий охват учебной аудитории. Коммуникативные возможности современных сетей, на основе которых функционирует дистанционное образование, обеспечивают одновременное обращение ко многим источникам учебной информации (электронным библиотекам, банкам данных, базам знаний и т. д.) большого количества обучающихся. Общение обучающихся друг с другом и с преподавателями через электронную почту реализует асинхронная связь «один-ко-многим», через телеконференции – синхронная связь «многие-ко-многим».

Важной чертой дистанционного образования является его экономичность. Рациональное использование учебных площадей, технических и транспортных средств, концентрированное и унифицированное представление учебной информации и мультидоступ к ней снижает затраты на подготовку специалистов. Электронная форма отчетности студентов облегчает и делает наглядным учет и контроль успеваемости студента в отдельности и группы в целом.

В системе дистанционного образования воспитываются специалисты, обладающие широким спектром как профессиональных, так и личностных компетенций, необходимых в условиях информационного общества. Это профессионализм, умение планировать свою деятельность, аналитические способности, коммуникативность, компьютерная грамотность, свободная ориентация в сетевых ресурсах. Большинство из названных компетенций относится к сфере общекультурного уровня, который задает высшее, и особенно дистанционное образование. Для России возвращение таких специалистов в разных профессиональных областях насущно необходимо в условиях перехода к информационному обществу. Активное освоение информационно-коммуникационных образовательных технологий позволяет совершенно одинаково и качественно организовать образовательный процесс в любой географической точке страны и мира, обеспечить мобильное распространение знаний через обмен образовательными ресурсами, укрепить многостороннее сотрудничество с другими национальными образовательными системами.

Впервые о необходимости развития дистанционного в России заговорили в 1993 году, когда в Госкомвузе прошло заседание кол-

легии «О создании системы дистантного образования в РФ», на котором говорилось, что стране необходима единая система обучения на расстоянии. Госкомвузом в 1995 году была разработана концепция развития дистанционного образования, но из-за отсутствия масштабного государственного финансирования, она не была реализована в полном объеме. Следующей попыткой внедрения дистанционного образования в России был эксперимент по внедрению дистанционных образовательных технологий, проводившийся с июля 1997 года по август 2001 года. По данным Министерства образования РФ, удалось уточнить направления развития и методы дистанционного образования в Российской Федерации и получить поддержку в среде научно-педагогической общественности, а также привлечь к обучению более 100 тыс. человек уже на первом этапе к 2000 году². Хотя официально эксперимент был завершен, развитие дистанционного образования в России осталось под надзором государства. Министерство признало, что «академическое сообщество и общество в целом преодолели предубеждение против дистанционных и электронных методов обучения, ... дистанционное образование справедливо рассматривается как перспективное направление развития национальной системы образования, ... эксперимент показал необходимость и государственную важность развития ДО в России»³. В то же время осталось много проблем: малые объемы финансовой помощи государства и недостаточная научная работа преподавателей и студентов филиалов. Но, несмотря на проблемы, в стране успешно функционируют крупные центры дистанционного образования, предоставляющие услуги не только российским, но и зарубежным студентам. Это, например, Международный центр ДО (МЦДО) ЛИНК. С 1991 г. он начал предоставлять в России программы Открытой школы бизнеса Открытого Университета Великобритании. В настоящее время ЛИНК располагает сетью региональных учебных центров в 60 городах России и странах СНГ, где ежегодно обучается около 5000 студентов⁴. В отличие от МЦДО ЛИНК, выполняющего импорт образования, Центр (институт) ДО МЭСИ ведет разработку собственных про-

² Приказ Министерства образования РФ от 27 июня 2000 г. № 1924 «Об эксперименте в области дистанционного образования».

³ <http://www.ou-link.ru/pub/2002ee09.htm> – Международный институт менеджмента ЛИНК

⁴ <http://www.link.msk.ru/>

грамм дистанционного образования. Центр был создан в начале 1994 г. Начав с ряда проектов по предоставлению зарубежного образования, в частности, увольняемым в запас офицерам, МЭСИ приступил вскоре к созданию собственных дистанционных курсов. В настоящее время система дистанционного образования распространена на многие российские регионы⁵.

Главным достоинством эксперимента стало то, что он подтолкнул законотворческий процесс в сфере дистанционного образования, начавшийся весной 2001 года. В Федеральный закон «Об образовании» были внесены дополнения. В пункт 3 статьи 15 внесено определение: «Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением средств информатизации и телекоммуникации, при опосредованном или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника»⁶. Пункт 9 статьи 33 дополнили абзацем о правилах экспертизы филиалов вузов, использующих дистанционные методы обучения. Коллегия министерства одобрила методику применения дистанционного обучения в российских вузах.

За последние годы наметился прогресс в практическом использовании информационно-компьютерных образовательных технологий. Серьезной поддержкой ему стал национальный проект «Образование»⁷, определяющий суммы ежегодного госбюджетного финансирования по следующим направлениям: поддержка и развитие лучших образцов отечественного образования, внедрение современных образовательных технологий, государственная поддержка субъектов Российской Федерации, внедряющих комплексные проекты модернизации образования, развитие технической основы современных информационных образовательных технологий. На реализацию направлений проекта из госбюджета выделяются миллиарды рублей. Ответственными за исполнение мероприятий по этим направлениям проекта определены Министерство образования и науки РФ и Федеральное агентство по образованию РФ⁸.

⁵ www.mesi.ru/e-learning

⁶ Закон РФ «Об Образовании» от 10.07.1992 № 3266-1

⁷ <http://www.rost.ru/main/what/welcome/a00.shtml> – Совет при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике.

⁸ <http://www.rost.ru/main/2007.shtml>

Имея такую поддержку государства и мощный интеллектуальный потенциал, вузы России могут вступать в битву за студента уже не только друг с другом, но и с вузами Англии, США, Австралии, Франции. Среди организаторов отечественного образования растет понимание того, что развитие дистанционного обучения является важным фактором приобщения России к мировому образовательному пространству.

И. Ю. Самолук*, И. В. Тесленко**

Аспекты внедрения информационных технологий в рамках среднего общего образования

Социально-экономические преобразования, характерные для России последних десятилетий, резко изменили экономические и ценностные ориентиры российского общества, что повлекло за собой изменение целей и задач, стоящих перед образованием. Приоритетной целью модернизации образования в России является обеспечение высокого качества, которое не сводится к уровню обученности (знания, умения, навыки) учащихся, а связывается и с воспитанием, и с активной социализацией. В данном случае на первый план выходят такие навыки, как умение творчески решать научные, производственные и общественные задачи, самостоятельно критически мыслить, вырабатывать и отстаивать свою точку зрения, уважая при этом мнение других, систематически и непрерывно пополнять и обновлять свои знания путем самообразования. Информатизация муниципальных образовательных учреждений, проведенная российским правительством в рамках приоритетного национального проекта «Образование», предоставила педагогическим коллективам новые возможности по организации учебно-воспитательного процесса.

Безусловно, внедрение в школьную практику информационных технологий позволит повысить мотивацию на учебу и социальную деятельность, уровень социальных навыков учащихся. Актуально это и в связи с тем, что современные дети «привязаны» к компьютеру, но далеко не всегда в конструктивном плане, а использование ПК в учебной деятельности позволит открыть новые границы взаимодействия с компьютером в рамках образовательного процесса, стимулируя получение новых знаний и повышение успеваемости, способствуя социализации.

* **Ирина Юрьевна Самолук** – студентка УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

** **Ирина Владимировна Тесленко** – доцент кафедры социологии и СТУ УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

Как известно, педагогические коллективы школ сталкиваются с достаточно серьезной проблемой: обучение и воспитание «трудных» детей, численность которых неуклонно растет год от года. Причем к категории «трудных» сегодня можно отнести не только детей из неблагополучных и неполных семей, но и тех детей, которые не имеют опыта общения – не посещавших дошкольные образовательные учреждения, а также тех, кто полностью предоставлен себе, имеет карманные деньги на расходы, не контролируемые родителями.

Проблема воспитания детей группы риска решается практически во всех образовательных учреждениях традиционными методами, предложенными Министерством образования и науки РФ: выявление и постановка на учет учащихся данной категории; проведение коррекционной работы через индивидуальные беседы с несовершеннолетними и их родителями; корректировка программы обучения и определение альтернативных форм обучения; посещения на дому; организация бесплатного горячего питания, летнего и каникулярного отдыха; работа совета по профилактике; взаимодействие с другими инстанциями, работающими с семьями, которые находятся в социально-опасном положении. Такая работа с «трудными» детьми не является истинным мотиватором и дает только кратковременные результаты.

Для того чтобы действительно помочь детям выше обозначенной категории, требуется совсем иной педагогический подход. Внедрение в практику методик работы с детьми и молодежью группы риска, отвечающих современным потребностям общества, позволит обучить их важным социальным и жизненным навыкам, перестроить воспитательный процесс и по-новому организовать профилактику негативных явлений среди учащихся.

Муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 8, учредителем которой является от имени Муниципального образования городской округ Красноуфимск, в работе с детьми группы риска использует традиционные методы. Школа полностью укомплектована педагогическими кадрами по всем образовательным программам, что позволяет проводить обучение по всем предметам федерального, национально-регионального и школьного компонентов.

МОУ СОШ № 8 г. Красноуфимска располагает 13 учебными кабинетами, с начала 2006 учебного года в школе действует компьютерный класс. В школе обучаются дети в основном из частного

сектора железнодорожного района, Соболей, Горняка, окраины города. В микрорайоне нет культурно-досуговых, спортивных учреждений, отсутствуют учреждения дополнительного образования. Ежегодно в общеобразовательном учреждении обучается до 30 % детей, находящихся в социально-опасных условиях; некоторые дети из социально-неблагополучных семей приходят в класс, отставая от возрастной нормы развития; во многих семьях общечеловеческие ценности не являются нормой повседневного поведения, что отражается и на воспитании детей. Все это вынуждает школу активно сотрудничать с городским и районным социально-реабилитационными центрами.

На основе результатов проведенного анализа педагогический коллектив школы в 2007 году был вынужден разработать альтернативные методы работы с детьми из группы риска, а именно проект «Внедрение информационных технологий как средства повышения уровня социализации детей группы риска». Перед участниками данного проекта были поставлены такие задачи, как повышение качества социализации детей группы риска через формирование мотивации на учебную и социальную деятельность; снижение уровня тревожности, развитие социальных навыков; формирование социальной компетентности через развитие социально значимых способностей и склонностей детей.

В рамках проекта педагогическим коллективом разрабатываются и апробируются на практике механизмы вовлечения детей группы риска в учебно-воспитательный процесс на основе информационных технологий, которые используются как в традиционной классно-урочной схеме, так и в работе творческих кружков. Особое внимание при этом обращается на развитие положительно-эмоционального состояния и достижение успешности воспитанников посредством применения разнообразных форм проведения занятий, создания благоприятной психологической обстановки.

Дидактические материалы, методические разработки и модули учебной программы, разработанные творческими группами учащихся под руководством учителей в рамках проекта будут готовы к использованию в учебно-воспитательном процессе.

По окончании Проекта школа будет обладать системой отработанных методов воспитания социальных навыков и работы с детьми группы риска. Данный опыт может быть распространен на весь круг социализирующих предметов и внеклассных мероприятий и позволит педагогическому коллективу эффективнее совершенствовать и развивать учебно-воспитательную работу школы.

О проблемах развития системы образования России в контексте Болонского процесса

По мнению зарубежных экспертов, сильными сторонами советской системы образования были опора на научные достижения и связанное с этим высокое качество образовательных программ, приверженность основам классического знания и уважение к интеллекту и интеллектуальным авторитетам. Отечественные исследователи отмечают к тому же высокую значимость внеклассной работы, дававшей основы для социализации детей и подростков, способствовавшей их личностному самоопределению и эстетическому развитию.

В то же время, среди недостатков называются авторитарный стиль преподавания, идеологизированность, отсутствие возможностей для проявления личностной активности – то, что приводило к несформированности у учащихся навыков самообразования, и, как следствие, отсутствию мотивации к продолжению образования во взрослом возрасте.

В общем и целом, излишняя идеологизация образовательного процесса способствовала формализации обучения, механическому воспроизводству знания без понимания его смысла, без учета актуального контекста и допущения возможности альтернативы, что обедняло как содержательную, так и методологическую сторону преподавания и, в конечном счете, способствовало появлению дефицита новых идей и методик в этой области. Дефицит идей, в свою очередь, активизировал процессы стагнации в сфере педагогики и образования, в то время как скорость появления новых идей во всех сферах жизни постоянно возрастает. Возрастает и скорость обновления социального опыта. В этих условиях необходимо адекватно реагировать на возникающие изменения, для чего

* *Елена Геннадьевна Сахновская* – ассистент кафедры философии и культурологии УрГУПС (г. Екатеринбург).

нужно осваивать различные схемы обобщения знания и его связи с личным опытом. А в основе советской модели образования, в частности, лежит устойчивая и проверенная временем классическая знаниевая модель, которая представляет собой лишь одну из множества форм отражения окружающего мира и взаимодействия с ним.

Исследования показывают, что для российских школьников затруднительно связывать знания и личный опыт даже в рамках классической модели. В частности, в ходе европейского тестирования по программе PISA, в котором анализировалась способность использовать полученные в школе знания в реальной жизни, российские школьники показали низкие результаты как минимум в четырех направлениях:

- в умении эффективно и грамотно решать практические, социальные и личностно-значимые проблемы;
- в умении увязывать с приобретаемой в школе системой знаний свой жизненный опыт, дополнительные сведения, полученные из других источников;
- в умении работать с информацией, читать и анализировать тексты, анализировать и интерпретировать данные, представленные в иной нетекстовой форме;
- проводить наблюдения, строить на их основе гипотезы, делать выводы и заключения, проверять предположения.

Самые низкие результаты наши учащиеся продемонстрировали в области чтения и понимания текстов разных жанров и форматов, где оценивались следующие умения: нахождение информации, интерпретация текста, рефлексия на содержание текста и его форму и их оценка¹.

В то же самое время более высокие результаты в этом тестировании показали страны в большей степени, чем Россия ориентированные на прикладные модели развития образования, в частности, Финляндия, Франция, Италия, США, Латвия и Литва. Это связано, по нашему мнению, со свойственным названным странам прагматическим отношением к приобретаемым знаниям, понимаемым как средство достижения личного успеха.

Существует еще одна традиция отношения к знанию как к средству самосовершенствования и духовного развития, что про-

¹ Материалы дискуссии о конкурентоспособности российского образования // Вопросы образования 2005. – № 1. – С. 235–263.

является в ярко выраженном приоритете общенаучных и общекультурных тем над вопросами частного и прикладного характера. Эта традиция в большей степени характерна для азиатских стран и для России. В России, в частности, она отражается в дискурсе интеллигенции и связана со взглядами на образование таких мыслителей, как В. И. Вернадский, В. В. Розанов, Н. И. Пирогов и др.

Но, как уже говорилось, подобная традиция отношения к образованию характерна не только для России, но и для таких стран, как Сингапур, Южная Корея и Япония, которые, согласно рейтингам PISA и TIMSS, входят в число лидеров в области образования. Следовательно, сам факт использования прикладных технологий в обучении не влияет на качество системы образования страны в целом.

Таким образом, причина кризисных явлений в образовательной системе России не связана напрямую с проблемой выбора образовательных технологий. Скорее всего, она связана с проявляющимся в обществе в целом ценностным вакуумом и отсутствием глобальных идей, кардинально влияющих на развитие социума и определяющих господствующую в нем систему ценностей. Поэтому в настоящее время необходимо сделать ставку на поиск новых идей, связанных с разработкой различных моделей образовательной ситуации, проектов, обучающих технологий и способов их практической реализации. Данное обстоятельство предполагает поддержку этих точек роста, выражающуюся в приоритетном финансировании и предоставлении им экономических свобод, а также в формировании «дружественной среды», связанной с распространением передового опыта в другие образовательные учреждения региона. Таким образом, новые концепции и разработанные на их основе прикладные модели (как коммуникативных сред, так и образовательных технологий) могут послужить основанием для адаптации практических принципов Болонской декларации к условиям России.

Т. Н. Серёгина*

Современные представления об «идеальном» преподавателе бизнес-дисциплин

В России развитие образования объявлено национальной проблемой, успешность решения которой во многом определяет результаты проводимых сегодня в стране реформ. За последние десятилетия образование приобрело столь широкомасштабный характер, что малейшее сомнение в его эффективности и конкурентоспособности вызывает растущее беспокойство не только специалистов, но и самых широких слоев. Становление и развитие различных форм и видов образования, его функциональная трансформация, усиление влияния образования на успешность карьеры и качество жизни в целом поставили вопросы качества образования, оценки результатов деятельности преподавателей и образовательных учреждений на принципиально иной, социально значимый уровень.

В настоящее время мы сталкиваемся с противоречием, обусловленным, с одной стороны, современными требованиями к системе образования, когда образование рассматривается как мощная движущая сила экономического роста, как фактор национальной безопасности и благосостояния страны, благополучия и успешности каждого гражданина, с другой, – нынешним состоянием образования. Его содержание и структура, материальная база, организационно-экономические и управленческие механизмы, статус педагогического работника, который не соответствует современным потребностям развития страны, запросам личности, общества и государства.

Сегодня продолжают дебаты, как в стенах самих образовательных учреждений, так и за их пределами по ряду актуальных проблем. Во-первых, проблема любого образования, тем более

* **Татьяна Николаевна Серёгина** – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления (КубГУ) (г. Краснодар).

бизнес-образования в том, что знания и технические навыки быстро устаревают. Поэтому необходимо не только учить людей конкретным знаниям или навыкам, их надо учить эти знания генерировать, приобретать самостоятельно, интегрировать знания разных дисциплин, чтобы обеспечить синергетический эффект приращения знаний в процессе осознания многообразия и динамики событий, происходящих в современном мире. Именно поэтому современное образование должно быть связано с практикой более тесно, особенно если это касается подготовки менеджеров, управленческих кадров. Во-вторых, существует проблема оторванности теории от практики. Общеизвестно, что образование в России оторвано от практики, а взаимодействие бизнеса и образования пока остается односторонним: бизнес констатирует, что образование отстает от его запросов, но никаких реальных шагов навстречу не делает. В-третьих, необходимо ставить вопрос о роли практиков в обучении, об идеальном соотношении теоретиков и практиков в деле обучения менеджеров. Остается распространенной точка зрения, что преподаватели-теоретики не знают практики, а «практики», как правило, не являются преподавателями и не могут прочитать даже часовую лекцию. Как же выглядит «идеальный» преподаватель: «теоретик» или «практик»? Представления об «идеальном» преподавателе как ранее, так и сейчас продолжают беспокоить современную общественность. Ведь уровень образовательного учреждения и качество знаний, получаемых студентами, в первую очередь зависят от квалификации и мастерства преподавательского состава данного учреждения.

Стремительное развитие современного образования в целом, в особенности таких бизнес-дисциплин, как менеджмент, маркетинг, управление персоналом и ряда других требует постоянного профессионального роста преподавательского состава, и так сказать, погружения в практику. Сегодня преподавателями действительно высокого класса, считаются люди, обладающие одновременно опытом работы в бизнесе и соответствующими педагогическими навыками. Характерная особенность знаний о бизнесе – теория и практика здесь настолько сильно переплетены, что «обучить» бизнесу лишь с помощью привычных вузовских инструментов – лекций и чтения специальной литературы просто невозможно. В обучении бизнесу, управлению теория без практики неэффективна.

При реализации образовательных программ в вузе либо в другом образовательном учреждении важно соблюсти баланс между

преподавателями-учеными («теоретиками») и работниками реальных бизнес-структур («практиками»), потому что любое образование, тем более, если мы говорим о высшем, невозможно без серьезной теоретической подготовки. Такую подготовку могут дать только специалисты науки и образования. Но, с другой стороны, также очевидно, что у нас в стране существует достаточно быстро меняющийся бизнес в условиях динамично развивающейся экономики, и очень важно рассматривать какие-то конкретные задачи, конкретные примеры из реальной жизни и практики функционирования современных организаций. Таких реальных примеров зачастую нет – это у преподавателей-теоретиков явный недостаток. И все же нельзя однозначно сказать, кто полезнее в системе образования – практики или теоретики. Критерием, на который следует опираться при оценке деятельности либо выборе преподавателя, должен быть уровень его профессионализма.

Руководство и профессура образовательного учреждения должны учитывать особенности аудитории, уровень ее подготовки и квалификации, глубоко осознавать специфику подготовки профессиональных менеджеров. Так, для студентов первых курсов вуза подходит именно преподаватель-теоретик, обладающий значительным багажом теоретической информации, владеющий материалом учебных курсов. А вот закрепить полученные знания лучше с практиком, который покажет, как это все работает в жизни, подскажет возможные «подводные камни», даст советы, подкрепленные практическим опытом. Если это слушатели бизнес-школ (программ повышения квалификации, второго высшего образования), то есть люди взрослые, имеющие хорошо определенные цели в отношении своего образования, зачастую по собственному опыту знающие профессиональную сферу, в которой они намерены получить новую квалификацию, то такие слушатели приходят за получением навыков, а не знаний как таковых. Эти люди сильно мотивированы к получению образования, стремятся к освоению новых знаний и видению практических проблем через участие в совместных действиях, групповую работу, выполнение проектов. Такой слушатель ожидает, что приобретенные навыки дадут определенный результат и приведут к достижению поставленных целей: позволят устроиться на работу, занять более высокую должность, повысить зарплату и т. д.

Современные представления об «идеальном» преподавателе бизнес-дисциплин можно сформулировать в следующих основных положениях:

во-первых, у этого человека должны быть глубокие фундаментальные знания; умение построить курс системно, чтобы слушатели могли получить не фрагментарное, а целостное представление об определенной области управления (сфере бизнеса);

во-вторых, хороший преподаватель, особенно если это преподаватель бизнес-дисциплин, не может быть оторван от практики, он обязан знать реалии российского бизнеса на основе консалтингового опыта или постоянного мониторинга большого массива публикаций в отечественной прессе; при этом хорошо, если он сам занимается бизнесом или консалтингом в своей предметной области;

в-третьих, он должен уметь передать свой интеллектуальный багаж аудитории так, чтобы она его услышала, поняла и поверила. Этому будет способствовать наличие хороших преподавательских способностей и владение современными методами подачи материала. Обладать знаниями и уметь их передавать – не одно и то же;

в-четвертых, современная аудитория требует, чтобы преподаватель обладал сильной энергетикой, был увлекателен, харизматичен. Студенты (слушатели) берут пример с таких преподавателей, ведь они заряжают аудиторию примером своего успеха, помогают развитию лидерских качеств.

В заключение, подчеркнем, что «идеальный» преподаватель – это вовсе не «академик» чистой воды, но и не закоренелый практик. Это профессионал, способный слушать и понимающий практика, однако умеющий при этом с помощью научных методов и инструментов трансформировать практический опыт в знания. Образовательные программы будут успешны только в том случае, если образовательное учреждение имеет высококлассных преподавателей, сочетающих высокий академический уровень с хорошим знанием практики.